

Поворотные моменты истории Эстонии

Дополнительные материалы для учителя

Государственный предметный совет по истории рекомендует использовать пособие в качестве дополнительного материала на уроках истории.

Рецензенты: *Анатолий Григорьев, Айвар Кокс, Вяйно Сирк и Тыну Таннберг*

Составители: *Тоомас Карьяхярм и Андрес Адамсон*

Редактор: *Лариса Левина*

Перевод: *Эйнар Вяря, Марике Выйме и Айла Томингас*

Оформление: *Марге Пент*

ISBN 978-9949-438-29-7

Отпечатано в Таллиннской книжной типографии

Содержание

Предисловие.	5
<i>Андрес Адамсон</i>	
1. Некоторые проблемы преподавания истории Эстонии в школах с русским языком обучения.	7
<i>Тоомас Карьяхярм</i>	
2. Сборник документов и материалов по истории Эстонии для школ с русским языком обучения. Принципы составления сборника.	17
<i>Тоомас Карьяхярм</i>	
3. Использование письменных источников в преподавании новейшей истории.	21
<i>Роберт Страдлинг</i>	
4. Речь Президента Эстонии Тоомаса Хендрика Ильвеса к годовщине Тартуского мира 2 февраля 2007 года.	43
5. Эстония и Петроградский фронт гражданской войны в 1918 – 1920 гг. ...	48
<i>Карстен Брюггеманн</i>	
6. Две правды о последней мировой войне.	72
<i>Жан-Пьер Минодьер</i>	
7. Наше неизбежное противостояние.	76
<i>Ян Каплинский</i>	
8. Международный кризис 1939 – 1941 гг.	79
<i>Александр Чубарьян</i>	
9. Историк: у советского проекта в Прибалтике будущего не было.	88
<i>Елена Зубкова</i>	
10. Рапорты Международной комиссии Эстонии по расследованию преступлений против человечности.	98
11. Документы и материалы по новейшей истории Эстонии. Выбор источников.	127
<i>Тоомас Карьяхярм</i>	

Дорогие учителя!

Книга, которую вы сейчас держите в руках, поможет вам эффективнее использовать в работе сборник «Поворотные моменты истории Эстонии. Документы и материалы для гимназий». Помимо разъяснения принципов составления сборника, книга предлагает дополнительные возможности для воссоздания у учащихся многоплановой картины исторического развития.

Названные издания являются дополнительным материалом к используемым в школах учебникам по истории Эстонии, содержание которых составители учитывали в своей работе. В сборник «Поворотные моменты истории Эстонии. Документы и материалы для гимназий» включены интересные, порой уникальные исторические источники, а также иллюстративные материалы и учебные задания. Причем задания эти не предназначены для выполнения «от и до». Преподаватель может выбирать наиболее необходимые и наилучшим образом соответствующие целям урока с учетом интересов и способностей учащихся.

При отборе материалов составители исходили из требований Государственной программы обучения для основной школы и гимназии и, прежде всего, из предметной программы по истории. Хотя при составлении сборника основное внимание уделялось событиям политической истории, тем не менее, в него включены примеры из других областей общественного развития – культуры, экономики, повседневной жизни и т. д. Исходя из пожеланий учителей и экспертов-историков, основной корпус текстов освещает события новейшей истории XX века.

Основной целью издания является также необходимость учитывать запросы учащихся школ с русским языком обучения во всем, что касается культурного фона, восприятия истории и информационного поля, чтобы помочь им ближе познакомиться не только с историей Эстонии, но Европы и мира. По этой причине в сборник сознательно включено пропорционально больше примеров из истории эстонско-русских отношений, характеризующих связи между эстонцами и русскими, жизнь русских в Эстонии и т. д. Кроме того, при отборе материалов предпочтение отдавалось русским авторам и мнениям признанных российских историков.

Над проектом по составлению обоих учебных пособий работал коллектив авторов в составе: Андрес Адамсон, Тоомас Карьяхярм, Маре Ряйс, Вячеслав Жибуртович и Эйнар Вяря. В процессе работы над изданием было проведено три круглых стола, а также заслушаны и учтены мнения

многих учителей, историков, представителей русскоязычной прессы и общественности. Эмерит-профессор Таллиннского университета Мати Граф и докторанты Илья Давыдов и Индрек Киверик временами становились, можно сказать, дополнительными членами команды. Рецензии на оба издания написали доктора исторических наук Вяйно Сирк и Тыну Таннберг, а также преподаватели-методисты Анатолий Григорьев и Айвар Кокс. Содержание рукописей рецензировал общегосударственный Предметный совет по истории, члены которого Маре Оя и Эне Таннберг оказали большую поддержку при подготовке издания.

Оба пособия – как сборник исторических источников для учащихся, так и дополнительные материалы для учителя составлены по заказу Целевого фонда интеграции на основе проекта № 1.0101.06-0447 «Поддержка иноязычных общеобразовательных школ при переходе на двуязычное обучение», осуществляемого в рамках структурных фондов Европейского Союза. Оба тиража подлежат бесплатному распределению по школам.

Составители выражают признательность всем, кто помогал им в работе.

Андрес Адамсон

1. Некоторые проблемы преподавания истории Эстонии в школах с русским языком обучения

Тоомас Карьяхярм

Тоомас Карьяхярм – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Таллиннского университета.

В последние десятилетия все больше внимания уделяется вопросам истории, и такая тенденция наблюдается по всему миру. С падением коммунистической системы и распадом СССР народы Восточной Европы начали возвращаться к своей истории, в которой они ищут ответы на многие животрепещущие вопросы современности. Интерес к исторической проблематике остается очень высоким, и дебаты, касающиеся трактовки событий прошлого, не утихают (в том числе в Эстонии и в России). Иногда разногласия в трактовке событий новейшей истории становятся препятствием в налаживании диалога как между разноязычными общинами, так и между государствами.

Если раньше отношения в объединенной Европе были основаны на «политкорректном неупоминании» событий ближайшего прошлого, то сейчас эта тема занимает важное место в международной политике. Преимущественно по инициативе восточноевропейских стран Европейский союз стал уделять большое внимание вопросам новейшей истории, сравнивая нацистский террор с коммунистическим, что привело к осуждению преступлений коммунизма Парламентской ассамблеей Совета Европы.

I. Русскоязычное население Эстонии не представляет собой единого целого. В его многообразном составе сосуществует множество зачастую противоположных ценностных установок. Эти различия обоснованы культурным фоном, происхождением, уровнем образования и материальным положением. К русскоязычному населению относят тех, кто считает своей нынешней родиной Эстонию, а исторической – Россию, а также тех, кто считает родиной и Эстонию и Россию. Для некоторых родиной является Россия, а Эстония – только страна проживания (может быть, временного). Относят к русскоязычному населению и представителей других национальностей (украинцев, белорусов, евреев, татар и т. д.), говорящих на русском языке. Возникла также группа так называемых эстонских русских, которые ассимилировались и считают себя эстонцами. Встречаются и космополиты – граждане мира, для которых этнический признак вообще не имеет значения. Большая часть русскоязычного населения соотносит себя с понятием «прибалтийские русские», подразумевая специфическое культурное пространство и отличное от «российских русских» самосознание.

Таким образом, русскоязычное население Эстонии включает в себя группы с различной степенью интегрированности и интеграционного потенциала. Если верить социологам, то более четверти русскоязычного населения страны, т. е. около 80 000 человек в возрасте старше 15 лет можно считать глубоко интегрированными, более чем у трети уровень интегрированности средний, а у остальных – слабый. И лишь небольшая группа людей совершенно не интегрировалась в общественную жизнь Эстонии.

Первую группу характеризует знание эстонского языка и высокий образовательный и материальный уровень. Это в большинстве своем граждане Эстонской Республики, которые чувствуют тесную связь с эстонским государством и заинтересованы в его развитии. Они, как и люди со средним уровнем интегрированности (в общей сложности – это 70% русскоязычного населения страны), являются частью «политического» народа Эстонии – эстонской нации, формируемой на основе гражданства. По отношению к ним можно применять различные термины: «русскоязычные эстонцы», «эстонские русские», «эстоноземельцы», «соотечественники». С эстонцами их объединяет общее поле, связанное с государственным самосознанием и информацией. У такой группы преимущественно отсутствует протестное самосознание, основанное на чувстве отчужденности, и негативные предубеждения в отношении истории Эстонии.

Иная ситуация сложилась с теми, кто не желает признавать себя меньшинством, сознательно игнорируя эстонское государство и отрицая его идеологию. В то же время исследования показали, что само по себе наличие у человека гражданства не означает, что он влился в эстонское общество. Большая часть современной русскоязычной молодежи родилась в Эстонии и никак не связана с решением своих родителей переселиться на эту территорию. Однако в советское время родители также считали балтийские республики частью своей великой родины и не чувствовали себя мигрантами в чужой стране.

Процесс интеграции получил различные оценки. Одни считают, что интеграция была очень успешной, другие говорят о ее провале, а третьи утверждают, что вместо интеграции в Эстонии происходила сегрегация, в результате которой одна треть русскоязычного населения была отстранена от принятия общественно-значимых решений. Данные опросов показывают, что эстонцы менее терпимы в отношении неэстонцев, чем неэстонцы – в отношении эстонцев. Многие эстонцы под интеграцией подразумевают ассимиляцию русскоязычных жителей страны, их превращение в эстоноязычных граждан, в результате чего они должны перенять эстонское самосознание и понимание истории. Так же упрощенно понимают интеграцию многие русские, противящиеся подобной денационализации.

Опросы показывают, что молодое поколение неэстонского населения, изучавшее эстонский язык и культуру, не приблизилось в своем понимании истории к эстонцам. Скорее, наоборот. Основная причина этого парадокса

кроется в различном восприятии истории, а также в социальной отверженности (действительной или воображаемой), что является благодатной почвой для возникновения чувства отчуждения и формирования протестного самосознания. Здесь не помогут ни принудительное заучивание «правильной» истории, ни государственные экзамены, ни провозглашение «истины в последней инстанции». Чем больше среди представителей русскоязычного населения будет формироваться положительная самоидентификация в отношении Эстонии, тем быстрее им удастся освободиться от сознательного противопоставления себя эстонскому менталитету.

II. Восприятие истории эстонцами и русскими

Историческое сознание и исторические знания в большинстве своем связаны с этническим или государственным самосознанием. Как «своя», так и «чужая» история нередко трактуются с национальной точки зрения. Историческое сознание является важной частью национальной идентичности, мощной движущей силой. В то же время историческое наследие может стать источником очагов напряженности – будь то на Ближнем Востоке или в бывшей Югославии.

Понимание истории зависит от объема и уровня наших знаний, от общей и гражданской культуры. Однако наряду с этим существует личный исторический опыт, наиболее тесно связанный с новейшей историей. Сейчас как никогда актуально звучит древняя арабская пословица: «Человек больше похож на свое время, чем на своего отца».

У эстонцев, как у малой нации и у русских, как у великого народа сформировалось различное восприятие истории. История русского государства насчитывает более тысячи лет. Русские являются многовековой государственной (по определению Гегеля «исторической») нацией. Эстонцы же представляют собой молодую государственную нацию. Факторами, наиболее повлиявшими на историю эстонцев, являются географическое положение Эстонии, малая численность населения и как следствие, неспособность отразить вторжения иноземцев. Безопасность и физическое существование эстонцев постоянно находились под угрозой. Восприятие истории у них зародилось в ожесточенной борьбе против привилегий остзейских немцев, а позже – против давления со стороны российского государства. Прежде всего, приходилось доказывать, что у эстонцев вообще есть право на этнически-культурное и языковое существование и что эстонец – это человек, а не рабочая лошадка и «сырьевой материал» истории. Это абсолютно противоположные исходные позиции, понимание которых предполагает способность поставить себя на место другого. Если для русского человека в истории наиболее существенны моменты, связанные с Россией как великой мировой державой, то для эстонца важна духовная составляющая нации. Как сформулировал в период национального пробуждения Якоб Хурт,

это, прежде всего, родной язык и культура. Национальное самосознание эстонцев всегда имело защитный характер и было ориентировано на самосохранение нации. Так, если для русских XIX век ассоциируется с расцветом реформируемой империи, то для эстонцев это, прежде всего, столетие национального пробуждения и русификации. Точкой исторического пересечения в данном случае является коренное реформирование общества, оказавшие решающее (хотя и разное) влияние на дальнейшую судьбу двух народов.

Государственность, отвоеванная в XX веке, стала высшей точкой развития истории эстонцев. Значение этого события имеет для эстонского национального самосознания сакральное значение. Как сказал номинант на Нобелевскую премию писатель Ян Каплинский, знания о своем государстве у эстонцев можно отнять только вместе с головой.

Тот факт, что Эстония до завоевания независимости находилась в течение двух столетий под властью Российской империи, породил ошибочное мнение, будто Эстония всегда была частью России. У неэстонцев в восприятии истории еще силен советский менталитет, подпитывающий недовольство новой ситуацией в бывших союзных республиках и ностальгию по СССР. Советский период истории большинством русских воспринимается как «свой», в то время как эстонцы чаще относятся к нему отрицательно.

Переоценка истории, сопутствовавшая падению коммунизма и советской империи, была для русских большей неожиданностью, чем для эстонцев. Последние получили возможность открыто говорить о том, о чем они давно знали, и что сохранялось в национальной памяти. Русским же пришлось пережить болезненное разрушение коммунистического мифа (естественно, это касается тех, кто в этот миф верил), усугубленное тяжелыми обвинениями.

Привыкание к новому постсоветскому российскому государству проходило достаточно тяжело: многие (главным образом, старшее поколение) до сих пор с ним не примирились. Борис Ельцин пытался найти корни посткоммунистической России («русскую идею») в периоде, предшествовавшем 1917 году, однако эта попытка не принесла результата, поскольку временной разрыв был слишком велик, а историческую память россиян смыла волна большевистских репрессий. При Путине Россия в поисках истоков национального самосознания стала обращаться как к досоветскому, так и к советскому времени и его символике. Однако это все же свидетельствует не о возрождении коммунистической идеи, а о появлении идеи новой – о сильной, стабильной, не зависящей от Запада самобытной России. Внедрение этой идеи в массы принесло определенный успех. Прошлое стало представляться чередой победных событий, в рамки которых отрицательный опыт не вмещается. Воспоминания о терроре занимают в общественном сознании скромное место, хотя полностью их вытеснить не удалось. И все же, Сталин все больше воспринимается как выдающийся государственный деятель, расширивший границы советского государства

до пределов бывшей Российской империи, приведший советский народ к победе в Великой Отечественной войне и добившийся для СССР статуса сверхдержавы. За 1998 – 2003 гг. процент россиян, оценивавших Сталина положительно, возрос примерно в три раза (с 19 до 53%), а более четверти готовы проголосовать за то, чтобы тиран опять возглавил страну. Опросы показывают, что только 11% россиян считают, что Горбачев, правление которого закончилось с развалом Советского Союза, принес российскому народу что-то положительное. «...в России мало тех, кого радует развал Советского Союза, превративший Киев и Таллинн в столицы иностранных государств», – утверждает в новом российском учебнике «История отечества. XX – начало XXI века».

В восстановлении истории бывших союзных республики и т. н. социалистических государств московская политическая элита видит необоснованные и даже злонамеренные претензии в отношении СССР и его правопреемника – России. Подобный менталитет осажденной крепости приводит к желанию отразить «нападки» и приукрасить коммунистическое прошлое. Балтийским странам нужно, с одной стороны, отстоять как себя, так и свою историю в историко-политических дискуссиях и противостояниях с Россией, а с другой – преодолеть прохладное отношение Запада к особенностям истории балтийских народов. Мы видим, как история становится ареной борьбы конкурирующих трактовок, сопровождающейся «войной памяти».

Наивысшим достижением современной истории России, безусловно, является победа в Великой Отечественной войне и освобождение Европы от «коричневой чумы». Любая критика, ставящая такую трактовку под сомнение, воспринимается как посягательство на самое святое. Многих невозможно убедить в том, что эстонцы в 1944 году вели собственную оборонительную войну, не имевшую ничего общего с нацизмом. Если под Нарвой и Синимяэ немцы боролись за Великую Германию, эстонцы сражались за то, чтобы большевики не вернулись в Эстонию. Они надеялись, что удастся продержаться до перемирия, а потом восстановить независимость при поддержке западных союзников. «Война памятников», кульминацией которой стала борьба вокруг монумента в Лихула (2004 г.) и Бронзового солдата (2007 г.), показала, что Эстония не сумела ни себе, ни другим вразумительно разъяснить противоречивые моменты своей истории.

Разные трактовки недавней истории взаимоотношений России и стран Центральной и Восточной Европы являются неизбежной реальностью сегодняшнего дня. Если 50-летие окончания Второй мировой войны было отмечено спокойно, то 60-летняя годовщина сопровождалась эмоциональным всплеском. Различное восприятие истории, имеющее этническую окраску – не следствие какой-то патологии, а выражение сложности межнациональных отношений как в прошлом, так и в настоящем. Однако

различия не должны порождать конфронтацию и противостояние. С многообразием и различием точек зрения можно смириться, если для понимания истории исходить из принципа толерантности, или терпимости.

III. Принцип терпимости для понимания истории

Преподавание истории, прежде всего, предполагает проявление терпимости, присущей свободной личности и демократическому обществу. При рассмотрении исторических фактов нельзя создавать стереотип врага, разжигать ксенофобию или углублять национально-культурное противостояние. Нужно избегать такой подачи материала, когда все «наше» является позитивным и приемлемым, а все «чужое» негативным и априори враждебным.

Опыт многих кризисных регионов (например, Ближнего Востока, Балкан, Закавказья) убедительно доказал, что разные толкования истории, ссылки политиков на историю и связанные с ней претензии (в том числе и территориальные) могут стать источником вражды, кровопролития, этнических чисток и геноцида. Одни говорят, что историк не судья, история не может быть средством правосудия или мести, она скорее должна быть поставлена на службу пониманию и прощению. Другие, напротив, считают, что критически мыслящий человек должен давать моральную оценку происходящему и осуждать любые формы злоупотребления властью, под какой бы вывеской они не происходили.

Установление режима терпимости в отношении национальных меньшинств в национальном государстве нигде не проходит гладко, определенное напряжение неизбежно, поскольку взаимные ожидания меньшинства и большинства не совпадают. Особенно, если меньшинство настолько многочисленное и не полностью интегрированное (как в Эстонии) и, кроме того, находится в соседстве с крупной державой, с которой связано правовыми связями (российское гражданство). Мнение, что сглаживание или сознательное замалчивание противоречий прошлого принесет мир, является иллюзорным.

IV. Нужно ли нам несколько историй?

И тут возникает вопрос: обойдемся ли мы одной историей Эстонии или их должно быть несколько? Одна, проэстонская – для эстонцев, другая, со сглаженными углами – для русских, и третья, с остзейским уклоном – для немцев. Можно заказать и европейскую версию эстонской истории в космополитическом духе, с учетом царящих ныне в Европе наднациональных тенденций. Если же делать американский вариант, то следовало бы убрать из эстонской истории понятие «национальное движение» и заменить термином «патриотизм», поскольку в их общественном сознании национализм – негативное явление, ассоциирующееся с нацизмом.

С точки зрения академического исторического сознания, все ясно. В Эстонии, как и в любой другой стране, должна быть одна история, в которую, наряду с эстонской, включена история местных национальных меньшинств. Эстонская история – это все то, что происходило на территории Эстонии.

История – это не предмет торга, игрушка для политиков и чиновников. В открытом обществе не может быть исторической цензуры, переписывания истории в так называемом «позитивном духе», даже если заказчиком выступает государство, преследующее благие цели (например, интеграцию). С другой стороны, каждый может судить об истории самостоятельно, делая выводы на основании различных исторических источников и событий.

V. Общая эстонско-русская история как история страны

Для эстонской истории на протяжении многих веков были характерны мультикультурность и многоязычность (три «местных языка» – эстонский, немецкий, русский). Эти факторы были обусловлены многими обстоятельствами и, в первую очередь, расположением на пересечении двух христианских культур – западноевропейской и русской. Стратегически важное положение привлекало сюда захватчиков и провоцировало опустошительные войны, в которых гибла значительная часть населения, как это было во время Ливонской и Северной войн. Человеческие потери компенсировались переселенцами с соседних территорий, в том числе из России. Сильнее всего ощущалось влияние немецкой и русской культуры, но необходимо учитывать также влияние шведской, финской, еврейской, польской и других культур.

Российский исторический феномен был известен в Эстонии тысячу лет. В 1730-е годы на западном берегу Чудского озера возникли поселения русских староверов. В XIX веке после того, как был вновь открыт Тартуский университет, возникла и русская академическая жизнь. Множество русских чиновников, интеллигенции и торговцев стекалось в Таллинн во второй половине XIX века. Русское присутствие резко выросло в результате реформ Александра III. В первой половине XX века Эстония могла гордиться русской культурной элитой, весь цвет которой был почти полностью уничтожен в ходе советских и нацистских репрессий и во время войны. И все же история русской общины в Эстонии продолжается. В независимой демократической Эстонии культурное многообразие может развиваться и совершенствоваться.

Чаще всего исследование эстонской и остзейской культуры происходило следующим образом: эстонцы изучали свою, а балтийские немцы – свою культуру. Местная же русская культура в советское время изучалась мало (по причинам в основном политического характера), о ней почти ничего не знали даже специалисты-культурологи. В независимой Эстонии с 1990-х

годов растет интерес к местному русскому феномену. В настоящее время эта тематика гораздо шире представлена в планах эстонских ученых, но большую часть исследовательской работы по изучению истории местной русской общины проделали авторы русского происхождения. Издано много работ об общественной и культурной жизни эстонских русских. Эти исследования и публикации поддерживают академические учреждения, государственные и общественные фонды («Капитал культуры», Эстонский научный фонд, Русский исследовательский центр, ассоциация русских культурных обществ).

Эстонская история – это не только история этнических эстонцев, это история страны, которая гораздо шире истории одного этноса. Ее обогащают связи с глобальной историей, с ближними и дальними соседями, прежде всего теми, кто живет по берегам Балтийского моря.

История – это не только способность помнить, но и способность забывать. От соотношения этих двух составляющих зависит общая картина и тот посыл, который мы хотим донести до аудитории. Деление людей на оккупантов и оккупируемых слишком примитивно и приводит к конфронтации. Русский фактор в истории Эстонии – это не только оккупация и насилие. Эстония была мостом между двумя великими культурами и цивилизациями, от чего она не только пострадала, но и выиграла, вобрав в себя частицы обеих.

Истории, способствующие этнической мобилизации и национальному противостоянию, отжили свой век, они не способствуют взаимопониманию и интеграции. Быть может, в современном курсе истории было бы важнее подчеркнуть, что многие эстонцы учились и добивались успеха в России, рассказать о роли русской Северо-Западной армии в войне за независимость, о богатой духовной жизни русских в независимой Эстонии. Изгнанные большевиками с родины русские эмигранты помогали строить молодое эстонское государство и позже заплатили за это своей жизнью. Почти треть жертв красного террора, похороненных на кладбище Лийва в Таллинне, – русского происхождения, а в 1940 – 1941 годах доля репрессированных среди русских была даже больше, чем среди эстонцев. Нельзя забывать и о том, что многие интеллектуалы, искавшие большей свободы, приезжали в советскую Эстонию, а русские диссиденты поддерживали эстонское освободительное движение.

VI. Оккупация и советизация

Опросы показывают, что в 2005 году 38% опрошенных неэстонцев верило, что Эстония присоединилась к СССР добровольно, и только 17% – что Эстонию оккупировали. Среди молодежи в возрасте от 15 до 24 лет это соотношение составляло 36 и 15%, среди граждан Эстонии – 33 и 18%.

Неэстонцам может казаться, что, признавая факт оккупации, они одновременно признают себя оккупантами или их потомками, берут на себя

вину за причиненные эстонцам страдания. Поскольку в слове «оккупация» нет ничего позитивного, его пытаются избегать, не углубляясь в суть вопроса. Это серьезная проблема, поскольку нынешнее поколение эстонских русских не виновато в оккупации и не отвечает за преступления коммунистического режима. Русским же может казаться, что эстонцы подчеркивают именно «негативные факты» прошлого. Не имея более подробной и правдивой информации о действительном положении дел, они могут думать, что эстонцы посягают на память о великой победе и тем самым поддерживают нацизм и фашизм. Для таких утверждений нет никаких оснований, совершенно ясно, что без победы Советского Союза не было бы сегодняшней демократической и свободной Европы. Но это только одна сторона медали. Другая же состоит в том, что часть освобожденной от нацистского режима Европы оказалась во власти сталинского режима. К сожалению, это сложный исторический вопрос недостаточно освещается в учебных материалах.

От того, назовем мы случившееся с Эстонией и другими странами Балтии в 1940 году оккупацией, аннексией или инкорпорацией, суть происходящего не изменится. Так или иначе, Балтийские страны потеряли свою независимость, стали частью СССР и превратились в советские республики. Вопрос же о государственности имеет для эстонцев принципиальное значение, поскольку подчеркивает их национальную гордость и достоинство. Для эстонцев оккупация никак не может быть позитивным явлением, также как победа в Отечественной войне не может быть негативным явлением для русских.

С другой стороны, политические партии как в Эстонии, так и в России используют историю в своих целях. В истории ищут оправдания сегодняшним начинаниям. Для России официальное признание оккупации таит в себе ряд мнимых или реальных опасностей: будь то правовой статус балтийских русских или возможность выплаты компенсаций, которых Россия пытается избежать любой ценой.

VII. Специфика русской школы

Проблема преподавания историю Эстонии в русских школах не раз обсуждалась на многочисленных форумах. Одни говорят, что история одна, и учебная программа одна, и «адаптировать» историю по этническому признаку нельзя. Другие считают, что учитывать особенности аудитории необходимо, принимая во внимание различное понимание истории эстонцами и русскими. Опыт учителей показывает, что нельзя одобрить практику, когда учебники, написанные для эстонских школ, используются в русских школах в дословном переводе. Нужны адаптированные материалы (учебники, хрестоматии), которые учитывали бы культурные корни, исторические стереотипы и информационное поле, в котором живут русские ученики (и учителя).

На знания ученика об истории помимо школы влияет и внешкольная среда, семья, родители и информационное поле. Мы уже говорили о том, что у эстонцев и русских разное восприятие истории и историческая память. Одни и те же исторические события могут интерпретироваться по-разному. Это находит отражение как в исторической литературе, учебниках, так и в средствах массовой информации. Часть российских СМИ негативно относится к происходящему в Эстонии. В результате этого возникает конфликт между тем, что написано в учебнике, тем, что говорят дома, и тем, что ученик получает из информационного поля России. Молодые люди попадают в сложное положение, чреватое раздвоением сознания, типичным для эстонцев в советское время, когда говорили одно, думали другое, а делали третье. Эстонская история остается для русской молодежи во многом маргинальной, и в этом нельзя винить ни учеников, ни учителей, ни учебники.

Понимание, не говоря уже о принятии «чужой» истории, не может происходить только в рамках изучаемого предмета. Интеграция в области знаний об истории предполагает, что обе стороны должны с пониманием и без предрассудков относиться к различным толкованиям истории, мириться с многообразием точек зрения.

2. Сборник документов и материалов по истории Эстонии для школ с русским языком обучения.

Принципы составления сборника

Тоомас Карьяхярм

I. Цель сборника

Сборник документов и материалов по истории Эстонии адресован учащимся и учителям общеобразовательных школ (гимназий) с русским языком обучения, а также всем, кого интересует данная тематика. Издание сборника первичных и вторичных источников, предназначенного для школ / классов / групп с русским языком обучения должно способствовать повышению уровня изучения истории Эстонии и внедрению преподавания истории на эстонском языке. Составители стремились к тому, чтобы изучение истории стало не только более содержательным, но и интересным, живым, стимулирующим учащихся самостоятельно мыслить и «прокладывать дорогу» в бесконечном лабиринте исторических событий.

Сборник может быть использован как дополнительный учебный материал, который поддерживает, частично акцентирует и конкретизирует материал, изложенный в учебниках. Сборник также позволяет рассмотреть и проанализировать факты, не представленные в учебниках или изложенные там поверхностно, и дает возможность представить различные точки зрения (отсутствующие обычно в учебной литературе), что содействует формированию терпимого отношения к плюрализму исторических трактовок.

Составители также стремились «приблизить» учащихся к истории, предложив им ознакомиться с выборкой первичных и вторичных источников, чтобы продемонстрировать, на основе каких материалов складываются исторические знания и историческая литература. Благодаря этому учащиеся смогут почувствовать себя историками, самостоятельно конструирующими исторический текст. Работая с источниками, ученики приобретут умения и опыт по обработке информации, ее критическому анализу и аргументированной трактовке.

Разнообразные письменные источники, к которым прилагаются соответствующие вопросы, дают преподавателю возможность выбирать темы в соответствии с целями урока. Представленные материалы можно использовать в индивидуальной и групповой работе, в коллективном обсуждении того или иного вопроса в классе и т.п. Кроме того, они должны содействовать тому, чтобы учащиеся русскоязычных школ в большей мере соотносили себя с историей не только Эстонии, но Европы и всего мира.

II. Содержание сборника

Сборник содержит тематические учебные материалы по истории Эстонии, изложенные на русском языке. Здесь представлены практически все виды документальных источников: правовые акты, документы государственных органов и учреждений, партийные документы, исторические хроники, мемуары, периодика, статистика, а также визуальные материалы – карты, фотографии, плакаты и карикатуры.

Наряду с первичными источниками сборник содержит и вторичные, т. е. отрывки из произведений научной исторической литературы. Исторические исследования, более детально освещающие и разъясняющие те или иные моменты истории, о которых говорится в учебниках, использованы преимущественно для того, чтобы показать, как на основании источников могут быть сделаны выводы, иногда значительно различающиеся между собой.

Тексты сборника не увязаны ни напрямую, ни пропорционально с текстами учебников, используемых в настоящее время. Это было бы невозможно, поскольку в гимназиях используются учебники разных авторов. Однако составители пытались максимально учитывать требования предметной программы по истории для гимназической ступени.

III. Концепция выбора документов и материалов

К настоящему времени известно большое количество документов по истории Эстонии, в особенности это касается ее новейшего периода. Большая часть важнейших письменных источников к сегодняшнему дню уже опубликована. Часть из них издана отдельными книгами (например, хроники, воспоминания), часть собрана в тематические сборники, а часть разбросана по различным изданиям и трудам. Здесь собраны наиболее характерные и яркие, по мнению составителей, документы, имеющие непреходящее значение, а также помогающие пониманию общей картины и выявлению основных тенденций развития событий и социальных перемен.

Ограниченный объем сборника не позволяет равномерно включить в него материалы по всей тысячелетней истории Эстонии, поэтому выбор был сделан в пользу ее поворотных моментов, а также новейшей истории. Материал, касающийся новейшей истории, под которой составители подразумевали, главным образом, XX – начало XXI в., занимает в настоящем сборнике примерно две трети от общего количества представленных источников. Такой подход обусловлен тем, что человеку свойственно интересоваться недавним прошлым, и понимание этого исторического периода вызывает больше всего проблем как в школе, так и в обществе.

В целом, составители исходили из общепринятых принципов составления универсальных (не тематических) сборников по истории. По мере

возможности, в них представлена многообразная картина прошлого, где наряду с обязательной политической историей (государственное устройство, внутренняя и внешняя политика) характеризуются также другие стороны общественной жизни – прежде всего, культура, экономика и социальная сфера. В то же время, настоящий сборник отличается от аналогичных изданий, опубликованных в Эстонии до настоящего времени, более разнообразным содержанием и бóльшим объемом, причем в нем представлены материалы вплоть до 2007 года.

Одна из особенностей сборника заключается в том, что особое внимание в нем уделяется дискуссионным вопросам в истории Эстонии, представленным с различных точек зрения. Здесь можно назвать, например, следующие темы: отношения между древними эстами и славянами; возникновение эстонского государства; государственный строй и внутренняя политика Эстонской Республики в свете взаимоотношений демократии и авторитаризма; события 1939–1940 гг. и потеря независимости; эстонцы во Второй мировой войне; балтийские страны в составе СССР; оккупация и советизация; распад СССР и восстановление независимости. В течение XX века смена власти в Эстонии происходила девять раз, и освещению этих исторических поворотов (через документы и воспоминания свидетелей) отведено много места. Немало внимания уделено также историко-демографическому аспекту (состав населения, миграция и т. п.), проблемам школы и образования, ситуации, связанной с возможностями использования родного языка, проблемам повседневной жизни.

Еще одна особенность сборника – относительно большое количество документов и материалов, связанных с российским фактором, что, по мнению составителей, может привлечь внимание и интерес читателей. Российская тематика представлена в пособии как на уровне государственного, так и этнического развития. Она охватывает вопросы политики России и СССР в Эстонии (странах Балтии), эстонско-российские (эстонско-советские) отношения на государственном уровне, историю местной русской общины (русские в Эстонии) и историю эстонцев в России. При этом особое внимание составители уделяли русской культуре и литературе в Эстонии, поскольку эти вопросы изучены наиболее полно.

Документы и материалы, опубликованные в сборнике, представлены без комментариев. Как это принято в отношении исторических источников, работа с ними предполагает критический подход. В них можно встретить как фактические неточности, неверные и однобокие оценки, так и заведомое искажение правды, фальсификацию и демагогические заявления. Однако не все отличающиеся друг от друга трактовки являются взаимоисключающими и ошибочными.

IV. Подготовка текстов

При составлении настоящего сборника составители исходили из общепринятых правил редактирования. В источниках, составленных изначально на русском языке, составители избегали адаптации текста, сохраняя исконную языковую форму. Географические названия в них представлены в том виде, в каком их использовали в прошлом, а в текстах, переведенных с других языков, географические названия даны в современном написании.

Редакцию текстов, опубликованных ранее, составители не меняли, однако исправлены явные опечатки. Некоторые материалы публикуются в сокращенном виде. Не были включены части текстов, явно не относящиеся к данной теме, а также повторы и малозначительные отрывки. Пропуски в тексте обозначены значком [...]. Документы и материалы снабжены заглавием или заглавиями, а также данными о публикации. При наличии двух заглавий первое из них отражает содержание документа в более широком смысле, а второе указывает на вид, форму и происхождение документа/публикации (книга, статья, воспоминания, закон, постановление, речь и т. п.). Дата отражает время составления или опубликования документа либо время, когда произошло событие. Данные о публикации содержат библиографическую ссылку на источник, из которого взят материал.

Некоторые материалы, особенно касающиеся политической истории, уже хорошо знакомы читателям и не раз публиковались (например, Манифест о независимости Эстонии, пакт Молотова-Риббентропа). В этом случае в качестве источников предпочтение отдавалось более новым и изданным в Эстонии публикациям, которые при необходимости легче найти. В отношении документов, изданных в СССР и Российской Федерации, составители по возможности предпочитали использовать официальные редакции текстов.

Тексты в сборнике размещены в хронологическом порядке, причем составители исходили из общепринятой в Эстонии периодизации. Более подробный обзор источников по новейшей истории Эстонии, изданных в Эстонской Республике и в Российской Федерации, можно найти в библиографии, которая станет хорошим подспорьем в поисках дополнительной информации.

3. Использование письменных источников в преподавании новейшей истории*

Роберт Страдлинг

Роберт Страдлинг – английский историк, эмерит-профессор Кардиффского университета.

Документы и другие виды письменных источников являются основой всех исторических исследований. Конечно, из общепризнанных в течение долгого времени хроник, летописей и других записей мы можем узнать, когда и где произошла битва, кто ее выиграл, каковы потери с обеих сторон, имена основных действующих лиц и т.д. Но без первичных документальных свидетельств в виде официальных донесений, писем и рассказов очевидцев сложно будет понять поступки отдельных участников, решения, которые они принимали, приказы, которые они отдавали, их тактику, их доводы и мотивацию, если они или окружающие их люди не писали бы об этом в то время или вскоре после этого.

Изучающие современную историю имеют больший выбор первичных и вторичных источников, чем изучающие историю предшествующих периодов: не только письменные источники, но также фильмы, информационные передачи средств массовой информации, документальные фильмы, архивы звукозаписи, электронные записи и артефакты. Однако письменные документы по-прежнему остаются важным средством понимания истории XX века. Для этого существует несколько причин.

Во-первых, в течение XX столетия мы были свидетелями массового увеличения функций центральных и местных органов управления. В действительности это расширение функций настолько велико, что сейчас только незначительную часть официальных документов, изданных официальными органами, можно сохранить в государственных архивах и библиотеках.

Во-вторых, механизация процессов сбора, хранения и выборки информации и как результат публикация официальной статистики означает, что теперь мы гораздо больше знаем о повседневной жизни людей (например, об их финансовом положении, налогах, которые они платят, их потребительских привычках, рождении и смерти, здоровье, образовании, жилищных условиях и т.д.).

В-третьих, расширение государственного образования означает, что теперь возможно почти о каждом значительном событии и общественном явлении этого столетия получить сведения, касающиеся взглядов и жизненного опыта гораздо более представительной общественной группы

* *Р. Страдлинг. Преподавание истории Европы XX века. Изд. Совета Европы. С. 240–249. – http://www.coe.int/t/e/cultural_co-operation/education/history_teaching/history_in_the_20th_century/teachers_handbook/Russian_EN.pdf*

населения – по их письмам, открыткам и дневникам, а также по интервью с ними в средствах массовой информации.

В конечном счете, массовый рост издательской деятельности и средств массовой информации означает, что мы можем получить информацию о большем числе мнений по поводу того или иного события или явления. Фактически теперь проблема состоит в том, что изучающий историю часто сталкивается с проблемой слишком большого количества информации. Как сформулировал это один историк: «Мы знаем в тысячу раз больше о поражении Франции в 1940 году, чем о гибели Карфагена. Мы в тысячу раз больше знаем об эвакуации из Дюнкерка, чем мы знаем о битве при Гастингсе. Мы можем встретиться и обсудить проблемы ... с людьми, которые были в Дюнкерке. Разве не отказался бы истинный ученый, занимающийся Средневековьем, от исследований всей своей жизни ради одного интервью с одним саксонцем, который сражался рядом с Гарольдом в битве при Гастингсе?»¹

Там, где историк, занимающийся Средневековьем или изучением первого тысячелетия, сталкивается с проблемой недостаточности или неполноты свидетельств, современный историк сталкивается с проблемой отбора информации: что выбрать из огромного множества доступной информации, проливающей свет на то, что произошло, и не избежать предвзятости или заблуждений по той причине, что значительное свидетельство было пропущено. Это может стать проблемой для любого человека, изучающего национальную историю XX века, но еще большей проблемой это может стать для того, кто изучает историю Европы или мировую историю.

Данная глава в основном рассматривает, как и почему письменные материалы (официальные документы, статистика, дневники, научные труды, воспоминания, биографии, газеты и журналы) могут и должны быть использованы на уроке при изучении истории XX века. Большинство учебников по новой истории теперь включают отрывки из разного рода письменных источников и еще больше материалов из первичных источников. Изучающие историю могут получить из Интернета документы о самых главных событиях и явлениях данного столетия для их критического изучения и объяснения.

Зачем предоставлять учащимся возможность изучения первичных письменных источников по истории XX века? На практике возможные преимущества использования на уроке письменных источников зависят от того, насколько интересен материал, от его объема и плотности текста, от требуемого уровня эрудиции, от способа представления материала учащимся и от того, интересны или нет учащимся педагогические приемы, которые используются при изучении материала. Например, требование от учащихся прочитать весь текст Версальского договора (1918) или Римского соглашения (1960) вместо того, чтобы дать краткое изложение основных положений, приведенных в учебнике, вряд ли будет считаться очень стимулирующим способом обучения для большинства 16-летних учащихся.

¹ G. B. Henderson. "A plea for the study of contemporary history". History, 26, 1941. С. 51–55.

Однако, учитывая это, можно все же найти убедительные доводы для использования тех методов, которые требуются при изучении письменных источников, особенно первичных источников.

Тщательно отобранные первоисточники могут помочь оживить историю для многих учащихся, так как они рассказывают о личном жизненном опыте, мыслительных процессах и заботах людей, которые прямо или косвенно связаны с событиями, которые они изучают.

В учебниках события всегда описываются задним числом. В сочетании с необходимостью давать краткое изложение того, что произошло, учащимся часто преподносится изложение, которое создает впечатление, что те, от кого зависело решение, были убеждены в своей правоте, а результаты событий были неизбежны. Письменные свидетельства того времени (дипломатические депеши или протоколы совещаний, письма или дневниковые записи) часто помогают показать, как принимались решения (под давлением, при наличии неполной и противоречивой информации) и в реальном времени.

При непосредственной работе с письменными источниками учащиеся вынуждены пользоваться основными историческими понятиями, задавать вопросы, анализировать и объяснять смысл информации, делать выводы и собственные умозаключения, которые они могут затем сравнить с принятым изложением фактов или их толкованием.

Первичные источники предоставляют учащимся прекрасные возможности почувствовать себя в роли людей, непосредственно связанных с событиями, которые они изучают.

Изучение первичных письменных источников показывает учащимся различные взгляды на отдельное историческое событие или процесс, а также предоставляет возможность сравнить отчеты, написанные в то время участниками, очевидцами и комментаторами, с отчетами, составленными историками впоследствии. Контекст истории Европы в приложении к первоисточникам может оказать неоценимую помощь. Например, веб-сайты по истории в Интернете, такие как Архив документов по Первой мировой войне (<http://www/lib-byu.edu/~idh/wwi>) или Eurodocs (<http://www/lib-byu.edu/~rdh/eurodocs>) предоставляют прекрасную возможность тем, кто изучает историю, понять, как одно и то же событие, кризис или решение объяснялись правительствами разных стран.

Обращение к различным письменным источникам, особенно первоисточникам, также позволяет учащимся проверить заключения и объяснения, изложенные в их учебниках, их преподавателями или средствами массовой информации. В большинстве случаев регулярное использование первоисточников наряду с учебниками и другим учебными материалами способствует приобретению «привычки» перекрестной проверки фактов и их толкований.

Изучение письменных свидетельств в хронологической последовательности вырабатывает «привычку» критического анализа того, как каждый

новый элемент информации подтверждает или оспаривает информацию и ее толкование, хронологически изложенные в других документах. Это не просто часть процесса ознакомления учащихся с методом изучения истории, но это также является способом дальнейшего развития их способностей рассуждать вообще, их умения думать и их аналитических навыков, что в свою очередь способствует развитию у них гражданственности, поскольку этот же подход можно применять при анализе того, как средства массовой информации излагают современные события и проблемы.

Проблемы отбора первичных письменных источников

Доступность. Большинство учебников, тематических брошюр и учебных пособий теперь включают отрывки из первичных письменных источников. В то время как некоторые тексты используют эти источники прежде всего с иллюстративной целью, растет тенденция соединить их с заданиями и упражнениями, которые требуют от учащегося использовать аналитические способности и умение думать, которые необходимы историку при работе с фактами из этих источников. Это включает в себя выписывание соответствующей информации для ответа на определенные вопросы, распознавание предвзятого отношения, сравнение источников для оценки события или отчета о событии, определение значимости и релевантности источников, использование нескольких источников для написания краткого изложения или хронологии, определение того, как свидетельство подтверждает или доказывает несостоятельность отдельной интерпретации или объяснения и т.п.

Однако отрывки из источников, которые приводятся в учебниках, бывают обычно очень короткими и не представляют значения с точки зрения развития аналитических навыков при анализе исторических свидетельств. Другими источниками, помимо отрывков из первоисточников, включенных в учебник, являются: местные исторические общества, архивы местных газет, публичные библиотеки и музеи, Интернет, биографии и другие виды научной литературы.

Время. Эта проблема связана с решением трех других вопросов. Во-первых, с организацией и содержанием учебной программы. Принято считать, что чем насыщенней материалом программа, тем труднее найти время для работы с учащимися над первоисточниками. Тематический и «лоскутный» подход к построению программы предоставляет больше возможностей для более глубокого изучения отдельных событий, проблем и явлений и, следовательно, больше возможностей для анализа первоисточников. Однако на практике время, отведенное для анализа учащимися письменных источников, больше зависит от целей программы, чем от ее содержания.

Если целью программы, насыщенной содержанием, является запоминание учащимися фактографической информации, то в этом случае, вероятно, совсем не будет возможности изучать и анализировать первоисточники.

Если, с другой стороны, основной целью является развитие способности понимать, объяснять и развитие исторического самосознания, то первичные источники могут стать важным приемом обучения. В-третьих, необходимо продумать, как первоисточники будут использоваться на уроке, то есть, сколько времени понадобится для изучения и выполнения заданий, связанных с обращением к первоисточникам.

Затраты. Во многих странах Европы учебник и преподаватель истории остаются основным источником исторических знаний и мышления. В некоторых регионах учебные материалы настолько ограничены, что нет даже возможности обеспечить каждого учащегося учебником по истории. В этом случае идея использовать первоисточники может показаться нереальной и осуществимой только в будущем.

С другой стороны, при изучении истории XX века можно эффективно использовать местные источники (устные свидетельства, семейные письма и фотографии, архивы местных газет). Если в школе имеется хотя бы один компьютер с выходом в Интернет, то тогда можно получить доступ к первоисточникам для пополнения учебных пособий по отдельным проблемам или темам. Связь со школами в других странах по электронной почте или факсу является еще одной возможностью получения учебных материалов с целью расширения кругозора учащихся. Учитывая существование этой проблемы, Совет Европы начал проводить семинары для преподавателей истории в некоторых странах Европы на тему «Преподавание истории без учебников».

Целесообразность. В сущности, перед отбором первоисточников необходимо решить, зачем вы хотите их использовать. В особенности, какой из описанных выше способов больше всего подходит для конкретной ситуации. Чем больше внимания уделяется анализу и толкованию истории, тем больше возможностей должны иметь учащиеся для практического применения своих аналитических навыков.

Использование выдержек из документов. Из-за недостатка времени и средств, различного уровня способностей учащихся и необходимости поддерживать интерес и мотивацию преподаватель истории, подобно автору учебника, должен предоставлять учащимся выдержки из более длинных документов. Поэтому составление выдержек необходимо делать особенно тщательно с тем, чтобы сохранить первоначальное значение источника и чтобы сокращенный вариант не исказил или слишком не упростил содержание документа, или чтобы не преувеличил значение некоторых утверждений.

Баланс. Использование первоисточников не исключает необходимости того, чтобы учащиеся были знакомы с различными точками зрения и взглядами на отдельные проблемы или события. Для этого преподавателю необходимо провести подготовительную работу перед тем, как использовать потенциальный источник. Например, можно использовать свидетельства

разных очевидцев на различных языках (отечественных и иностранных) о событиях в Санкт-Петербурге во время революционных событий в марте и октябре 1917 г. Однако использование одного или нескольких рассказов очевидцев могло бы ввести в заблуждение учащихся, если бы им не были известны симпатии и политические пристрастия их авторов. Так, в Интернете можно найти много источников по гражданской войне в Испании, но большая их часть была написана людьми, которые служили в интернациональных бригадах и имели симпатии к республиканцам. Однако не всегда возможно обеспечить строгое численное соотношение при использовании документальных свидетельств. В этом случае необходимо, чтобы учащиеся рассматривали материал таким образом, чтобы они могли идентифицировать возможные предвзятости, симпатии и лояльности.

Уровень эрудиции. Важно всегда учитывать трудности, с которыми учащиеся могут столкнуться при чтении первоисточников, особенно официальных документов и депеш. Иногда проблема состоит в используемой лексике, но часто она заключается в том, что автор предполагает, что читатель знает контекст событий, который учащийся может и не знать. Но вместо того, чтобы избегать использования таких документов вообще, лучше в процессе обучения найти способы помочь учащимся читать и понимать материал. Это может быть, например, словарь терминов, комментарии, которые помогут осознать контекст (как, например, «Р.Ф. являются инициалами ... , человека, которому это письмо было отправлено, и который был послом Италии в Вашингтоне» и т.п.), советы о том, где учащиеся могли бы получить дополнительную разъяснительную информацию.

Организация учебного процесса. Как будут использованы первоисточники? Будут ли учащиеся использовать их для изложения того, что произошло, или для перекрестной проверки изложения событий, включенных в их учебники или показанных в документальной передаче по телевидению? Будут ли они участвовать в ситуативных и ролевых играх? Будут ли они работать небольшими группами, проводить самостоятельное расследование или участвовать в общеклассном обсуждении?

Оценивание. Какой результат планируется получить от использования первоисточников в учебном процессе, и как узнать, что этот результат достигнут?

Что должны знать учащиеся о письменных источниках

Различие между первичными и вторичными источниками. Разумно полагать, что первичными источниками являются «упрощенные, необработанные, недостаточные свидетельства»,² а вторичными источниками являются описания и размышления историков, журналистов, комментаторов и

² См. дефиницию например: A. Marwick, *The nature of history*. London, Macmillan, 1970. С. 132.

обозревателей. На практике различие между первичными и вторичными источниками часто является вопросом степени близости к событиям и во многом зависит от того, насколько близко автор документа был к описываемым событиям, написано ли его изложение во время или после события, а также от мотивов автора. Например, автобиография политика, военачальника или революционного лидера может считаться первоисточником, который отражает события, в которых участвовал данный человек. С другой стороны, если автобиография была написана годы спустя и в основном с целью самооправдания, то впоследствии по этой причине она может рассматриваться учащимися как вторичный и, возможно, ненадежный источник.

Так, описывая некоторые события истории XX века, историки, журналисты и комментаторы, возможно, описывают события, при которых они жили и свидетелями которых они были. В начале 1960-х годов американский историк Артур Шлезингер (Arthur Schlesinger) знал администрацию президента Кеннеди изнутри. Итальянский историк Бенедетто Кроче (Benedetto Croce), известный антифашист, служил министром в правительстве Италии в начале 1920-х годов. После развала Советского Союза в правительстве новых демократических государств в Центральной и Восточной Европе также, кажется, была необычайно большая доля профессиональных историков. Когда они напишут о том, в чем они непосредственно участвовали, их книги, вероятно, будут гибридом первичных и вторичных источников.

Однако независимо от того, является ли источник первичным, вторичным или гибридом первых двух, необходимо пользоваться теми же методами оценки этих трех источников. Прежде всего, необходимо получить ответ на следующие вопросы:

- кем был написан документ и почему;
- насколько надежным источником является автор, каким образом они могут быть тенденциозны, и есть ли явные признаки предубежденности или искажения;
- для кого был написан документ и почему;
- откуда поступила информация, и каким образом она была получена;
- совпадает ли она с другими документами по одному и тому же вопросу.

Эти вопросы рассматриваются ниже, поскольку на эти вопросы может и должен ответить любой, кто изучает историю (не только профессиональный историк), независимо от того, что это – учебник, дневник, мемуары или дипломатическая почта.

Трудности и возможности суждения задним числом. При изучении источников, особенно первоисточников, учащиеся должны сознавать, что они читают документы задним числом, в то время как эти документы были написаны без знания о более поздних событиях, а иногда без представления о том, что должно было произойти через несколько недель и месяцев.

Таким образом, суждение задним числом парадоксальным образом мешает нам понять прошлое, поскольку мы знаем больше, чем люди того времени могли бы знать. Например, мы должны оценивать значение Версальского договора, установившего новые границы в Центральной и Восточной Европе в 1919 году, или Ялтинское соглашение 1945 года, которое по-новому определило границы в Европе, иначе, чем историки, которые описывали их в 1930 или в 1950 годах.

Это происходит не только потому, что у нас есть гораздо больше свидетельств для изучения этих тем, но и из-за последствий, которые позднее раскрылись и которые нельзя было предусмотреть в 1930 или в 1950 году.

В связи с этим возникает важный вопрос. Можем ли мы понять поступки людей (и что они имели в виду, совершая их), если мы знаем результат. Когда мы знаем будущее прошлого, то всегда существует опасность, что мы подгоним отчет о событиях, который будет объяснять, как получилось то, что произошло. При этом труднее понять умонастроения и мотивы связанных с этими событиями людей, которые не имели возможности судить о них задним числом. Это может быть особенно сложно при изучении того, как главные события в обществе и техническом прогрессе повлияли на жизнь и представления простых людей.

Цель создания письменного источника. Учебники и другие работы историков и комментаторов написаны, главным образом, для того, чтобы каким-то образом увязать множество имеющихся потенциальных свидетельств и фактографических сведений об отдельном событии, явлении или периоде. Различные историки с различных точек зрения могут по-разному скомпоновать свидетельства и придать разное значение некоторым фактам, по сравнению с другими. Официальные документы позволяют понять, для кого был написан документ, обстановку, в которой автор писал документ, и что ему уже было известно. При изучении истории это означает, что использование одного единственного документа или выдержки из документа может создать проблемы, поскольку учащийся изучает документ вне исторического контекста и вне хронологии. Поэтому учащимся необходимо рассказать об обстановке, в которой создавался этот документ.

Дневники, мемуары, автобиографии и даже письма могут создавать проблемы разного рода. Например, в какой-то степени мы можем больше доверять дневникам, которые были написаны не для публикации, исходя из того, что обычно, хотя и не всегда, люди более открыты, честны и менее озабочены оправданием себя, если единственный человек, который, предположительно, будет читать такой дневник, это они сами. Если они пишут с учетом того, что их мемуары будут когда-нибудь позднее опубликованы, то они могут попытаться оправдать себя, скрыть свои ошибки, неправильные высказывания и т.п. Так, например, письма простого солдата с Западного или Восточного фронтов во время Первой мировой войны могут

лучше передать настроения солдат на передовой, чем отчеты главнокомандующего или заявления, сделанные для прессы политическими лидерами.

Первичные источники и секретная информация. Как однажды написал французский историк Марк Блок, «источники – это просто следы, оставленные нашими предшественниками».³ Как было отмечено выше, правительства выпускают столько документов, что только их часть (хоть и большая часть) сохраняется и архивируется. Большинство стран отбирают документы для секретного хранения, особенно, если они касаются вопросов национальной безопасности, и иногда определение «национальной безопасности» имеет очень широкие границы. Кроме того, большинство стран не торопится издавать документы до тех пор, пока они не перестанут быть чувствительными с политической точки зрения. Засекречивают также и личные документы. Владелец документов решает, что сохранить, что уничтожить и что сделать достоянием общественности. Те, кто унаследовал документы, также могут подобным образом решить, что хранить, а что уничтожить. Издатели также могут утаивать биографии и мемуары, когда эти материалы могут привести к судебным искам против них. Множество других первоисточников уцелело просто случайно. В контексте истории Европы возникает много факторов, которые оказывают аналогичное действие. Возможности историка, например, ограничиваются знанием языков, которыми он владеет бегло, если только первоисточник не был адекватно переведен на один из распространенных мировых языков, таких как английский, французский, немецкий или русский.

Общая схема анализа современных письменных источников

В учебники, куда включены отрывки из первичных и вторичных письменных источников, обычно включаются также упражнения, где перед учащимися ставятся специальные вопросы об информации, полученной из источника. В этом смысле это вопросы по содержанию документа (Что автор говорит о ... ? Сравните взгляды авторов этих двух документов? Какие соображения выдвигает X для обоснования своих поступков? Что говорит вам данный источник об условиях жизни того времени?). Типичный пример такого подхода представлен ниже в **Таблице 1**.

Такие вопросы требуют от учащегося внимательного чтения, а иногда они также требуют, чтобы учащийся мог объяснить событие, высказать свое мнение или сделать заключение. Но они необязательно являются способом научить учащегося исследовать историческое свидетельство. В основном вопросы носят слишком конкретный характер и слишком связаны с контекстом, чтобы служить для этой цели.

³ Mark Bloch, *The historian's craft*. Manchester University Press, 1954. С. 54–55.

Однако можно использовать источники с тем, чтобы побудить учащихся задавать вопросы процедурного или общего характера, которые они могли бы практически применить к любому источнику. Это такие вопросы, на которых мы сосредотачиваем свое внимание, когда определяем общую схему аналитической работы. В данной статье было предложено использовать для изучения письменных архивных материалов несколько вопросов общего характера, которые можно было бы сгруппировать для пяти видов аналитической работы:

- описание;
- толкование документа и выводы;
- связь с ранее известной информацией;
- определение пробелов в историческом свидетельстве;
- определение источников для получения дополнительной информации.

Таблица 1: Свидетельские показания Германа Геринга

Когда началась гражданская война в Испании, Франко обратился за помощью к Германии, прося о поддержке, особенно с воздуха. Не следует забывать, что Франко со своими войсками находился в Африке, и для переброски войск ему не хватало флота, который находился в руках коммунистов ... Определяющим фактором, прежде всего, явилась переброска войск Франко в Испанию.

Фюрер думал, что вопрос решен. Я уговаривал его оказать поддержку в любом случае, во-первых, с тем, чтобы не допустить дальнейшего распространения коммунизма по этому фронту, а во-вторых, для того, чтобы проверить на деле техническую подготовку нашего молодого воздушного флота.

С разрешения фюрера я отправил большую часть нашего транспортного флота и несколько экспериментальных истребителей, бомбардировщиков и зенитных установок. Таким образом, я имел возможность проверить в боевых условиях соответствие техники ее предназначению.

Вопросы:

1. Какие факты в этих показаниях говорят о том, что Гитлер и Геринг рассматривали вмешательство Германии в войну в Испании в 1936 году как полезную подготовку для более широкого европейского конфликта, начавшегося в 1939 году?
2. Почему Франко искал поддержки с воздуха от Люфтваффе?

Источник: *Свидетельские показания Германа Геринга, маршала авиации Третьего рейха, на Нюрнбергском процессе с ноября 1945-го по октябрь 1946 года.*

Эти же методы могли бы быть применены к любому другому источнику, включая письменные источники, но вопросы, которые учащиеся должны сформулировать, должны относиться только к анализу свидетельств, основанных на письменных источниках. Модель аналитической работы представлена **Таблице 4**.

Некоторые из вопросов, на которые нужно ответить при анализе современных письменных источников, не могут относиться ко всем источникам. Некоторые ответы неизбежно будут предварительными. Из-за отсутствия достаточных подтверждений подлинности или ограниченности информации и тому подобного ответ может состоять всего из одного слова. Опробуйте сами модель аналитической работы по **Таблице 5**, которая представлена ниже. В ней представлена дипломатическая депеша князя Лихновского, германского посла в Лондоне (в 1911–1914 гг.), фон Ягову, министру иностранных дел Германии, отправленная 24 июля 1914 года, о реакции министра иностранных дел Британии, сэра Эдуарда Грея, на известие, последовавшее за убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены в Сараево, о том, что Австрия послала ультиматум Сербии. Данный документ имеет еще одно достоинство – на полях имеются комментарии, сделанные кайзером собственноручно. Документ, подобный этому поднимает ряд важных и интересных вопросов по содержанию текста, над которыми должны задуматься учащиеся.

Например:

- Что больше всего заботило сэра Эдуарда Грея относительно вероятных последствий ультиматума Австрии?
- Сравнить и противопоставить язык германского посла и кайзера Вильгельма II.
- Допустим, что нам известно о ситуации в Европе после 1918 г., насколько точны предсказания сэра Эдуарда Грея о вероятных последствиях войны в Европе?

Мы не предлагаем, чтобы вопросы общего и процедурного характера, сформулированные для модели анализа современных письменных источников, были альтернативой таким вопросам по содержанию текста. Однако мы предлагаем использовать источники для занятий по истории, что позволяет углубить понимание определенного события или вопроса, а также предоставляет учащимся возможность гибкого подхода к анализу различных письменных источников (включая и современные источники).

Учебный процесс, основанный на использовании письменных источников

Изучение письменных источников в хронологической последовательности. Все больше и больше становится возможным получить доступ к официальным архивным документам и документам, относящимся к наиболее важным событиям и явлениям XX века. Некоторые из них уже опубликованы, а доступ к другим можно получить на веб-сайтах по истории в Интернете. Например, дипломатическая депеша, представленная в **Таблице 5**, является частью целой серии депеш между Посольством Германии в Лондоне и Министерством иностранных дел в Берлине в период, предшествующий началу Первой мировой войны в 1914 году. На этих же веб-сайтах есть другие соответствующие этому вопросу документы – такие как ультиматум правительства Австрии правительству Сербии и переписка этого же времени между кайзером и царем. Это гораздо упрощает задачу составления подборки документов из первоисточников для работы с учащимися.

Использование целой серии документов с этой целью имеет два важных преимущества. Во-первых, официальные документы обычно датируются, часто имеют исходящий номер, а иногда на них даже ставится время отправки и получения лицом, которому они были посланы. На них могут быть поставлены исходящие номера других документов, относящихся к делу. Это помогает учащимся установить хронологию событий или действий, которая поможет лучше понять, что произошло, когда и почему. Во-вторых, серия документов позволяет учащимся лучше понять сложность событий и то, как принимались решения, чем краткое изложение событий, предлагаемое обычными учебниками. Письменные источники могут также быть полезным способом развития у учащихся исторического мышления, когда перед ними ставят задачу изложить суть ретроспективных представлений ключевых фигур о том, что произошло. Например, сравните документ, представленный в **Таблице 6**, с дипломатической депешей от князя Лихновского, представленной в **Таблице 5**.

Сравнение газетных репортажей о событиях в Европе. Многие преподаватели истории и авторы учебников используют газетные вырезки, освещающие значительные события и явления, особенно при изучении истории XX века, в их собственных странах. Рамки изучения истории континента, с точки зрения европейца, а не с точки зрения национального историка, неизбежно будут ограничены газетами, напечатанными на втором главном (а может быть, и третьем) языке, который учащиеся изучают в школе, и газетами, напечатанными на языках, которые имеют региональное распространение – таких как немецкий или русский. Без сомнения масштабы этой работы расширились, и в конце XX века ряд газет стали издавать специальные выпуски, где печатается подборка статей, отражающих главные события XX века.

Кроме того, Интернет предоставляет для преподавателя истории широкие возможности доступа к письменным источникам. Некоторые из наиболее влиятельных газет в Европе теперь имеют электронные архивы, доступные через Интернет. Но эти архивы появились сравнительно недавно, и в основном они охватывают последние пять-десять лет. Интересные газетные вырезки можно также найти на некоторых веб-сайтах. Самым интересным и полезным источником материала для преподавателя истории по последним событиям в Европе (особенно после развала Советского Союза) является веб-сайт *Foreign Media Reaction* (Реакция зарубежных средств массовой информации), поддерживаемый Государственным департаментом Соединенных Штатов. Ежедневно пресс-атташе каждого посольства Соединенных Штатов делает обзор местных средств массовой информации по основным событиям и проблемам, делает выписки, переводит их на английский и передает их по электронной почте в Государственный департамент Соединенных Штатов, который еженедельно издает обзор, посвященный реакции средств массовой информации, и размещает его на веб-сайте. Естественно, что отбор статей отражает особые интересы и проблемы правительства Соединенных Штатов, но отчет имеет широкий спектр охватываемых тем, и критические замечания в адрес Соединенных Штатов не отсеиваются. Обычный отчет включает в себя статьи из газет, выступления по радио и телевидению из тридцати-сорока стран. Следовательно, для рассмотрения событий и явлений в Европе за последние десять лет или около этого данный обзор может быть очень полезным для того, чтобы понять:

- мнения различных государств и газет, имеющих различные политические взгляды и идеологическую позицию по поводу одного и того же события;
- изменение реакции средств массовой информации после начала событий.

Это особенно важно для изучения изменившихся взглядов на события в Боснии, Косово, Северной Ирландии, Чечне, на Кипре, по поводу отношений турков и греков и т.д.

Сравнение отчетов очевидцев. Полезно сравнить рассказы очевидцев, опубликованные в мемуарах, автобиографиях и учебниках. Есть богатый материал, например, по Холокосту, по мартовской и октябрьской революции 1917 года в России, по гражданской войне в Испании, по свержению диктаторских режимов в Греции, Испании и Португалии, по вторжению Советского Союза в Венгрию в 1956 году, по Пражской весне 1968 года, по строительству и падению Берлинской стены и т.д. Кроме того, полезно дать учащимся возможность сравнить эти рассказы очевидцев с более поздними толкованиями историков.

Сравнение вторичных источников. Два дня, проведенных в библиотеке, помогут собрать богатый материал, иллюстрирующий, как, например, историки разных стран могут толковать одно и то же событие различным образом. Два отрывка, приведенные ниже в **Таблице 2**, относящиеся к германо-советскому пакту от 23 августа 1939 года (известному также как пакт Риббентропа-Молотова), показывают, какие возможности дает этот способ организации учебного процесса, а именно:

- широкий пласт свидетельств по отдельному событию или явлению;
- взгляд на события с различных точек зрения, отражающий не только национальные интересы;
- возможность понять суть исторической интерпретации.

Несмотря на распространенное мнение о том, что изучение историографии слишком трудно для учащихся средней школы, им все же полезно проводить небольшие исследования, чтобы определить, как рассматривают одно и то же событие или явление историки разных поколений – одинаково или по-разному. Например, расценивают ли последствия Версальского договора современные британские, французские и немецкие историки так же, как и их коллеги в 1920-е и в 1930-е годы. Рассматривают ли современные историки из бывших колониальных империй конец периода колониализма так же, как и историки, писавшие об этом, скажем, в 1950-е годы?

Использование нетрадиционных письменных источников. Как отмечалось в главе, рассматривающей чтение иллюстративных архивных материалов, графические изображения, открытки, плакаты и фотографии могут быть полезными иллюстрациями и способствовать пониманию общественного настроения своего времени. Иногда они могут в сжатой форме сообщить о политическом курсе, идеологии и общественном движении, поскольку именно для этого они и создавались. Некоторые письменные источники играют ту же роль. Например, анализ учащимися политических и идеологических лозунгов может эффективно помочь им понять то особое послание, которое отдельная группа или движение пытается донести до широкой общественности. В этом отношении коллекция лозунгов может быть особенно показательной. Например, рассмотрим лозунги Фашистской партии Италии в начале 1930-х годов, приведенные ниже в **Таблице 3**.

Таблица 2

Вторичные источники по германо-советскому пакту, август 1939 г.

Источник 1: Мнение советского историка (1981 г.)

Почему Чемберлен и Даладье помогли Гитлеру в достижении его целей? Они надеялись умиротворить его, отдав ему часть Чехии. Они хотели направить германскую агрессию на восток по направлению к Советскому Союзу. В результате Советский Союз оказался один на один перед лицом растущей нацистской угрозы. В такой ситуации СССР пришлось заключить договор о ненападении с Германией. – Это давало СССР время на укрепление своей обороны.

Цитата из *R. Reeds. The Modern World (Heinemann 1996)*.

Источник: Мнение британского историка (1966 г.)

В последующие годы пакт Риббентропа-Молотова попытались оправдать тем, что он давал Советскому Союзу время для организации своей обороны. Принимая во внимание то, что произошло два года назад, этот аргумент выглядит правдоподобным. Но это мог бы быть еще один классический пример прочтения истории задним числом. В 1939 году и в самом деле существовала вероятность того, что Гитлер пойдет на СССР после разгрома Запада. Но это было всего лишь вероятность, необязательно самая вероятная или самая безотлагательная ..., оба симптома являются важными. Во-первых, есть очень мало свидетельств того, что Красная армия получила приоритет после августа 1939 года всесторонне подготовить оборону. ... Во-вторых, изучение расположения частей Красной армии в начале лета 1941 года означает, что два предшествующих года были потрачены на занятие определенно наступательной позиции.

Источник: *N. Davies. Europe: a history (Oxford University Press, 1966). P. 1000.*

Таблица 3: Политические лозунги как исторический документ

«Верьте! Подчиняйтесь! Сражайтесь!»

«Тот, кто украл хлеб»

«Ничто не было выиграно в истории без кровопролития»

«Живи рискованно!»

«Лучше прожить один день как лев, чем сто лет как овца»

«Война для мужчины – все равно, что деторождение для женщины»

«Фашизм – это самое внушительное создание воли отдельного человека и всей нации к власти»

«Фашизм – это организованная, централизованная, авторитарная демократия»

«Фашизм отстаивает единственную свободу, которой стоит обладать, это свобода государства и свобода индивидуума внутри государства»

Использование письменных источников для изучения образа жизни в определенный период. Все массовые издания, реклама, каталоги, поваренные книги, иллюстрированные журналы дают хороший материал учащимся для изучения модных тенденций, семейной и общественной жизни. Помогают понять, какие товары являются предметами первой необходимости, а какие предметами роскоши, питания. Дают представления о социальных различиях, о пристойном общественном поведении, стандартах и отклонениях от нормы, об общественном восприятии власти имущих. Вероятно, будет сложно получить по-настоящему европейскую картину, но обмен материалами по почте, факсу или электронной почте между школами в различных странах поможет очень быстро собрать коллекцию сравнительных материалов об образе жизни в различное время на протяжении XX столетия.

Таблица 4: Общая схема анализа письменных источников

Описание: ответьте на эти вопросы, используя данную информацию. Не пытайтесь отгадывать. Например, дайте только ответ на вопрос № 2, если указываются дата или год. Не надо делать предположений, что дата была написана тогда, когда произошло событие, которое данный документ описывает.

Контекст

1. Кто написал этот документ (физическое или должностное лицо)?
2. Когда он был написан?
3. Для кого он был написан?
4. Что это за документ?
 - дневниковая запись;
 - письмо;
 - официальный отчет или протокол;
 - дипломатическая депеша;
 - отрывок из учебника истории;
 - отрывок из автобиографии или биографии.
5. Обобщите основные положения, сделанные автором.
6. Есть ли в данном документе ссылка на события или людей, которых вы не знаете?
7. Есть ли в данном документе слова, фразы и аббревиатуры, которые вам не известны?

(см. продолжение)

Таблица 4: Общая схема анализа письменных источников

Толкование	Факты: почему вы так думаете?
8. Является ли первичным или вторичным источником?	• Был ли документ написан в то время, когда произошло событие, или несколько дней, недель, месяцев или даже лет спустя?• Есть ли в документе информация, подтверждающая, что он основывается на личном опыте или причастности автора к описываемым событиям?• Был ли автор очевидцем того, что произошло?• Мог ли автор знать, что в действительности происходило?
9. Есть ли в документе сведения относительно того, как автор получил представленную информацию?	
10. Является ли этот документ, по вашему мнению, достоверным отчетом о том, что произошло?	• Есть ли в тексте факты, которые позволяют вам считать этот документ достоверным источником информации?
11. Почему этот документ был написан?	• Есть ли в документе какие-нибудь факты (например, имя автора, его положение, адрес, название документа), которые помогают судить, почему он был написан?• Можете ли вы определить, почему документ был написан, по тому, как он был написан, например, чтобы кого-то проинформировать? Сделать запись личного характера о том, что произошло? Ответить на чей-то запрос? Оправдать поступки автора или его решения? Доставить удовольствие получателю документа или его раздосадовать?

(см. продолжение)

Таблица 4: Общая схема анализа письменных источников

12. Что нам говорит документ о взглядах и общественном положении автора?	• Автор просто сообщает о ситуации, передает информацию или описывает то, что произошло, или же документ содержит также мнения, заключения и рекомендации?
13. Имеет ли автор какие-либо предубеждения?	• Пытается ли автор дать объективный и продуманный отчет о том, что произошло?• Есть ли в документе какие-либо утверждения или фразы, которые свидетельствовали о пристрастиях или предубеждениях автора против какой-то группы людей, человека или точки зрения?

Связь с ранее полученными сведениями

14. Подтверждаются ли факты этого документа фактами, сведения о которых были получены из других источников, включая ваш учебник?

15. Подтверждает ли документ или противоречит толкованию событий из других источников?

Определение пробелов информации в документе

16. Есть ли какие-либо пробелы информации в документе, например, пропущенные имена, даты или другие факты, которые могли бы помочь ответить на вышеупомянутые вопросы?

Определение источников для получения дополнительной информации

17. Можете ли вы определить какие-нибудь другие источники, которые помогли бы восполнить пробелы, или проверить информацию данного источника или трактовку автором данных событий?

Таблица 5: Дипломатическая депеша князя Лихновского

Лихновский Ягову Телеграмма 151 Дипломатическая депеша 157	Лондон, 24 июля 1914 г. Отправлено 21.12. Получено 25 июля, в 01.16 утра
Это было бы желательно. Это не государство с европейской точки зрения, а банда грабителей. Верно Верное утверждение, не так ли! Верно. Тогда русские не лучше их. Это определенно произойдет. Он забыл Италию.	Сэр Э. Грей только что назначил мне встречу. Министр, очевидно, сильно взволнован нотой Австрии, которая, по его мнению, превзошла все, что он когда-либо видел прежде. Он сообщил, что пока он не получал известий из С-Петербурга, и поэтому он не знает, что они думают по данному вопросу. Но он очень сомневался, что Русское правительство может порекомендовать Сербскому правительству безоговорочное принятие требований Австрии. Любое государство, которое приняло бы подобные условия, перестало бы считаться независимым государством. Ему, сэру Э. Грею, очень трудно давать какие-либо советы С-Петербургу в настоящий момент. Он может только надеяться, что в данной ситуации возобладает спокойная и миролюбивая позиция. Пока вопрос касается ограниченного конфликта между Австрией и Сербией, как Вы подчеркнули в депеше 1055, которую я упомянул в разговоре с сэром Э. Греем, он, сэр Э. Грей, не имеет к этому никакого отношения, но дело будет обстоять совсем иначе, если под нажимом общественного мнения правительство в России выступит против Австрии. На мое замечание, что к населению Балкан нельзя подходить с теми же мерками, что и к цивилизованным государствам Европы, и что поэтому с ними нужно разговаривать на другом языке – и это было подтверждено их варварским способом ведения войны – нежели тот, которые применим, скажем, к британцам или немцам, министр ответил, что даже, если он и мог бы разделить это мнение, то он не уверен, что оно было бы принято Россией. Опасность войны в Европе, если Австрия вторгнется в Сербию, станет неизбежной. Последствия такой войны между четырьмя государствами – он особенно подчеркнул число четыре и имел в

(см. продолжение)

Таблица 5: Дипломатическая депеша князя Лихновского

Бесполезно.

Это излишне, так как Австрия уже достаточно ясно дала понять России, и Грею нечего больше предложить. Я не присоединюсь, если только Австрия определенно не попросит меня об этом, что вряд ли вероятно.

В решении жизненно важных вопросах и вопросах чести ни с кем не консультируются.

Чепуха.

Она может отдать Персию Англии.

виду Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию – будут абсолютно непредсказуемыми. Но может получиться так, один результат совершенно определен: будет всеобщий голод и обнищание, промышленность и торговля будут разрушены и власть капитала будет уничтожена. И как результат развала промышленной деятельности, возникнут революционные движения, подобные тем, что были в 1848 году. О чем сэр Э. Грей сожалел больше всего, помимо тона ноты, это непродолжительность срока ультиматума, что сделало войну почти неминуемой. Он сообщил мне, что он охотно поддержал бы нас в переговорах в Вене о продлении срока, поскольку таким образом возможно будет найти выход. Он просил меня передать это предложение Вашему превосходительству. Далее он предложил, что в случае опасного напряжения отношений между Россией и Австрией, четыре государства, не заинтересованные в конфликте непосредственно, – Англия, Германия, Франция и Италия – должны будут занять сторону либо России, либо Австрии. Это предложение он также просил передать Вашему превосходительству.

Министр, очевидно, прилагает все усилия, чтобы избежать осложнения обстановки в Европе, и не скрывает своего великого сожаления по поводу вызывающего тона австрийской ноты и ограниченностью отсрочки.

Мне сообщили из еще одного отдела Министерства иностранных дел, что есть основания для предположения, что Австрия очень недооценивает сил Сербии для самообороны. В любом случае это будет длинная и безрассудная война, в которой Австрия будет чрезмерно ослаблена и в которой она будет обескровлена. Кроме того, они с определенностью утверждают, что отношение Румынии более чем определено, и что в Бухаресте заявляют, что они выступят против любого, кто нападет.

Источник: *Веб-сайт подборки документов (1914) о Первой мировой войне:* <http://www/lib-byu.edu/~idh/wwi>

Таблица 6: Исторические документы об ответственности за развязывание Первой мировой войны

Источник 1: Когда Вильгельм II увидел ответ Сербии на ультиматум Австрии Сербии в июле 1914 г., он прокомментировал это, сказав: «Большой моральный успех для Вены, но вместе с нею все причины для того, чтобы исчезла война».

(L. C. F. Turner, Origins of the first world war, Arnold, 1970. С. 103.)

Источник 2: Отрывок из мемуаров кайзера (написаны после окончания войны)

По прибытии в Потсдам я застал Канцлера и Министерство иностранных дел в конфликте с Главнокомандующим Генерального штаба, поскольку генерал фон Мольтке придерживался мнения, что война обязательно должна начаться, в то время как двое других настаивали на том, что дела обстоят не так плохо, что можно избежать войны при условии, что я не объявлю всеобщую мобилизацию. Этот спор упорно продолжался. И только объявление генералом фон Мольтке, что русские обстреляли их пограничные посты, подорвали пограничные железнодорожные пути и разослали красные мобилизационные удостоверения, привело дипломатов на Вильгельмштрассе в чувство и было причиной их собственного поражения, как и их способности упорствовать. Они не хотели верить в войну. Это ясно показывает, насколько не уверены мы были в войне и очень мало готовились к войне в июле 1914 года ... Это провал всей нашей дипломатической службы. Угроза войны не была видна, поскольку Министерство иностранных дел было так загипнотизировано ... своей верой в мир любой ценой, что оно полностью устранило из своих расчетов войну как возможный инструмент государств Антанты, и, следовательно, неправильно оценило важность признаков войны.

Источник 3: Отрывок из мемуаров князя Лихновского

Это показано всеми официальными изданиями и не было опровергнуто нашей «белой книгой», которая из-за скудости ее содержания и ее недостатков является суровым обвинительным актом нам самим.

1. Мы подстрекали графа Берштольда напасть на Сербию, хотя это не было в интересах Германии, и опасность мировой войны должна была быть хорошо нам известна...

2. За период с 23-го по 30-е июля 1914 года ... мы отвергли предложения Британии подумать, несмотря на то, что Сербия под нажимом России и Британии приняла почти целиком ультиматум, и, несмотря на то, что согласие по двум спорным вопросам могло быть легко достигнуто, а граф Берштольд был даже готов удовлетвориться ответом Сербии.

(см. продолжение)

Таблица 6: Исторические документы об ответственности за развязывание Первой мировой войны

3. 30 июля, когда граф Берштольд выказал расположение изменить свою позицию, мы отправили ультиматум в С-Петербург просто из-за военной мобилизации в России, несмотря на то, что не было нападения на Австрию, а 31 июля мы объявили войну России, хотя царь заверял, что он никому не отдаст приказа наступать, пока ведутся переговоры. Таким образом, мы уничтожили саму возможность мирного урегулирования.

С учетом этих бесспорных фактов неудивительно, что весь цивилизованный мир за пределами Германии возлагает ответственность за мировую войну исключительно на наши плечи.

4. Речь Президента Эстонии Тоомаса Хендрика Ильвеса к годовщине Тартуского мира 2 февраля 2007 года*

Тоомас Хендрик Ильвес – четвертый президент Эстонской Республики (с 2006 г.).

Кажется, совершенно невозможно обобщить в двух предложениях Освободительную войну, завершившуюся Тартуским мирным договором и появлением Эстонской Республики на карте мира.

Тем не менее, мы находим меткое лаконичное описание в приказе №1308 главнокомандующего войсками, который генерал-лейтенант Лайдонер издал 28 марта 1920 г. при сложении полномочий.

«Тринадцать месяцев народная армия Эстонии сражалась в тяжелейших условиях против огромного и сильного врага, отразила все его атаки и освободила землю и народ Эстонии. Враг был вынужден признать нас самостоятельным государством и заключить с нами мир».

Наряду с отвагой школьников, добровольцев, эстонских офицеров и солдат, еще недавно сражавшихся в русской армии, нам помогли умение и смелость тогдашних политиков принимать в нужный момент верные решения.

Эти смелость и умение пригодились бы политикам Эстонии и впоследствии, особенно в сложные моменты истории во второй половине 1930-х годов.

И все же Эстония может гордиться XX веком, так как она победила дважды. Кроме Освободительной войны – и в холодной войне. Эстония осталась на стороне победителей. Это должно позволить нам относиться к XX веку с великодушием и уверенностью победителей и быть выше унижительного страха поверженного.

2 февраля дает нам право и возможность смотреть в прошлое, а также говорить о том, как история может повлиять на настоящее, да и на будущее.

Мы помним свои победы – будь то Освободительная война и Тартуский мирный договор или восстановление независимости на развалинах Советского Союза. Каждый народ и государство должны помнить и отмечать свои победы.

* *Как относиться к чужим победам. – День за Днем, 9 февраля 2006 г. <http://www.dzd.ee/?SID=13aad048164e95256a91fb02ae5c5b98&n=76&a=588&number=44>*

Их победа – наше поражение, и наоборот

Но как относиться к победам других народов? Особенно в случае, когда этот народ живет тут же, в Эстонии, вместе с нами, и в ситуации, когда их победа не является однозначно нашей? И как относиться к таким победам еще тогда, когда, отмечая их, они фактически радуются нашим поражениям?

Разгром нацизма – как победа всей Европы – должна быть отмечена. Однако затем половина Европы на десятилетия попала под власть Москвы. Для Эстонии это означало утраты и страдания. Вначале – убийства, аресты и депортации, позже – преследование, русификацию, запугивание и духовное насилие.

История может быть разного цвета. Для России и для многих русскоязычных людей, проживающих в Эстонии, Вторая мировая война означает Великую Отечественную войну, 1941 – 1945 годы, когда нацисты напали на Советский Союз и потерпели поражение.

Для Эстонии, как и для Латвии, Литвы и Польши, Вторая мировая война началась двумя годами раньше, еще 23 августа 1939 года, когда Сталин и Гитлер, будучи союзниками, поделили Европу на свои сферы влияния. Далее последовал договор о базах, свержение правительства, утрата собственного государства и разные оккупации.

Все это продолжалось до августа 1991 года. И только 1 сентября 1994 года, после ухода последнего российского солдата, мы вновь смогли ощутить себя хозяевами на собственной земле.

История должна объединять

Спрашивается, как справиться с таким сложным прошлым? Рецепт прост: все имеют право праздновать свои победы и скорбеть по своим утратам.

Согласно Освальду Шпенглеру, историю нужно творить. Сейчас мы видим, как история, вернее, понимание прошлого, подобно защитным рвам и противотанковым заграждениям, разделяет живущих в Эстонии людей.

Эстонский народ, потерявший в войнах и репрессиях XX века сотни тысяч сыновей и дочерей, понимает значение Великой Отечественной войны для русского, украинского и белорусского народов. Когда же 9 мая вместо поминовения павших начинают превозносить оккупацию и вместе с этим отрицать выпавшие на долю эстонского народа страдания, с этим мы смириться не можем.

Исторический взгляд эстонцев натренирован видеть скорее страдания, нежели достижения, скорее утраты, нежели победы. Страх и предубеждений в нашем взоре больше, чем гордости и открытости. Мы как бы мысленно

продолжаем сражения Второй мировой войны, мы продолжаем бороться с оккупацией. Подобно тому, как другое государство, расположенное не так уж далеко от нас, сражается за оправдание содеянного в XX столетии.

К сожалению, Россия не хочет признавать слов своего первого президента Бориса Ельцина, сказанных им в Венгрии в ноябре 1992 года, что после разгрома фашизма в Восточную Европу пришла другая идеология насилия. Извинившись за причиненное Советским Союзом насилие, президент Ельцин сказал, что надо знать свою историю, ибо без полной правды нельзя восстановить справедливость, и без полной правды нет ни покаяния, ни прощения.

Действительно, покаяние либо есть, либо его нет. Точно так же нельзя ни от кого требовать извинений, ибо извинение – дело совести, воспитания и цивилизованности.

Эстония покалась и принесла извинения за тех соотечественников, которые во время германской оккупации связали себя с преступлениями против человечности. Суды Эстонии осуществляли правосудие над теми, кто во время советской оккупации убивал и депортировал гражданских лиц или стрелял в спину укрывавшихся в лесах бойцов сопротивления.

Оскорбительно, когда теперь Россия обвиняет Эстонию в переписывании истории в пользу нацистов. Это обвинение ложно и несправедливо по отношению к тем, кто взялся за оружие, чтобы защищать завоеванную в сражениях Освободительной войны свободу. Это оскорбляет всех тех, кто потерял в развязанной Германией и Советским Союзом войне свой дом, родину, близких, здоровье и жизнь.

Эстония не переписывает свою историю. Она просто пишет о том, о чем в годы оккупации не разрешалось ни писать, ни даже читать, и о чем весь Западный мир знал на протяжении всего этого периода.

Проблема скорее в том, что историография самой России по-прежнему остается в тех советского толка фантазиях, которые никто в свободном мире всерьез не воспринимает. Зато их воспринимают те, у кого нет возможности читать что-либо другое. Поэтому у нас нет необходимости, как советуют некоторые, начать «разъяснять миру историю Эстонии». Цивилизованный мир давно знает ее, основывая на этом, начиная с 1940 года, свою политику непризнания.

Виноваты не только оккупанты

Мы также не должны придавать чрезмерного значения тем направленным против Эстонии демонстрациям и угрозам, которые исходят из соседнего с нами государства. Вместо этого давайте обеспокоимся тем, что более чем

через 15 лет после восстановления независимости у нас нет научно обоснованных и достоверных данных о том, кто и что, в действительности, делал в оккупированной Эстонии в 1945 – 1991 годах.

Поэтому не следует удивляться тому, что значительная часть населения Эстонии понимает нашу историю плохо или как-то иначе. Досконально изученная и переведенная на разные языки история нашего недавнего прошлого – это ожидающий воздвижения духовный монумент памяти и свободе. Это поможет всем нам, как и нашим соотечественникам русской и иных национальностей, понять, что же произошло на самом деле.

Созданная президентом Мери Международная комиссия по расследованию преступлений против человечности опубликовала свой первый объемный сборник, в котором описываются события, произошедшие в Эстонии в 1940 – 1945 годах. Мы ждем описания второй половины 1940-х годов.

Но этим мы ограничиться не должны. Весь период советской оккупации на всей его протяженности следует внимательно изучить, как и те времена, которые нам не очень-то по душе: когда вся вина не обязательно лежит на плечах пришедших извне оккупантов.

Коллаборационизм в Эстонии столь же мало изучен, как в России – его роль на оккупированных территориях. Если мы не хотим попасть в ту же западную выборочной трактовки истории, которая существует на Востоке, мы должны честно и всесторонне исследовать историю Эстонии вплоть до августа 1991 года.

Исследование истории и понимание прошлого, дорогие мои соотечественники, куда более важная и требующая усилий работа, нежели война с памятниками. И эту работу за нас не сделает никто.

Эстония сама подносит патроны своим оппонентам

Мы говорим о несправедливости, о том, как Эстонию обвиняют при помощи абсурдных аргументов. Но несправедливо и то, что политики Эстонии поддаются соблазну, чтобы получить дополнительные голоса, и используют историю скорее как дубину, а не как учебник.

К сожалению, мы видели и видим подобные факты, начиная с весны прошлого года. Таким образом, мы приближаемся к ситуации, когда Эстония сама подносит своим оппонентам патроны для стрельбы по себе.

С так называемым Бронзовым солдатом создалась ситуация, которую Блаженный Августин охарактеризовал бы словами: «Все это в равной мере верно именно потому, что в равной мере ложно».

В ситуации, когда многие молодые люди, живущие в Эстонии, считают Советский Союз не оккупантом, а освободителем, наше общество стоит

перед серьезной проблемой. Эту проблему, устранив Бронзового солдата или сохранив его, не решить.

Вспомним о мудрости и достоинстве

Подумаем лучше о том, чего мы достигли своей победой 15-летней давности. Мы не должны беспокоиться из-за абсурдных и ложных обвинений; из-за того, повлияет ли это и каким образом на присоединение Эстонии к Европейскому Союзу или НАТО. Нас понимают, и мы уже являемся полноправными членами Европейского Союза и НАТО.

Мы не должны реагировать на оскорбления и вздор, мы должны быть выше всего этого. Мы живем в свободном и демократическом государстве, которое сами создали. Наша история, как во всем своем блеске, так и с постыдными пятнами, открыта для всех.

Я призываю общественность и политиков Эстонии к мудрости и достоинству. Давайте лучше смотреть в будущее, видеть в нем то, что важно для Эстонии, Европы и всего мира!

Но при этом мы не должны забывать прошлое, особенно тех мужчин и женщин, которым мы обязаны победой в Освободительной войне и существованием своего государства. Только наша собственная неспособность достигать согласия оставила людей, павших за свободу Эстонии, без должного уважения. Монумента свободы нет до сих пор. Это значит, что мы так и не сумели увековечить наши победы для грядущих поколений.

Воздвигнем же, наконец, Монумент свободы в достойном месте!

Зажжем свечи на могилах павших в Освободительной войне и у их памятников – и 2-го, и 24 февраля. Поднимем государственные флаги и будем радоваться. Ибо, в конечном итоге, мы – победители, наперекор всем нашим утратам и страданиям.

5. Эстония и Петроградский фронт гражданской войны в 1918 – 1920 гг.*

Карстен Брюггеманн

Карстен Брюггеманн – доктор философии, профессор Института истории Таллиннского университета, научный сотрудник Нордост-Института, Германия.

Мировая историография гражданской войны начинает преодолевать старую схему о том, что эта война была столкновением исключительно между красными и белыми. Знаменитый плакат Э. Лисицкого «Красным клином бей белых» в своей дихотомической ясности стал впоследствии своеобразным мифом-символом основания советского государства. Однако уже одно объединение под названием «белых» всех антибольшевистских сил, от меньшевиков до черносотенцев, показывает искусственность этой схемы. Ведь у противников В. И. Ленина общим был лишь антибольшевизм, но этого было мало для того, чтобы действительно сплотиться вокруг единой идеи. Российское общество 1917 г. было слишком атомизированным, и представления людей о сущности «счастливого будущего» сильно различались. Кроме того, как показал год революций, политические партии не сумели повлиять на «глубинные движения» народных масс.¹ Не случайно на «белых» фронтах гражданской войны к концу 1918 г. власть в свои руки взяли военные, и одновременно в лагере красных была введена строгая военная дисциплина во имя защиты революции. С исчезновением общепризнанной власти, а также с появлением самостоятельных военных образований на периферии страны выход России из кризиса пошел по насильственному пути.

Кроме классических «цветов» русских революционных войн наиболее проявили себя, прежде всего, так называемые зеленые, символом которых стал батька Махно. Но формы участия крестьян в войне были многообразны, и они по-разному проявлялись во многих частях страны.²

Война в эти годы шла буквально повсюду. В. Н. Бровкин различает «фронтную войну» между красными и белыми, «неизвестную войну» против зеленых и «незримую войну» совместно красных и белых против сил небольшевистского левого направления.³ Однако, кроме того, шла еще и «национальная война» – война против раздробления империи, которую вели почти все русские ее участники и которая все более и более (вплоть до Советско-польской войны) превращалась в войну между государствами. Некоторые национальности распадавшейся империи, извест-

* К. Брюггеманн. Эстония и Петроградский фронт гражданской войны в 1918 – 1920 гг. – *Вопросы истории*, 2007, №5. С. 17–33.

ные в литературе как «национальные сепаратисты», сыграли, тем не менее, гораздо более конструктивную роль, чем все русские фракции вместе взятые. Используя вакуум власти в центре, чтобы выйти из вненациональных рамок империи, национальные группы, с одной стороны, на некоторое время усилили хаос «смуты».⁴ С другой стороны, в этот период именно они пытались организовать гражданское пространство с новыми видами идентификации подданных, с упором не на вооруженное насилие, а на создание условий для политического поведения в демократических формах. Здесь заслуживают упоминания, прежде всего, Финляндия и Эстония, где население бывшей империи уже в 1918 – 1919 гг. получило возможность участвовать в свободных демократических выборах в местные учредительные собрания, которые впоследствии и выполнили свою основную задачу: выработали конституции для новых национальных государств.

Освещение рождения Эстонской Республики из огня революционных войн на основе материалов из эстонских, российских, немецких и американских архивов позволяет преодолеть традиционную разграниченность в изучении данной темы. Например, хотя эстонские исследователи уже в 1920-е и 1930-е годы изучали так называемую эстонскую Освободительную войну, и, прежде всего, эстонскую победу над прибалтийскими немцами в июне 1919 г. и заключение Тартуского мирного договора с Советской Россией в феврале 1920 г., все же роль Эстонии в российской гражданской войне на Петроградском фронте почти не нашла в их трудах должного отражения.

У советской историографии, особенно начиная с 1930-х годов, имелась своя направленность. Выделяются две работы, которые содержат детальный анализ событий на Северо-Западном фронте гражданской войны, но и в них слабо раскрыта эстонская сторона конфликта. Исследование А. В. Смолина (1999 г.)⁵ вводит в научный оборот ценные источники, однако приписывает эстонской составляющей лишь роль, подобную той, которую «классическая» советская историография отводила белым, – роль марионетки Антанты. До появления докторской диссертации Смолина самым серьезным исследованием данной темы на русском языке являлась работа Н. А. Корнатовского, изданная в 10-летний юбилей событий и рассматривавшаяся как литературный «памятник» защитникам «колыбели революции» от белых войск генерала Н. Н. Юденича.⁶ В этой работе, тем не менее, на широкой основе представлен нейтральный взгляд на врагов, еще без шаблонов сталинской историографии.

Тема привлекала также английских историков, а равно и немецких, многие из которых были выходцами из Прибалтики. Сборники, изданные Балтийской исторической комиссией в 1970-е годы, содержат исследования о политике балтийских государств и их взаимоотношениях с местными немецкими силами, а также о роли политики Берлина.⁷ Третий том, который должен был быть посвящен походам Юденича, к сожалению, не вышел в свет. В последние годы появились русскоязычные указатели и публикации источников.

Последняя работа по теме принадлежит эстонскому историку Р. Розенталю, который использовал материалы эстонских архивов для исследования организации и боевой деятельности белой Северо-Западной армии.⁸

Картина гражданской войны была бы неполной без эстонской перспективы, которая значительно отличалась и от доминирующей русской, и от того, как понимали положение в России руководящие круги Антанты. Для руководства Эстонии вопрос о том, кто именно победит в российской гражданской войне – большевики или их противники – был не столь важен, как вопрос о защите независимости страны и ее границ. Именно поэтому оно пошло на риск ограниченного военного сотрудничества с белыми и при этом одновременно вело переговоры о мире с красными. Такая политика не была простой беспринципностью, вызванной слабостью собственного положения. Эстонское руководство в рамках возможного проводило самостоятельную рациональную политику, целью которой было найти выход из войны и обеспечить мирное строительство национального государства и безопасность его границ.

Предпосылки эстонской независимости

Государственная независимость Эстонии датируется 1917 годом. В его революционном календаре упоминание об эстонцах относится к 26 марта (8 апреля), когда состоялась мощная демонстрация петербургских эстонцев с хором и оркестром под сине-черно-белым флагом. Это национальное выступление, во время которого участники выдвигали пока лишь требование демократической федерации и большей автономии для Эстляндской губернии, охотно упоминается в эстонской литературе⁹, хотя о его политической значимости трудно говорить с определенностью. Тем не менее, Временное правительство уже 30 марта (12 апреля) – во многом благодаря хорошим связям, которые имели в кабинете Г. Е. Львова эстонцы-депутаты I и IV Думы Я. Тыниссон и Я. Раамот, – опубликовало «Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии».¹⁰ Этим постановлением северные уезды Лифляндской губернии были присоединены к Эстляндии, и в результате все районы, населенные эстонцами, впервые в истории были сведены в одну административную единицу. Бывший мэр Таллинна адвокат Я. Поска уже в начале марта стал новым губернским комиссаром и первым эстонцем, вставшим во главе провинции, созданной по этническому принципу. Влияние этого обстоятельства на дальнейший ход событий, на психологию и сознание народа, отличавшегося почти поголовной грамотностью, не стоит недооценивать: народ располагал теперь собственной территорией для национального развития.

Временное правительство этим шагом, предпринятым в связи с войной против Германии, едва ли хотело подтолкнуть развитие эстонского нацио-

нального сознания: оно, прежде всего, намеревалось покончить с вековым господством прибалтийско-немецкого дворянства в крае. Было покончено с традицией царского правительства, опиравшегося на немецкое дворянство, в котором оно видело гаранта порядка и лояльности самодержавию в Прибалтийском крае. Однако правительство князя Львова все же не решилось полностью приравнять край в административном отношении к остальной России: земства в Эстляндии так и не были введены. Причиной послужило то, что в Таллинне уже был организован совет рабочих депутатов, и правительство искало способы укрепления лояльности к Петрограду со стороны эстонской национальной буржуазии. В итоге, вместо земства для управления губернией был предусмотрен так называемый Земский совет (эст. *Maapäev* от нем. *Landtag*) – выборный орган власти. Впрочем, из-за многоступенчатой избирательной системы выборы не были вполне демократичными.¹¹

Таким образом, март 1917 г. в северной губернии Прибалтийского края ознаменовался своеобразной тихой национальной революцией. Однако вопрос об окончательном переходе власти в руки эстонцев на некоторое время повис в воздухе. Хотя немецкое дворянство и отказалось добровольно от участия в выборах в органы губернского управления, оно все более и более возлагало надежды на победу немцев в войне, особенно после событий октября 1917 г. в России. И действительно, вслед за коротким владычеством большевиков, с февраля по ноябрь 1918 г. последовала немецкая оккупация края. Хотя германские военные и не всегда шли навстречу интересам местных дворян, господство последних в губернии окончательно потеряло почву, причем, в буквальном смысле этого слова – лишь осенью 1919 г. в результате радикальной аграрной реформы, проведенной уже эстонским национальным правительством. Осенью же 1917 г. именно опасность оккупации края немцами (они заняли Ригу 21 августа /3 сентября), с одной стороны, а с другой – последовавший позже роспуск большевиками российского Учредительного собрания, побудили эстонскую политическую элиту взять курс на полную независимость страны.

К тому времени в губернии уже произошла перестановка политических сил. Небольшевистские левые партии шли бок о бок с национальными демократами в требовании национальной независимости, и даже эстонские эсеры потребовали от Таллиннского совета учреждения независимой Эстонской рабочей республики. Эстонские большевики, собравшие в ноябре 1917 г. на выборах в российское Учредительное собрание почти 40% голосов, оказались единственной партией, которая не выступала за независимость Эстонии. Однако к началу 1918 г. они утратили значительную часть своей прежней поддержки у избирателей. Причиной послужило провозглашение ими революционного террора не только против немецких «баронов», но и против представителей эстонской буржуазии, а также требования перехода к коллективному ведению хозяйства в деревне и ограничения

свободы печати. В конце января, уже после первого дня выборов в эстонское Учредительное собрание, большевики отменили их результаты, не собрав даже в центрах с наиболее расположенным к ним населением более 40% голосов. По мнению большевиков, результаты выборов не отражали интересов пролетариата. По мнению Земского совета (*Maapäev*), который до роспуска его большевиками в ноябре 1917 г. успел провозгласить себя «высшим носителем власти» в Эстонии, действующим до созыва эстонского Учредительного собрания, именно он оставался органом верховной власти. Уполномоченный Земским советом Комитет спасения Эстонии взял инициативу в свои руки и в тот момент, когда красные войска перед наступлением немцев бежали из Таллинна, провозгласил 24 февраля 1918 г. независимость Эстонии.¹²

Немецкая оккупационная власть отрицательно отнеслась к идее эстонской независимости, и это сыграло большую роль в объединении молодых эстонских интеллектуалов разных политических убеждений вокруг идеи о независимости, что стало особенно очевидно к середине 1918 года.¹³ В период немецкой оккупации согласие в этом вопросе сложилось и в военных кругах. 34-летний полковник царской армии Й. Лайдонер, который в конце 1918 г. стал главнокомандующим эстонской армией, был типичным представителем своего поколения. Он был убежден, что эстонцам, как и другим малым народам, придется воевать за собственную независимость. Лайдонер не только стал эстонским героем этой войны, но, кроме того, как показал 1919 год, правильно оценил положение страны. Именно победа в Освободительной войне послужила ключевым фактором в том, что народ поддержал идею национального государства. Однако Петроградский фронт российской гражданской войны был в этом отношении менее важен, чем победа эстонцев под Цесисом в июне 1919 г. над немецким ландесвером – армией так называемых «балтийских баронов». После четырех лет войны в этой битве неожиданно проявился энтузиазм со стороны эстонцев. Это было ярким отражением того социального антагонизма в Прибалтийском крае, который со второй половины XIX в. стал превращаться в антагонизм национальный. Участие Эстонии в гражданской войне за власть в России не оставило таких следов в сознании народа, как победа над «заклятым немецким врагом».

Первый этап войны

После капитуляции Германии и окончания военных действий на Западном фронте война в Восточной Европе вспыхнула с новой силой. Причиной послужил крах системы, выстроенной Брестским миром, а также центробежные силы, вызванные революцией. На некоторое время на эстонской территории вновь возникло двоевластие. На одном его полюсе находилось Временное эстонское правительство в Таллинне, которое выводило свои

полномочия из независимости страны, провозглашенной в феврале 1918 г. членами Комитета спасения, то есть из принципа преемственности власти. На другом – нарвская Эстляндская трудовая коммуна, основанная эстонскими большевиками 29 ноября 1918 г. и с самого начала не скрывавшая своей зависимости от Москвы. Ее лозунги классовой борьбы не отвечали представлениям большинства населения о национальных интересах. В молодом эстонском обществе, сплотившемся на почве общего социального и национального антагонизма против немецкого дворянства, ненависть к «собственным» эксплуататорам не была настолько развита, чтобы лозунги большевиков могли быть восприняты серьезно. Кроме того, эстонского крестьянина, десятилетиями страдавшего от земельного голода, пугали обещания ввести коллективное хозяйство.

Тем не менее, на короткий период в ноябре-декабре 1918 г., когда шла усиленная красная агитация, исходившая, прежде всего, от еще функционировавшего Таллиннского совета, и когда на восточной границе страны уже шло наступление Красной армии, Временное правительство Эстонии оказалось парализовано. Премьер-министр К. Пятс от страха перед большевистским переворотом даже советовал своим коллегам по правительству не ночевать дома.¹⁴ Однако таллиннские большевики лишь продолжали агитацию, очевидно потому, что у них не хватало сил для серьезного восстания и не было устойчивого контакта с товарищами из Эстляндской трудовой коммуны.¹⁵

Со своей стороны, Временному правительству не удалось поднять эстонцев на войну против Красной армии даже путем принудительной мобилизации всех мужчин в возрасте 21-24 лет. Вместо ожидаемых 25 000 новобранцев пришли только 13 тысяч. Некому было исполнять решения правительства; не было никого, кто бы мог бороться с дезертирством, хотя дезертирам грозило по закону 15 лет принудительных работ.¹⁶ Из прибывших на Нарвский фронт 2500 солдат, например, не разбежались лишь 500. Позже, выступая перед эстонским Учредительным собранием, Пятс объяснил это явление расколом в обществе: крестьяне попросту не хотели воевать за интересы горожан.¹⁷ 20 декабря Временное эстонское правительство решило пообещать каждому солдату право на собственный участок земли.¹⁸ Этим оно в первый раз серьезно попыталось перетянуть крестьянство на сторону идеи эстонской независимости и дать крестьянину возможность почувствовать себя заодно с национальной властью.

В это же время правительство, наконец, решило покончить с коммунистической агитацией и 18 декабря закрыло Таллиннский совет. Не случайно, это произошло после того, как английские военные корабли посетили столичный порт, чтобы продемонстрировать готовность Лондона оказать Эстонии военную поддержку. 23 декабря, с назначением полковника Лайдонера главнокомандующим нарождающейся эстонской армии, военное командование впервые перешло от несколько хаотичного коллективного руководства к единому управлению.¹⁹

К концу 1918 г. наступление Красной армии, по выражению Корнатовского, «выдохлось» из-за отсутствия обозов²⁰, и военная инициатива перешла в руки эстонской армии, которая в течение нескольких недель освобождала от красных один город за другим. Роль в этом добровольцев из Скандинавских стран, прежде всего, из Финляндии, воевавших на стороне эстонцев, в чисто военном смысле не была велика. Дисциплина у них была настолько низкой, что сам Пятс жаловался на то, что финны вели себя как в оккупированной стране. Важнее в этой связи было, по-видимому, другое: финны, шведы и датчане «физически» дали эстонцам понять, что они не одиноки в своем противостоянии с Красной армией.²¹ В результате к 24 февраля 1919 г. – первой годовщине провозглашения эстонской независимости – у пробольшевицкой Эстляндской трудовой коммуны не осталось собственной территории (после занятия эстонцами города Выро в начале февраля ей пришлось бежать в Советскую Россию). Это означало конец *эстонской* гражданской войны, в которой победу одержали национальные силы. Последовавшие в конце апреля – начале мая ожесточенные бои на юге были уже этапом эстонской Освободительной войны за подчинение правительству всех эстонских территорий, которая продолжалась до начала 1920 года. Первый этап ее закончился 30 мая 1919 г., когда Лайдонер заявил в телеграмме Учредительному собранию, что Эстония освобождена от неприятельских войск.²² Однако в этой победе эстонцам помогло первое наступление белых на Петроград, а тем самым эстонская Освободительная война стала важной частью российской гражданской войны.

Белые формирования в Эстонии

Как уже отмечалось выше, немецкая оккупационная власть не желала слышать об эстонской независимости. В этом отношении ее позиция не отличалась от представлений тех русских офицеров, которые в октябре 1918 г. вошли в состав созданного в Пскове при содействии немцев русского Северного корпуса (РСК), который должен был вести оборону против большевиков.²³ Протоколы ноябрьских заседаний эстонского Временного правительства показывают, что оно отдавало себе отчет во враждебности РСК. Только после разгрома корпуса красными в конце ноября таллинское правительство быстро переменяло свое отношение к белым и 6 декабря заключило с остатками РСК, укрывшимися на эстонской территории, договор о совместной борьбе «против большевиков и анархии». В соответствии с договором, русские части соглашались вступить в эстонскую армию и воевать за обеспечение безопасности молодой республики. Командование русского корпуса во главе с полковником Г. фон Нефом одновременно обязалось не вмешиваться во внутренние дела Эстонии, что являлось косвенным признанием независимости страны.²⁴ К концу 1918 г. Временное правительство, еще не располагавшее боеспособной армией, вынуждено было

идти на противоречивые меры. Наряду с договором с русским корпусом, офицеры которого в большинстве воевали за «единую и неделимую Россию», то есть против независимости Эстонии, оно заключило еще и договор с балтийскими немцами (Балтийский полк), от которых также не стоило ждать поддержки эстонской независимости.²⁵

Итак, в тот момент, когда в Омске к власти пришел верховный правитель А. В. Колчак, собиравшийся возобновить борьбу за «единую и неделимую», в бывшем Прибалтийском крае на антибольшевистской основе сложился военный союз между белыми и таллинскими «сепаратистами», и это сотрудничество принесло партнерам неожиданные плоды. В стратегии «активной оборонительной войны» Лайдонера РСК играл важную роль: он должен был взять на себя основную тяжесть борьбы против Красной армии на русской территории.²⁶ Не случайно эстонский главнокомандующий перевел немцев Балтийского полка в оперативное распоряжение русских, после того как РСК был перемещен на другую сторону границы. Таким образом РСК должен был вмешаться во внутрироссийский конфликт, выступая одновременно, по стратегии Лайдонера, в качестве защитника эстонской границы. Вывод русских сил с эстонской территории считался важным политическим шагом, так как правительство не доверяло командованию корпуса.²⁷ В этом отношении трудно согласиться с В. И. Мусаевым, повторяющим вывод о том, что таллинское правительство имело какие-то территориальные претензии к России.²⁸ Правда, в переговорах с финским Комитетом помощи Эстонии под руководством О. В. Лоухивуори в феврале 1919 г. речь шла о завоевании Петрограда финско-эстонскими войсками. Но этот план не мог рассчитывать ни на поддержку официальной Финляндии, ни на деньги Антанты, которая пока еще поддерживала белых и их борьбу за неделимую Россию. Кроме того, эстонское правительство, которое ожидало признания своей независимости со стороны великих держав, не было готово послать армию в Россию. Именно этими политическими соображениями руководствовался Лайдонер, когда отказался от продолжительной войны на русской территории. Он даже заговорил о возможности заключения мирного договора с Москвой, хотя, по его убеждению, прежде надо было очистить от большевиков Петроград, Псков и Дно. Однако не могло быть и речи о завоевании Петрограда без согласия на это Антанты, поэтому надо было, по крайней мере, организовать на восточной границе Эстонии буферную зону под управлением белых русских. В этом, в конце концов, и заключалась политическая цель его стратегии «активной оборонительной войны».²⁹

Руководство РСК, состоявшее преимущественно из офицеров прибалтийско-немецкого происхождения, полностью зависело от Лайдонера и поэтому старалось не выступать открыто против эстонской независимости. Даже гражданские представители русских в Эстонии в феврале 1919 г. делегировали в правительство адвоката Алексея Сорокина, возглавившего

Министерство национальностей, и тем самым после долгих колебаний признали новую власть.³⁰

Тем не менее, руководство РСК искало новую финансовую и организационную опору вне пределов Эстонии. Свои надежды оно возлагало на Юденича, который пока безуспешно пытался создать русскую военную организацию в Финляндии. Смолин подробно описал становление Гельсингфорского центра белых сил под руководством Юденича.³¹ Однако практически вплоть до лета 1919 г. Юденич оставался генералом без армии. Все его попытки просьбами или угрозами получить под свой контроль РСК сводились на нет, так как эстонское правительство не было готово отказаться от хороших для него условий договора с РСК. Со своей стороны, Военно-политический центр при Юдениче в феврале 1919 г. обещал лишь туманно сформулированное «полное признание независимости действий Временного правительства эстонского народа».³² В личном письме Лайдонеру Юденич, не забывший вежливо упомянуть об их совместной службе на Кавказе, утверждал, что он никогда не отдаст приказ Северному корпусу повернуть штыки против Эстонии.³³ Однако Лайдонер пока еще являлся главнокомандующим эстонской армией, в составе которой находился РСК, и он воспринимал слова генерала как вмешательство в свои дела. Недоверие эстонцев к Юденичу, кстати говоря, не было необоснованным. Юденич в своих письмах белым представителям в западных столицах пользовался другим языком, и, говоря об Эстонии, упоминал ее как «более чем ничтожную величину».³⁴

Эстонское же руководство предпочитало вести переговоры с гражданской политической группой, сложившейся вокруг присяжного поверенного Н. Н. Иванова и депутата IV Думы прогрессиста (ранее кадета) князя С. П. Мансырева, которые пытались с позиции признания эстонской независимости получить политический контроль над РСК. Видимо, эстонцы именно в них видели потенциальное руководство предполагаемого буферного государства с центром в Пскове и более надежных (и, быть может, менее влиятельных) политических союзников, чем Юденич.³⁵ В ходе переговоров Лайдонер неоднократно подчеркивал приоритет политических соображений над военными, что было исключительной редкостью для офицера в годы гражданской войны, и снова утверждал, что судьба РСК зависит от признания им независимости Эстонии.³⁶

Именно в этом проявляется главное различие между российской гражданской и эстонской Освободительной войнами: последняя не имела в качестве конечной цели свержения большевиков и не была принципиально антибольшевистской. Она оказалась таковой только в связи с тем, что в конце ноября 1918 г. Красная армия открыла военные действия против Эстонии. Одновременно эстонская Освободительная война не была принципиально антирусской войной. Она была таковой только косвенно в связи с тем, что руководство страны стремилось обеспечить безопасный

выход Эстонии из состава Российского государства. Однако лидеры белого движения не понимали, что общность интересов с эстонцами имела свои пределы и что именно те, кого они именовали «шайкой уголовных преступников» в Таллинне (говоря словами Юденича)³⁷, по сути дела могли диктовать условия антибольшевистской борьбы на этом фронте. Позиция, занятая Юденичем на переговорах о сотрудничестве с эстонцами, уже не представляла каких-либо выгод для Таллинна. В общих чертах она сводилась к следующему: пусть эстонцы в военном отношении помогут нам, белым, освободить Петроград, и потом они получают от нас политическое вознаграждение. Это будет, возможно, «полная независимость действий», а может быть, культурная или политическая автономия. Тем временем эстонцы в строительстве своего государства весной 1919 г. достигли новой степени суверенитета: на территории бывшей российской окраины политическую судьбу страны взяло в свои руки демократически избранное Учредительное собрание.

Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся 5-7 апреля 1919 г., еще во время войны с Красной армией, явились первым народным плебисцитом о судьбе проекта национальной политики под названием «Ээсти», выработанного эстонской элитой. Избиратели участвовали в устройстве своего политического бытия на основе национального самоопределения. Лозунг «Земля и мир» стал революционным лозунгом дня и для Эстонии в 1919 году. Он гарантировал эстонским социал-демократам победу, прежде всего среди солдат, от которых они получили 41,4% голосов (всего по стране они набрали 33,2%). Вместе с трудовиками (25,1%) социал-демократы создавали убедительное левое большинство, в то время как эстонские эсеры, представлявшие (при бойкоте выборов со стороны большевиков) самую радикальную альтернативу, получили только 5,8% голосов. Еще меньше голосов собрал Крестьянский союз премьер-министра Пятса (4%), который играл впоследствии лишь оппозиционную роль в 1919 – 1920 годах.³⁸

Однако обеспечение мира и безопасности границ не зависело от воли одной лишь Эстонии и находилось в тесной связи с российской гражданской войной, которая все более приобретала международный характер. Новый премьер-министр О. Страндман, представлявший трудовиков (социал-демократы предпочли послать своего представителя на пост председателя Учредительного собрания), заявил 12 мая, что его правительство считает главным вопросом заключение мира с Москвой, политику которой он называл «советским империализмом России». Однако заключение мира не должно было изолировать Эстонию от тех государств, которые поддерживали ее в моральном и материальном отношении.³⁹ Эстония действительно не могла заключить мирный договор с правительством Ленина без учета позиции Антанты, хотя уже с апреля установила неофициальные контакты с Москвой. Продолжение войны на восточной границе Эстонии соответствовало не только стратегии «активной оборонительной войны»,

но и официальной политике Антанты, которая вела переговоры с Колчаком об оказании поддержки белым армиям. Поэтому не стало сюрпризом то, что новый этап войны на Петроградском фронте начался уже на следующий день после заявления Страндмана о готовности Эстонии заключить мир с Советской Россией.

Открытие Петроградского фронта

13 мая РСК двинулся в наступление; на флангах ему оказывали поддержку эстонские подразделения. Поддержка эта имела, однако, скорее демонстративный характер, так как эстонское командование ясно понимало нежелание своих солдат продвигаться на русскую территорию.⁴⁰ Что касается стратегии наступления, то главнокомандующий Лайдонер согласился с решением РСК идти прямо на Петроград, хотя считал направление на Псков-Новгород более выгодным. На решение Лайдонера повлияло то обстоятельство, что положение на Южном эстонском фронте оставалось серьезным, поэтому открытие Петроградского фронта где бы то ни было должно было отвлечь на себя силы Красной армии.⁴¹ Генерал А. П. Родзянко, будущий командир РСК и сторонник признания Эстонии, хотя бы даже из тактических соображений, писал в мемуарах, что важнейшим аргументом в пользу Петроградского направления послужило сообщение Юденича о якобы обещанной поддержке английского флота в случае прямого наступления на Петроград.⁴² Однако упомянутое им письмо генерала пока не обнаружено. Более того, ввиду сложных отношений Юденича с англичанами и в связи с тем, что у английской эскадры на Балтике не имелось разрешения Лондона на вооруженное вмешательство раньше июня, представляется весьма сомнительным, что такое согласие могло быть получено.⁴³ Юденичу оставалось ждать результата похода в Гельсингфорсе, и прямого влияния на ход наступления он не оказывал.⁴⁴ Тем не менее, наступление увенчалось неожиданным успехом. В три дня отряды корпуса преодолели ту линию, которая в приказе о наступлении была указана как конечная цель операции, и в начале июня захватили станцию Елизаветино в 20 км от Гатчины.⁴⁵ Хотя это наступление в реальности не представляло для Петрограда серьезной угрозы, ЦК РКП(б) 10 июня объявил этот фронт самым главным и собирался сосредоточить все силы для защиты «колыбели революции».⁴⁶

Разумеется, символическое значение города на Неве было чрезвычайно велико для всех участников войны. «Северная коммуна» имела для большевиков неоценимое значение, а для белых город символизировал столицу империи и славу династии Романовых. Завоевание и удержание Петрограда белыми имело бы далеко идущие последствия и послужило бы убедительной причиной для продолжения поддержки белых со стороны Антанты. А. И. Гучков в меморандуме Деникину уже в январе 1919 г. указывал на первостепенное значение «балтийского фронта» для уни-

чтожения советской власти, хотя он, не принимая во внимание сложившегося там положения, все еще мечтал о немецкой военной помощи.⁴⁷ Независимо от надежд Гучкова, в расчетах белых, группировавшихся вокруг С. Д. Сазонова в Париже, представления о «Петроградском фронте» принимали конкретные радужные очертания из-за излишне оптимистических оценок положения в рапортах Юденича. Среди белых руководителей возникла своего рода «холодная война» по вопросу, разрешать ли Юденичу возглавить поход на Петроград, или нет. Фракция Колчака, бывшего подчиненного Юденича, видимо, очень боялась того, что непредсказуемый генерал от инфантерии, завладев старой столицей, бросит вызов власти верховного правителя.⁴⁸

В конце мая эстонцы заняли Псков и передали город упомянутому Иванову, который нашел общий язык с полковником С. Н. Булак-Балаховичем, получившим впоследствии печальную известность в связи с еврейскими погромами в городе. Как сказал Лайдонер по поводу передачи города русским: «Эстония не претендует ни на одну пядь русской земли».⁴⁹ Но в отличие от Ямбурга, где РСК был полным хозяином, в Пскове эстонцы хотели контролировать положение. Здесь Иванов собирался организовать «общественное управление», из которого, по мысли эстонского руководства, видимо, должно было вырасти впоследствии буферное государство. Псковщина была важна для Таллинна еще и потому, что доход от вывоза производимого здесь льна должен был пополнить пустую эстонскую казну иностранной валютой.⁵⁰

К тому времени, однако, грозовые тучи еще одной войны сгустились над Южным фронтом эстонской армии. Но речь уже шла не о Красной армии, оставившей Ригу 22 мая, а о немецких войсках. В течение весны они укрепились в Курляндии и, захватив Ригу, показали свою готовность покончить с «эстонскими большевиками», каковыми они считали левое правительство в Таллинне. Здесь не место подробностям о сражении эстонцев и организованных ими национальных латышских полков с ландесвером под Цесисом 23 июня 1919 года. Но именно эта победа эстонцев над «балтийскими баронами» раз и навсегда обеспечила молодой республике внутреннюю политическую и символическую прочность. Неожиданная победа над «историческим врагом» была воспринята населением как конец Освободительной войны. В то же время, когда решимость эстонских солдат «выбить золотые зубы из баронов» достигла высшей степени энтузиазма⁵¹, привлечение их к крупным операциям на русской территории в союзе с РСК стало еще более нереальным. Новости, доходившие из завоеванных РСК русских областей, только усиливали нежелание эстонских солдат дольше воевать во имя «закона и порядка», вводимых военным управлением белых генералов.

Несмотря на слова Иванова о «демократии», положение в Пскове лишь на бумаге отличалось от того, что царило в районах, находившихся под непосредственным контролем штаба РСК с центром в Ямбурге. Однако эстонская

армия в лице командующего 2-й дивизией полковника В. Пускара, чьи войска по просьбе Родзянко остались на правом берегу реки Великой⁵², несла по крайней мере косвенную ответственность за диктатуру «общественности» под руководством Иванова и Балаховича. Эстонцы слишком поздно отреагировали на открытые расстрелы, прежде всего евреев и подозреваемых в большевизме, которые были легитимированы Ивановым как выражение справедливого гнева населения⁵³, и вплоть до падения Пскова в конце августа оказывали поддержку Балаховичу. Трудно согласиться с утверждением Смолина, что в Пскове Иванов стремился организовать власть на демократических началах.⁵⁴ Противоречивость деятельности политического авантюриста Иванова, который играл, по выражению Корнатовского, роль «злого гения»⁵⁵ на Петроградском фронте, становится ясной уже из-за безграничного культа личности «бабки» Балаховича на страницах его газеты «Новая Россия освобождаемая». Эти восхваления ничем не уступали критикуемому самим же Ивановым культу Юденича в русских кругах Гельсингфорса.

Для эстонцев, очевидно, идея «Псковской республики» была слишком заманчивой, чтобы от нее отказаться, тем более что в Ямбургском штабе РСК открыто заявляли о цели белых восстановить Россию в границах 1914 года. Деятельность Н. Е. Маркова 2-го, который под псевдонимом Льва Чернякова находился при штабе с конца мая, не была тайной для эстонского правительства.⁵⁶ Политические настроения большинства офицеров РСК проявились в середине июня в инциденте с Ингерманландским полком, входившим в состав эстонской армии, а также в попытках наладить отношения с представителями немецких войск в Латвии.⁵⁷ Эстонское правительство, следуя условиям декабрьского договора, предусмотренным на случай перемещения частей РСК на русскую территорию, 10 июня решило поставить отношения с корпусом на новую основу – «как между двумя соседями», но сохранив при этом возможность использовать его военную силу для защиты своих границ.⁵⁸ В результате 19 июня Лайдонер сообщил Родзянко о том, что сложил с себя полномочия главнокомандующего корпусом.⁵⁹ С того дня РСК переименовывался в Северную армию, а с 1 июля в Северо-Западную армию (СЗА).

Интернационализация фронта и попытка демократизации белых сверху

Вывод русских войск из Эстонии имел несколько последствий, показавших, что успех Петроградского антибольшевистского фронта не зависел лишь от умения или неумения белых организовать свой поход. Для очевидцев было ясно, что без поддержки Эстонии СЗА висела в воздухе. Это очень быстро понял и глава военной миссии союзников, английский генерал Х. Гоф, который, прибыв в конце мая в Гельсингфорс, волей-неволей стал самой

привлекательной фигурой для всех сторон, домогавшихся финансовой помощи со стороны Антанты. Однако Гоф слабо разбирался в узле балтийских противоречий и, кроме того, являлся слугой двух господ: когда английский военный министр У. Черчилль поручил Гофу организацию Петроградского фронта, министр иностранных дел Дж. Керзон напомнил ему, что он должен считать невмешательство принципом своей деятельности.⁶⁰ В начале июня начальник английского Генерального штаба Г. Вильсон поручил ему помочь эстонцам организовать оборону против Красной армии.⁶¹ Высоко ценя профессиональные качества Лайдонера, особенно после победы под Цесисом, Гоф впоследствии, с одной стороны, поддерживал эстонцев, считая, что под руководством Лайдонера русский фронт был бы в лучших руках.⁶² С другой стороны, он пытался, во-первых, упрочить позицию Юденича среди русских сил на южном берегу Финского залива и, во-вторых, старался найти почву для сотрудничества белых с эстонцами.

Только после того, как союзники пришли к соглашению с правительством Колчака, а верховный правитель, в свою очередь, в начале июня признал Юденича главнокомандующим русскими войсками в Прибалтике, последний смог располагать прямой материальной помощью союзников. Только теперь он получил влияние на ход событий на Петроградском фронте. Но на театре военных действий Юденич показывался редко. Армия о новом главнокомандующем узнала только 23 июня, во время его первого весьма короткого визита на фронт.⁶³

Юденич предпочитал сотрудничать с Финляндией и Маннергеймом, ради чего был даже готов пойти на территориальные уступки финнам в Карелии (в свою очередь, это послужило причиной того, что в Париже и Омске «героя Эрзурума» стали подозревать в самоуправстве). Поэтому он перебрался в Эстонию лишь в конце июля, после поражения Маннергейма на президентских выборах в Финляндии, потеряв, таким образом, много времени, необходимого для укрепления своих позиций в РСК. Руководство корпусом ждало от генерала денег, но не его «прихода на готовенькое» со свитой, как выразился начальник его штаба полковник О. А. Крузенштерн.⁶⁴ Когда Юденич появился на Петроградском фронте, СЗА уже отступала под натиском красных и 4 августа без боя оставила Ямбург.⁶⁵ Имели место даже столкновения между эстонцами и войсками СЗА. Петроградский фронт явно разваливался.

Тем временем Гоф уже терял терпение в отношении русских. Он резко критиковал их, например, за то, что вследствие агитации Маркова 2-го они стали открыто уповать на помощь со стороны немцев, которые хорошо обмундировали войска князя А. П. Ливена, только что переведенные из Латвии в Нарву. В письме Юденичу от 4 августа Гоф называл «тупоумными» русских офицеров, требовавших помощи от немцев, и одновременно благодарил генерала за его «лояльность».⁶⁶ Однако как свидетельствуют документы немецких ведомств, Юденич сам неоднократно, через уполномоченных

или даже лично, ходатайствовал о немецкой помощи.⁶⁷ Гоф напоминал генералу, что «какова бы ни была будущность России, она во всяком случае будет демократическая» и что неумение белых найти общий язык с эстонцами и латышами «не предвещает ничего хорошего в будущем».⁶⁸ Этим письмом Гоф превысил свою компетенцию, так как о «невмешательстве» здесь уже не могло быть и речи. Демократизация белого фронта стала теперь для англичанина святым делом, в связи с чем он стал верным союзником эстонцев. Поэтому ответ Юденича, в котором вся вина сваливалась на эстонцев, якобы договорившихся отдать белых «на съедение» большевикам⁶⁹, вызвал еще большее раздражение Гофа. Официальным ответом эстонцев на это обвинение стал меморандум правительства, в котором были использованы аргументы Лайдонера. Он утверждал, что Эстония поддерживает СЗА в рамках возможного, учитывая политическое и военное положение страны. Для упрочения взаимного доверия он потребовал безоговорочного признания эстонской независимости со стороны русских. Однако признание со стороны «случайных личностей» (то есть Юденича), которые не имеют полномочий от политической организации, признанной союзниками, не имело бы должной ценности.⁷⁰ Этим Лайдонер определил события последующих дней, когда по инициативе Гофа было образовано Северо-Западное правительство (СЗП).

Мечты эстонцев о буферном государстве, поддерживаемом союзниками, почти сбылись. Но им быстро пришлось убедиться, что военно-дипломатические представители союзников, сформировавшие 10-11 августа в колониальном стиле местную русскую власть, не очень стремятся к созданию подлинно демократического правления. В записках участников совещания, на котором было сформировано это правительство, заметно, как они впоследствии старались подыскать подходящие слова, чтобы описать свои чувства в тот момент, когда в грубом тоне, под угрозой оставления Петроградского фронта на произвол судьбы от них потребовали не только сформировать правительство в течение сорока минут, но и безоговорочно признать независимость Эстонии.⁷¹ Разумеется, что с таким истолкованием обязанностей союзных представителей в Эстонии не согласились ни Лондон, ни Париж, ни Вашингтон, когда стало ясно, что верховный правитель не подтвердит полномочия правительства, сформированного при подобных обстоятельствах.

Для эстонцев также не было тайной то, что СЗА не поддерживала «собственное» правительство. Разозленный этой «незаконной связью» англичан с эстонцами Юденич⁷² лишь под давлением англичан (и вопреки протестам социалистических министров) вошел в СЗП в качестве военного министра. Впоследствии он стал присылать вместо себя на заседания правительства адмирала В. К. Пилкина, чтобы быть информированным о деятельности кабинета. Скоро всем стало понятно, что, признав Эстонию, СЗП изолировало себя не только на Петроградском фронте, но и вообще в белом движении.

Наконец, эстонцы поняли, что их мечта о русском санитарном кордоне невыполнима. Одновременно правительство Страндмана занялось поисками «нового пути», после того как министр иностранных дел Я. Поска вернулся из Парижа, не получив на мирной конференции признания независимости страны. Когда 31 августа в Таллинн пришло мирное предложение из Москвы, правительство решило в интересах собственной безопасности пойти на рискованную дипломатическую эквилибристику. Уверяя министров СЗП и союзников, что переговорами с Москвой оно стремится лишь выиграть время для подготовки похода СЗА на Петроград, правительство попыталось получить из Кремля свое первое признание *de iure*. Открывшиеся в середине сентября переговоры сперва вызвали острый протест союзных представителей. Однако 25 сентября английское правительство Д. Ллойд Джорджа неожиданно дало свое согласие на то, чтобы балтийские республики достигли соглашения с советской Россией.⁷³ Таким образом, преградой для договора между Таллинном и Москвой оставалась только СЗА.

Защита Эстонии от белой и красной России

СЗА не была готова к серьезному наступлению. Отношения между бывшими офицерами РСК и людьми Юденича по-прежнему были напряженными, и ходили слухи о возможном путче Родзянко.⁷⁴ Положив в конце августа предел самоуправству Балаховича во Пскове, Юденич решил заручиться доверием офицеров корпуса. Однако своей карательной экспедицией он лишь окончательно ослабил защиту Пскова, которая лежала прежде всего на 2-й эстонской дивизии Пускара. Несмотря на приказ Лайдонера удерживать город, эстонские отряды стали местами самовольно уходить с фронта. «Наши войска с Юденичем работать не будут», – говорил Пускар Лайдонери, указав на засилье «баронов и монархистов» вокруг генерала.⁷⁵ К своеобразному «голосованию ногами» эстонцев побуждали не только коммунистические листовки с уверениями в мирной политике большевиков, но и новости об обсуждении эстонским Учредительным собранием проекта аграрной реформы, которое заставило солдат вернуться на эстонскую территорию. Силами одной СЗА Псков удержать было невозможно, и 25 августа в него без боя вошли еще не верившие своему успеху подразделения Красной армии. Эстонцы стали сомневаться в боеспособности белых частей, наблюдая среди них «большую безучастность к судьбе армии».⁷⁶

Одновременно с конца августа на белый фронт начало поступать союзническое обмундирование и снабжение, и армия смогла перегруппироваться. Но для начала серьезного наступления она была слишком малочисленна. Это видел и Юденич, который еще в мае 1919 г. заявил, что для наступления необходимо по крайней мере 50 000 солдат, в том числе 30 000 для удержания Петрограда после его захвата.⁷⁷ Однако и в начале октября у него было

менее 20 000. При таких обстоятельствах наступление вдоль Балтийской железной дороги представляло собой реальную и одновременно последнюю возможность захвата Петрограда.⁷⁸ Тем временем Лайдонер, который еще в начале августа отказался от идеи мира с Москвой, уже 15 сентября обсудил возможность такого мира со своими коллегами из Латвии и Литвы. На его позицию, очевидно, повлияло крушение надежд на создание псковского буферного государства.⁷⁹ Однако в тот момент соседи не поддерживали стремление эстонцев к миру. Поэтому новая позиция Лондона была особенно важна для Таллинна: ему теперь не надо было опасаться упреков со стороны союзников. В конце концов, во время второй конференции с представителями соседних государств, Латвия и Литва согласились начать переговоры с правительством Ленина, хотя «не раньше 25 октября».⁸⁰ Поска же намекнул в разговоре с министром СЗП М. С. Маргулисом, что это решение дает армии три недели для развития наступления.⁸¹ Одновременно эстонцы уже приготовились к более вероятному исходу – поражению белых. В этом случае они рассчитывали сговориться о мире с большевиками. В эстонском руководстве никто не предавался иллюзии относительно того, что в случае победы белых Юденич не объявит Эстонию составной частью России и не повернет штыки против Ревеля.⁸² Находясь в таком положении, СЗА уже не могла ожидать бескорыстной помощи со стороны эстонцев.

Не только в советской, но и в более ранней западной литературе можно встретить утверждение, что Эстония приняла участие в походе Юденича с целью получить от союзников признание своей независимости. Однако это верно лишь в отношении политической оппозиции, группировавшейся вокруг бывшего премьера Пятса. Правительство же Страндмана очень хорошо понимало, что договор с большевиками, чья власть осенью 1919 г. висела на волоске, давал единственный шанс на быстрый мир. Тогда отпала бы и нужда в присутствии белой армии в качестве пограничной охраны. С точки зрения эстонцев, несмотря на неприемлемую политику белых в отношении бывших окраин империи, поход СЗА на Петроград, во всяком случае, ослаблял обоих возможных противников. В этом аспекте российская гражданская война была искусно использована в интересах укрепления эстонской безопасности. Таким образом, участие эстонской армии в наступлении СЗА служило тому, чтобы упрочить позицию страны и укрепить ее границы против победителя Петроградского сражения.⁸³

В октябре 1919 г. СЗА Юденича приблизилась к самым воротам Петрограда. Все ожидали победы. Однако руководство СЗА прониклось неоправданной самоуверенностью и переоценило собственные возможности. Юденич и его политические советники, почувствовав свое могущество, пытались восстановить историческую «справедливость» и отомстить всем социалистам и либералам. Отступление от идеалов неделимой России опять стало считаться предательством родины. Показательно, что первой

жертвой этой мести стало «собственное» СЗП, которое одним росчерком пера было заменено новым генерал-губернатором П. В. Глазенапом.⁸⁴ В то же время у Юденича еще хватало здравого смысла, чтобы понять ту опасность, которую представляло для его похода нападение П. Р. Бермондт-Авалова на Ригу. Однако объявив последнего «изменником Родины»⁸⁵, сам генерал мог навлечь на себя обвинение в отступлении от идеалов неделимой империи. Пресловутые «противоречия в стане империалистов» особенно наглядно влияли на белую борьбу в Прибалтике.

Несмотря на это, с эстонцами в СЗА уже не хотели считаться, хотя впоследствии ее офицеры признавали важность поддержки от эстонской армии.⁸⁶ Лайдонеру же было ясно, что слишком резкий распад СЗА угрожает безопасности эстонской границы. Но, как известно, военная инициатива скоро перешла к Красной армии. 2 ноября, когда красные атаковали Гдов, а Юденич вынужден был оставить Гатчину, на совещании Лайдонера с представителями союзников английский адмирал В. Коуэн объявил о конце Петроградского фронта.⁸⁷ Уверенность белых в победе быстро уступила место депрессии, усилившейся в связи с эпидемией сыпного тифа. Число ее жертв превысило потери от военных действий.

10 ноября эстонское правительство приняло решение обезоружить солдат СЗА в случае перехода ими границы. Разоружение должно было проводиться «корректно и гуманно», потому что белые воевали как «наши боевые товарищи» и облегчили защиту Эстонии.⁸⁸ На практике этот призыв к гуманности был скоро забыт, и произошли многочисленные столкновения между русскими и эстонцами. Из-за возникшего в связи с аграрной реформой правительственного кризиса Лайдонеру пришлось самому улаживать опасное положение на фронте. Он утверждал, что для защиты страны необходима боеспособная СЗА, и поэтому распорядился дать солдатам СЗА возможность перейти границу с оружием, если они продолжают воевать под эстонским командованием. После падения 14 ноября Ямбурга на это пришлось согласиться и Юденичу.⁸⁹ В итоге более 6 000 военных СЗА закончили свой боевой путь плечом к плечу с эстонцами в оборонительных боях против Красной армии в декабре 1919 года.

Конечная точка в этой борьбе была поставлена в начале 1920 г. Тартуским мирным договором. Таким образом, белые войска Северо-Западного фронта сами закрепили развал «единой и неделимой России», исполнив свои обязательства согласно эстонско-русскому «браку по расчету», по выражению Смолина, то есть договору Таллинна с РСК от декабря 1918 года. После перемирия с советской Россией оставшиеся солдаты корпуса попали в распоряжение Министерства внутренних дел, которое направило их на торфяные разработки. Приблизительно 7 500 военных СЗА, вопреки предписаниям Юденича, вернулись на родину под влиянием большевистских листовок с обещанием амнистии.⁹⁰ 22 января 1920 г. Юденич подписал приказ о ликвидации армии.⁹¹

Эстония наряду с большевиками вышла победительницей из революционных войн на Петроградском фронте. С ее точки зрения, суть битв заключалась не в антибольшевизме, как это считали или на это надеялись многие наблюдатели, а в обеспечении собственной независимости. В достижении этой цели эстонцы не были марионетками истории, а держали ход событий в своих руках. Этим обстоятельством можно, пожалуй, объяснить все непонимание в отношениях между эстонцами и русскими. Как вспоминал, например, Родзянко, занятие Петрограда, по убеждению Лайдонера, было исключительно политическим вопросом.⁹² В этом отношении «непредрешенчество» белой политики оказало белому делу медвежью услугу; позиция Ленина в этом отношении была намного более гибкой. Мирный договор оказался выгоден для Эстонии, на нее теперь выпала посредническая роль при налаживании политического и экономического сближения Лондона с Москвой.

Основой для национального сплочения молодой республики служили не антирусские, а антинемецкие настроения населения. Наряду с военной победой над ландесвером летом 1919 г. именно аграрная реформа, сокрушившая экономическую мощь немцев (она прошла в третьем чтении в Учредительном собрании как раз в те дни, когда СЗА стояла у ворот Петрограда), стала решающим фактором для утверждения легитимности эстонского национального государства в глазах широких масс.

Значительную роль в том, что молодой республике удалось стать реальностью, сыграла ее армия. Некоторое время эстонцы воевали бок о бок с белыми, которые открыто заявляли, что Эстонии не существует. При этом эстонцы выступали как противники красных, которые объявляли, что готовы признать независимость страны. В результате, эта часть Освободительной войны на Петроградском фронте не пользовалась популярностью даже среди солдат. В конце концов, Лайдонер с его авторитетом «победителя баронов» объявил частичное сотрудничество с белыми делом национальной безопасности. Оборонительные бои против «пушечной дипломатии» Красной армии доказывали, что он был прав, подозревая ложность большевистских обещаний о мире, и продемонстрировали его успех в организации армии республики. Надо отдать Лайдонеру должное – он даже во время правительственных кризисов строго соблюдал принцип невмешательства в борьбу внутренних политических сил и выступал за сплочение демократического государства.

Появление эстонской государственности традиционно рассматривается как случайный результат одновременного ослабления Германии и России. Однако государства никогда не появляются из вакуума, и эстонцам надо было уметь воспользоваться представившимся случаем, что они и сделали. Также необходимо опровергнуть советскую историографическую традицию, продолженную и в новейшей литературе, с ее утверждениями,

что новые государства были марионетками союзников, прежде всего, Англии. Конечно, без помощи со стороны стран Антанты завоевание независимости прошло бы гораздо сложнее, но нельзя не учитывать, что революционный лозунг «Земля и мир» был решительно проведен в жизнь таллинским правительством в виде радикальной экспроприации земли и заключения мира с большевиками, вопреки идеалам союзников. Объединяющая национальная революция в Эстонии, таким образом, проводилась в соответствии с местными условиями и, прежде всего, в зависимости от местной национальной политики.

Профессору Норберту Ангерманну к 70-летию со дня рождения посвящается.

Примечания

- ¹ Read, C. From Tsar to Soviets. The Russian People and Their Revolution. 1917–21. London, 1996.
- ² Яров С. В. Крестьянин как политик. СПб., 1999.
- ³ Brovkin, V. Behind the Front Lines of the Civil War. Princeton, 1994. P. 191. Понятие «неизвестная гражданская война» использовал уже О. Рэдки (Radkey, O. H. The Unknown Civil War in Soviet Russia. Stranford, 1976).
- ⁴ Лотман Ю. М. Механизм Смуты (к типологии русской исторической культуры). – Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III. Проблемы русской литературы. Helsinki, 1992.
- ⁵ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России 1918–1920 гг. СПб., 1999; Его же. Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг. СПб., 1995.
- ⁶ Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. Л., 1929.
- ⁷ Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. 2. Bd. Marburg, 1971–1977.
- ⁸ Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. М., 2002; Волков С. В. Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003; Белое движение на Северо-Западе России. М., 2003; Rosenthal, R. Loodearmee. Tallinn, 2006.
- ⁹ Laaman, E. Eesti iseseisvuse süünd. Stockholm, 1964. Lk. 80.
- ¹⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Таллин, 1958. С. 65–67.
- ¹¹ Arens, O. The Estonian Maapäev during 1917. In: The Baltic States in Peace and War. Pennsylvania, 1978; EJUSD. Soviets in Estonia 1917/18. In: Die baltischen Provinzen Russlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917. Köln, 1982.
- ¹² Pajur, A. Die Geburt des estnischen Unabhängigkeitsmanifests. – Forschungen zur baltischen Geschichte. 2006, № 1.
- ¹³ Lehti, M. A. Baltic League as a Construct of the New Europe. Frankfurt a/M, 1999. P. 119.

- ¹⁴ Eesti Riigiarhiiv, Эстонский государственный архив, Таллинн (ЭГА), ф. 31, оп. 1, д. 8, л. 41об. Протокол заседания Временного правительства, 28.II.1918.
- ¹⁵ Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии (1917–1920). Таллин, 1988. С. 476–477.
- ¹⁶ ЭГА, ф. 31, оп. 1, д. 8, л. 32, 43, 51. Протокол заседаний Временного правительства. 22, 29. XI., 3.XII.1918.
- ¹⁷ Asutava Kogu I istungijärk. Tallinn, 1919. Lk. 210–211.
- ¹⁸ ЭГА, ф. 31, оп. 1, д. 8, л. 76об., 77. Протокол заседаний Временного правительства. 19. XI., 20. XII. 1918.
- ¹⁹ Там же. л. 80об. Протокол заседания Временного правительства, 28. XI. 1918.
- ²⁰ Корнатовский Н. А. Указ. соч. С. 87.
- ²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5881, оп. 1, д. 509. Воспоминания эстонского генерала А. Тыниссона (перевод).
- ²² ЭГА, ф. 2124, оп. 1, д. 11 (без пагинации). Заявление Лайдонера, 30. V. 1919; Asutava Kogu ... Lk. 793.
- ²³ Смирнов К. К. Начало Северо-Западной армии. – Белое дело, 1926, кн. 1; Смолин А. В. Указ. соч. С. 5–48.
- ²⁴ ЭГА, ф. 957, оп. 11, д. 118, л. 140; Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921. С. 135–136.
- ²⁵ К чести этого полка из эстляндских немцев, надо сказать, что его командование даже во время военного столкновения эстонцев с ландесвером в июне 1919 г. каких-либо политических требований таллиннскому правительству не выставило.
- ²⁶ С такой же целью были заключены и договоры с латышскими (ЭГА, ф. 31, оп. 1, д. 43, л. 14В–14С) и ингерманландскими (там же, ф. 2315, оп. 1, д. 23, л. 120) отрядами.
- ²⁷ Zetterberg, S. Suomi ja Viro 1917–1919. Poliittiset suhteet syksystä 1917 reuna-valtiopolitiikan alkuun. Helsinki, 1977, s. 227–228; Революция... С. 517.
- ²⁸ Мусаев В. И. Белое движение на Северо-Западе России в 1919 году и политика Великобритании. Канд. дисс. СПб., 1993. С. 181.
- ²⁹ Zetterberg, S. Op. cit. S. 220–235; Eesti Vabadussõda 1918–1920. Kd. 2. Tallinn, 1997. Lk. 77–78.
- ³⁰ ЭГА, ф. 31, оп. 1, д. 13, л. 96. Протокол заседания Временного правительства, 28.II.1919; Исаков С. Г. Начало нового этапа. – *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* III. 1992.
- ³¹ Смолин А. В. Указ. соч. С. 73–90; Адмирал В. К. Пилкин. Дневник. 1918–1920. М., 2005.
- ³² ЭГА, ф. 31, оп. 1, д. 130, л. 12. Проект договора, февраль 1919 года.
- ³³ Там же, ф. 495, оп. 10, л. 11, л. 26. Письмо Юденича Лайдонеру, 20. II. 1919.
- ³⁴ Цит. по: Смолин А. В. Указ. соч. С. 136.
- ³⁵ Иванов Н. Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. Берлин, 1922. С. 94.

- ³⁶ ЭГА, ф. 2124, оп. 1, д. 6, л. 683. Комментарий Лайдонера, 27. II. 1919.
- ³⁷ Цит. по: Иванов Н. Н. Указ. соч. С. 16. См. также: ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 239, л. 30. Рукопись офицера РСК М. Н. Баркова «Воспоминания о Северо-Западной армии и моей службе в ней»; Русские в Эстонии (1918–1920 гг.). Из воспоминаний князя С. П. Мансырева. – Отечественные архивы, 1992, № 2. С. 63.
- ³⁸ Raun, T. U. Estonia and the Estonians. Stanford, 1991. P. 109.
- ³⁹ Asutava Kogu ... Лк. 458.
- ⁴⁰ ЭГА, ф. 2124, оп. 1, д. 11 (без пагинации). Разговор по прямому проводу между начальником штаба эстонской армии Я. Соотса и командиром 1-й дивизии А. Тыниссоном, 8. V. 1919.
- ⁴¹ Rosenthal, R. Указ. соч. С 143–144.
- ⁴² Родзянко А. П. Указ. соч. С. 31.
- ⁴³ Bullen, J. R. The Royal Navy in the Baltic, 1918–1920. Ph.D. Thesis. Lnd., 1983. P. 130; и др.
- ⁴⁴ Кирдецов Г. Л. У ворот Петрограда. Берлин, 1921. С. 10, 26; Смолин А. В. Указ. соч. С. 158–161, 220–235.
- ⁴⁵ Родзянко А. П. Указ. соч. С. 38–48; Надежный Д. Н. На подступах к Петрограду летом 1919 года. М.-Л., 1928. С. 39–66.
- ⁴⁶ Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. М., 1941. С. 28.
- ⁴⁷ Гучков А. И. Борьба в России с большевизмом и ее перспективы. – Россия антибольшевистская. М., 1995. С. 270.
- ⁴⁸ Колчак и Финляндия. – Красный архив, 1929, № 2(33); Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г.; Там же, 1941, №1(98).
- ⁴⁹ ЭГА, ф. 2124, оп. 1, д. 11 (без пагинации). Разговор по прямому проводу между Лайдонером и Родзянко, 26. V. 1919.
- ⁵⁰ Горн В. Л. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1921. С. 18–19.
- ⁵¹ ЭГА, ф. 496, оп. 2, д. 17, л. 136, 150. Сводки цензурного ведомства.
- ⁵² Rosenthal, R. Указ. соч. С. 175.
- ⁵³ Горн В. Л. Указ. соч. С. 16. О терроре в Пскове см. рукопись Баркова, л. 46; Башкиров К. Под белым крестом. Рига, 1922. С. 31–32. Даже газета «Таймс» извещала о публичных казнях без критики. Pollock, J. The Negro of Pskoff. – Times, 20. VIII. 1919.
- ⁵⁴ Смолин А. В. Указ. соч. С 210.
- ⁵⁵ Корнатовский Н. А. О литературе по истории гражданской войны на Северо-Западе России в 1919 г. – Красная летопись, 1929, №5(32). С. 292.
- ⁵⁶ ЭГА, ф. 2124, оп. 1, д. 553, л. 467–468.
- ⁵⁷ Смолин А. В. Указ. соч. С. 164–169; и др.
- ⁵⁸ ЭГА, ф. 31, оп. 1, д. 13, л. 178; д. 14, л. 2. Протокол заседаний правительства 4, 10. VI. 1919.
- ⁵⁹ ЭГА, ф. 495, оп. 10, д. 11, л. 207, 217. Обмен телеграммами Лайдонера и Родзянко, 19. VI. 1919.

- ⁶⁰ Kettle, M. *Russia and the Allies 1917–1920*. Vol. 3. Lnd., 1992. P. 343–343.
- ⁶¹ *British Documents on Foreign Affairs*. Vol. 1. Pt. 2. Washington, 1984. P. 211. Вильсон – Гофу, 4. VI. 1919.
- ⁶² ЭГА, ф. 959, оп. 11, д. 118, л. 43–47. Гоф – Керзону, 25. VII. 1919. Впоследствии даже белые офицеры присоединились к этому положительному мнению о Лайдонере (Kukk, H. *The Failure of Iudenich's Northwestern Army in 1919*. – *Journal of Baltic Studies*, 1981, vol. 12. P. 363–364).
- ⁶³ О пресловутом «первом походе Юденича на Петроград» не может быть и речи, хотя даже новейшая западная историография (Figes, O. *A People's Tragedy*. Lnd., 1996. P. 671) повторяет эту ошибку, несмотря на существование работы: Stewart, G. *The White Armies*. N.Y. 1933. P. 209–238. Подробно см.: Смолин А.В. Указ. соч. С. 160.
- ⁶⁴ ГАРФ, ф. 6817, оп. 1, д. 14, л. 26. Сообщение из Гельсингфорса, 5. VI. 1919; Горн В. Л. Указ. соч. С. 81–82.
- ⁶⁵ Ходили слухи, что это отступление РСК было устроено в качестве «подарка» Юденичу, чтобы доказать, что он не умеет руководить войсками (Маргулиес М. С. *Год интервенции*. Т. 2. Берлин, 1923. С. 186; Родзянко А. П. Указ. соч. С. 75–77).
- ⁶⁶ Архив русской революции, 1922, кн. 1. С. 306.
- ⁶⁷ *Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PAAA)*. Deutschland 131, Bd. 61/R 2025. Информация из Стокгольма, 12. VI. 1919; По поручению Юденича 13 августа полковник А. Хомутов явился в немецкое представительство в Таллинне, чтобы узнать о возможностях поддержки (*ibid.* Deutschland 131, Bd. 61/R 2025). Информация из Таллинна, 14. VIII. 1919.
- ⁶⁸ Архив русской революции... Кн. 1. С. 306–308.
- ⁶⁹ Маргулиес М. С. Указ. соч. С. 204; Горн В. Л. Указ. соч. С. 86.
- ⁷⁰ ЭГА, ф. 495, оп. 10, д. 52, л. 248–249, 245–247. Меморандумы Лайдонера и правительства, август 1919 года.
- ⁷¹ Кроме уже названных работ Горна, Иванова и Маргулиеса, важные свидетельства содержит также книга: Кузьмин-Караваев В. Д., Карташев А. В., Суворов М. Н. *Образование Северо-Западного Правительства*. Гельсингфорс, 1919.
- ⁷² ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 17, л. 9–11. Сообщение Горна, 21. X. 1919; ф. 6817, оп. 1, д. 14, л. 102; ф. 200, оп. 1, д. 324, л. 34. Юденич – Колчаку, 20. VIII. 1919.
- ⁷³ *Documents on British Foreign Policy 1919–1939*. 1st Series. Vol. 3. Lnd., 1949. P. 569–570.
- ⁷⁴ *Eesti Vabadussõda*. Kd. 2 Lk. 230; *Иностранная военная интервенция в Прибалтике 1917–1920 гг.* М., 1988. С. 202; Маргулиес М. С. Указ. соч., т. 2. С. 315; т. 3. Берлин, 1923. С. 11.
- ⁷⁵ ЭГА, ф. 2124, оп. 1, д. 16, л. 344. Телеграмма Лайдонера Юденичу, 22. VIII. 1919; там же, л. 357–360. Разговор по прямому проводу между Лайдонером и Пускаром, 23. VIII. 1919.

- ⁷⁶ ЭГА, ф. 2124, оп. 1, д. 16, л. 499. Тыниссон – Лайдонеру, 31. VIII. 1919.
- ⁷⁷ Там же, ф. 495, оп. 10, д. 11, л. 96–97. Юденич – Лайдонеру, 22. V. 1919.
- ⁷⁸ Драгилев В. Второе наступление Юденича на Петроград. Пг., 1922. С. 46–69; ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 325, л. 120–121; ф. 6094, оп. 1, д. 123, л. 37. Юденич – Колчаку, 29. XI. 1919.
- ⁷⁹ ЭГА, ф. 31, оп. 1, д. 1567, л. 2. Меморандум, 15. IX. 1919.
- ⁸⁰ Там же, ф. 957, оп. 11, д. 70, л. 28. Решения конференции, I. X. 1919.
- ⁸¹ Маргулиес М. С. Указ. соч., т. 2. С. 311.
- ⁸² Piip, A. Tartu Rahu. – Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt. Kd. 2. Tallinn, 1930. Лк. 369; Горн В. Л. Указ соч. С. 260.
- ⁸³ ЭГА, ф. 495, оп. 10, д. 52, л. 236. Разговор по прямому проводу между Лайдонером и Пускарром, 20. X. 1919. В частности, было решено, что в случае победы белых эстонская армия займет форт Красная Горка (Eesti Vabadussõda. Kd. 2. Лк. 312).
- ⁸⁴ Brovkin, V. N. Introduction. In: The Bolsheviks in Russian Society. New Haven, 1997. P. 16–17; Свобода России, 24. X. 1919. Приказ главнокомандующего Северо-Западным фронтом №268, 18. X. 1919.
- ⁸⁵ ЭГА, ф. 495, оп. 10, д. 52, л. 297. Юденич – Бермондту, 9. X. 1919; Полковник П. Р. Бермондт-Авалов. Документы и воспоминания. – Вопросы истории, 2003, № 2. С. 17; Бережанский Н. П. Бермондт в Прибалтике в 1919 г. – Историк и современник, 1922, № 1. С. 53–55.
- ⁸⁶ Kukk, H. *Op. cit.*; Eesti Vabadussõda. Kd. 2. Лк. 332.
- ⁸⁷ Bullen, J.R. *Op. cit.* P. 201.
- ⁸⁸ ЭГА, ф. 31, оп. 1, д. 130, л. 86–87, 83. Секретный циркуляр, 11. XI. 1919; протокол чрезвычайного заседания правительства, 10. XI. 1919.
- ⁸⁹ ЭГА, ф. 495, оп. 10, д. 52, л. 368. Юденич – Лайдонеру, 15. XI. 1919.
- ⁹⁰ Смолин А. В. Указ. соч. С. 402; ЭГА, ф. 495, оп. 10, д. 52, л. 496–497. Письмо солдат Лайдонеру; там же, ф. 2124, оп. 1, д. 562, л. 52. Приказ по СЗА №23, 10. I. 1920.
- ⁹¹ Российский государственный военный архив, ф. 40298, оп. 1, д. 8, л. 1–2. Приказ по СЗА №57, 22. I. 1920.
- ⁹² Родзянко А. П. Указ. соч. С. 31.

6. Две правды о последней мировой войне*

Жан-Пьер Минодьер

Жан-Пьер Минодьер – французский историк (р. 1961), в последние годы связавший свою жизнь с Эстонией. Сейчас он работает учителем истории в Версале, в лицее La Bruyère, и преподает историю Эстонии в Парижском институте восточных языков и культуры (INALCO). Опубликовал книгу «История Колумбии с завоевания до наших дней» (1992), переводил с эстонского на французский историческую и художественную литературу. Недавно завершил обзорный труд по истории Эстонии на французском языке. Два его эссе на эстонском языке опубликованы в журнале *Vikerkaar*.

Эстонская трактовка Второй мировой войны шокирует жителя Западной Европы

Слушая, как эстонцы рассуждают о Второй мировой войне, я часто чувствую себя неловко. То же самое ощущают и мои эстонские друзья, когда слушают меня. Такое чувство, будто мы говорим о разных эпохах.

Первое различие в коллективной памяти французов и эстонцев о Второй мировой войне – это то, насколько далеким прошлым являются для них эти события. Во Франции война – дела давно минувших дней. Вторая мировая война означала для французов просто короткий период застоя. Франция праздновала в 1944 году освобождение, а для Эстонии в это время начался новый период ужасов, поскольку за войной последовала советская оккупация. Для Эстонии Вторая мировая война была более жестокой, а шрамы от нее более заметны.

Герои и жертвы

Для меня одним из главных различий в понимании Второй мировой войны является статус ее участников. Для Эстонии конец коммунизма означал полный отказ от прежней трактовки истории: когда эстонцы снова получили право слова, они начали называть героев, которых превозносили в советское время, предателями. Конец 1980-х принес совершенно новое понимание

* *Eesti Päevaleht*, 10 октября 2005 года; *Eesti Päevaleht Online* <http://www.epl.ee/artikkel/302506> (Статья является сокращенной версией доклада, с которым Жан-Пьер Минодьер 8 октября 2005 г. выступал на проходившей в Таллинне международной исторической конференции «История и память». Полный текст этого и другого его докладов опубликован весной 2006 г. в журнале *Vikerkaar*).

Второй мировой войны, в котором практически не было ничего общего с советской версией, поскольку оно основывалось на воспоминаниях жертв коммунистического режима и эстонцев, воевавших в немецких мундирах. Именно эти воспоминания занимают самые длинные полки в книжных магазинах, полные раздражения и энтузиазма они жаждут торжества той правды, о которой приходилось молчать в течение 45 лет. Тот же воинствующий энтузиазм мы наблюдаем и в работах историков, например, Марта Лаара. Во Франции такого перелома в трактовке событий Второй мировой войны не наблюдалось. Единственная значительная перемена, которая произошла в 1970–1990-х годах, касается Холокоста. В последние десятилетия геноцид стал для французов главной темой, касающейся Второй мировой войны, и не только для французов – для всего западного мира. Это случилось, в основном, потому, что Запад шагнул из «эпохи героев» в «эпоху жертв». Наше поколение наиболее нетерпимо относится к страданиям невинных и беспомощных. Именно центральная роль Холокоста вызывает наибольшие разногласия между французами и эстонцами. По-видимому, эстонцы думают, что евреи действительно немало страдали в XX веке, но страдали также и эстонцы, просто они были жертвами геноцида с другой стороны, о чем на Западе часто забывают. Отсюда непонимание и раздражение, которое вызывает у эстонцев склонность Западной Европы обращать внимание практически только на геноцид евреев. Кажется, что интерес эстонцев к Холокосту достаточно маргинален. Эстонцы определяют себя как Kulturnation – это означает нацию, объединенную на основе языка. Таким образом, евреи для эстонцев другой народ, чья трагедия не задевает так сильно, как трагедия эстонцев. Этот образ мысли для французов является невозможным и шокирующим.

Предательство евреев: государственная измена

Француз – это не культурное, но политическое понятие. Француз не тот, кто говорит по-французски, а тот, кто является гражданином французского государства, вне зависимости от своего происхождения и языка. Предполагать, что французом является человек, который говорит по-французски, – это величайшая ошибка, которую может сделать эстонец: во Франции такой подход сочли бы по сути «фашистским». Французские евреи являются французами точно так же, как бретонцы, баски или иммигранты, получившие французский паспорт. В геноциде для французов самым ужасным является не то, что французы выдали нацистам беззащитных людей, чья единственная вина состояла в их существовании, а то, что это было предательство идеи равенства и братства. Предав других французов из-за их культуры и «расы», французы попрали идею французского народа как политического понятия и взяли на вооружение другие, расистские теории. Таким образом, геноцид является не далеким и маргинальным событием,

а драмой, глубоко затрагивающей самосознание французов. Выдача французских евреев немцам означала больше, чем измена французскому государству, это было предательство в отношении всей нашей истории и нашего самосознания. Те французы, которые пытались спасти евреев, спасали большее, нежели человеческие жизни, они спасали основы французской нации. Во время войны евреи были кровоточащим сердцем и душой французской нации: в известной степени, так это и по сей день.

Коммунизм и нацизм

Очень сильно различается и понимание французами и эстонцами того, кто был величайшим преступником XX века. Эстонцы уверены, что между коммунизмом и нацизмом можно поставить знак равенства, при этом эстонцы куда сильнее пострадали от коммунистов. Таким образом, современным воплощением зла для них является коммунизм. Воспоминания о преступлениях коммунизма для эстонцев ярки и свежи. Коммунизм ассоциируется со вторжением, чужеземной властью, диктатурой и тоталитаризмом, коммунист – это, прежде всего, предатель своего народа. Одним словом, коммунизм непростителен. Преступления нацистов – это, напротив, что-то абстрактное, воспоминания о них далеки и туманны, а то, что говорилось о них в советское время, считается частью официальной пропаганды, то есть, иными словами, официальной ложью. Многие эстонцы относятся к нацизму равнодушно, они говорят, что режим, пришедший ему на смену, был гораздо хуже. Многие даже благодарны немецкой армии за то, что она преградила путь Красной армии, возвращению советской власти и коммунизма. Так думает не только старшее поколение эстонцев, прошедшее через Сибирь, но и историки. В качестве примера можно привести точку зрения Лаури Вахтре, высказанную им в одной из передач Vikerkaadio «Эстонская история»: «В последнее время появилась целая плеяда молодых или старых умников, которые утверждают, что в 1944 году немецкий мундир был символом нацизма. Прежде никому бы и в голову не пришла подобная глупость, потому что нацистский символ был на немецком мундире, нацистский символ – это свастика и знак СС, а немецкий мундир – это просто немецкий мундир, его в то время носили миллионы, и не только немцев, и многие из этих людей не мечтали о Великой Германии, а воевали против коммунизма, как подавляющее большинство эстонцев, носивших немецкий мундир. Но теперь прошло время и мы вступили в Европейский союз, а среди европейских народов в течение полувека культивировалась мысль о тотально плохих немцах...». Во Франции эта речь, вероятно, привела бы автора на скамью подсудимых. Для большинства французов просто неприлично делать различия между немецким и нацистским мундиром. Особенно осуждаются попытки ставить под сомнение преступления нацистского режима, как это

делает Вахтре в своем последнем утверждении. Воспоминания о немецкой оккупации во Франции слишком свежи, потому что эта была последняя пережитая нами оккупация. Нацизму нет оправдания: нацисты не защищали Францию, они унижали, грабили и уничтожали ее. Французы, воевавшие в нацистском мундире, это фашисты, убийцы евреев и, кроме того, предатели, служившие чужой власти. Их предательство особенно непростительно, поскольку они называли себя французскими националистами, которые хотели заново отстроить французское государство, очистив его от «внутреннего врага». Слово «националист» во Франции и сегодня является ругательством, от которого и не пахнет патриотизмом, поскольку во время войны предателями были именно националисты.

В Европе много историй

Если в Эстонии коммунистическая партия была партией убийц, то во Франции она была скорее партией погибших. Большая часть участников Сопротивления была коммунистами, которые во время войны боролись за свободу и демократию и защищали народ от захватчиков. Для французов коммунист – не стремящийся к личной выгоде пособник чужой тоталитарной власти, но бедный пролетарий, отважный парень, который борется за права бедных, по воскресеньям продает на рынке газету *L'Humanité* и защищает Францию от «американского империализма». В годы холодной войны коммунисты стали настоящими носителями французского патриотизма, вытеснившими из этой ниши правых, поплатившихся за предательство Франции. И сегодня многие французы считают, что коммунисты – чудачки, но симпатичные и понятные чудачки. Поэтому сравнение коммунизма и нацизма коробит.

Можно ли как-то приблизить друг к другу два таких различных понимания истории? Я думаю, что до тех пор, пока живы те, кто был свидетелем трагедий XX века, не стоит надеяться, что две стороны конфликта с таким разным жизненным опытом смогут позволить разуму возобладать над чувствами. Но мы можем понять, что возможно много трактовок Второй мировой войны и воспоминаний о ней. В Европе много различных трактовок истории, и для того, чтобы вместе жить в Европейском союзе, нельзя принуждать других принимать нашу точку зрения или впадать в отчаяние от того, что они не думают так же, как мы – поскольку в каком-то смысле правы все.

7. Наше неизбежное противостояние*

Ян Каплинский

Ян Каплинский – писатель-эссеист, номинант Нобелевской премии по литературе.

У немцев есть длинное, но содержательно слово *Vergangenheitsbewältigung* – преодоление прошлого. В эстонском языке такого слова нет, как нет пока и его понимания. Наше отношение к прошлому, как и в других странах Восточной Европы, колеблется между двумя противоположными подходами. С одной стороны, мы носим в себе слепую ненависть к советскому времени и всему, что с ним связано, будь то коммунисты, комсомольцы или советское образование и медицина, и верим, что все плохое – это наследие «совка». С другой стороны, все чаще в нас пробивается ностальгия по «совку», она выражается в разных ретро-акциях или просто в воспоминаниях, где время, на которое у многих из нас пришлись юность, любовь, поиск своего места в жизни, самореализация, создание своего дома, представляется в более розовых тонах, чем было на самом деле. Память избирательна, плохое забывается быстрее, чем хорошее.

Столкновение этих двух отношений мы наблюдаем на примере событий последних лет. Например, когда речь идет о желании тех, кто когда-то служил в немецкой армии, добиться реабилитации после репрессий и даже статуса борца за свободу. Наиболее радикально эту точку зрения представляют те, для кого Советский Союз и Красная армия были воплощением зла, а Вермахт и Ваффен-СС защищали европейскую цивилизацию от азиатского варварства. Те, кто верит, что если бы Германия победила красную «империю зла», эстонцы, латыши и другие народы снова получили бы независимость.

Столкновение отношений

Естественно, что многие, и не только бывшие коммунисты, не могут согласиться с этим видением. Среди них и нижеподписавшийся, дом одного из дедушек которого разрушили бомбы красных летчиков, а дом второго дедушки уничтожили немцы вместе со всей Старой Варшавой. Мой дедушка погиб в Вятлаге, а одного моего именитого польского родственника немцы расстреляли во Львове вместе с двумя десятками других польских профессоров. Столкновения этих двух мировоззрений мы можем наблюдать и в других ситуациях. Взять хотя бы попытки одних убрать

* *Eesti Päevaleht*, 4 октября 2005; *Eesti Päevaleht Online* <http://www.epl.ee/artikkel/302068>

Бронзового солдата с Тынисмяги и установить памятник тем, кто воевал в немецкой армии (в одном варианте даже как борцам за свободу Эстонии и Европы), а других – усыпать Бронзового солдата цветами и называть захвативших Таллинн красноармейцев освободителями. В нашем сознании мир часто делится на своих и чужих, на правых и неправых. Это приводит к кровавому сведению счетов, как случилось в 1941 и в 1944 годах, когда тем, кто занимал сторону противника, приходилось страдать за свои, а часто и за чужие грехи. Если посмотреть с точки зрения эстонских деятелей культуры, то для них одна чужая власть и ее слуги были не намного лучше другой. В русских лагерях умерли Хейти Тальвик и Хуго Раудсепп, был убит Юри Парийыги. Немцы или Омакайтсе убили Андруса Йохана, Аркадио Лайго, Артура-Тыэлейда Клийманна.

Герои и палачи

В независимой Эстонии о злодеяниях красных говорится гораздо больше, чем о том, что творила другая сторона. Это понятно, если принять во внимание долгие годы, когда нам предлагали псевдоисторию. Но, тем не менее, этот подход является односторонним. Удобно выставлять себя героем и жертвой и забывать, что и из нашей среды выходили палачи и мучители. И они были не только на стороне красных, которые сегодня посажены на скамью подсудимых. Помимо организаторов депортаций и красных палачей были эстонцы, служившие в зондеркомандах, где расстрелы евреев, коммунистов и цыган, по воспоминаниям одного из участников, были именно работой эстонцев и латышей, за что они получали в собственность вещи убитых, в том числе их золотые зубы. К счастью, Эстония восстановила независимость под недремлющим оком Запада и должна была учитывать интересы и эмоции восточных соседей. Так что настоящего сведения счетов не произошло, но в обществе остались дух ненависти и жажда мести, которые периодически пробиваются наружу, что научились использовать некоторые политические силы. Будь то история с лихуласким памятником или с футболками «Коммуняк – в печь!» Последняя служит доказательством того, до чего, возможно, не додумались сами ее участники. А именно, что ситуация и настроения в Эстонии осенью 1980 и осенью 2005 годов были удивительно похожи. Что многие живут с чувством ущемленности, власть отдалась от народа, а люди чувствуют, что не в их силах что-либо изменить.

Сумеет ли мы справиться с историей?

Похожа и реакция на такие настроения. С одной стороны, это пассивность, резигнация. С другой – слепой гнев, которые может выплеснуться на футбольном матче, вылиться в спонтанную демонстрацию, в столкновение с полицией (в советское время – с милицией) и в молодежные драки. В таких

демонстрациях найдется место как для возбужденных идеалистов, так и для тех, для кого покричать лозунги и подраться с властями – способ самовыражения. Такие люди найдутся в любое время и в любом месте, и безразлично, кто им противостоит – городской, полиция или милиция. До тех пор, пока в Эстонии не сформировалось настоящее гражданское общество, пока наблюдается разительное социальное неравенство, пока многие не оправились от шока, вызванного большими переменами, – напряжение и противостояние никуда не денутся. Но их нельзя принимать как печальную неизбежность. О них нужно говорить, о них нужно писать. Как можно более объективно и честно. Наши историки с этим пока не справились. Ненормально, что о болевых точках новейшей истории Эстонии лучше пишут финны или немцы, а наши исследователи молчат. Молчат даже тогда, когда историю Эстонии и Европы там начинают объяснять люди, вроде Юри Лина и Тийта Мадиссона, когда у нас выходят и широко рекламируются произведения, отрицающие Холокост. Неспособность честно посмотреть в глаза своей истории характерна не только для Эстонии. Те же проблемы и у других народов с похожей судьбой: у литовцев, латышей, хорватов, у чехов, которые с одобрения союзников в 1945 году провели жестокую этническую чистку, выгоняя судетских немцев, многие из которых были убиты. На эту тему отважился написать только один чешский историк, которого обвинили в отсутствии патриотизма. Эта тема косвенно затрагивает и их. Было бы нормально, если бы кто-нибудь из чехов занялся вопросом, через что должны были пройти мобилизованные в немецкую армию эстонцы в чешском аду. Так же нормально, как и то, если бы эстонские историки написали о том, чем занимались эстонцы-члены зондеркоманд на просторах России. Пока этого не будет сделано, противостояние между теми, кто верит, что воевал в немецком мундире за свободу Эстонии и Европы, и теми, кто верит, что Красная армия в 1944 году освобождала Эстонию от немецких захватчиков, будет продолжаться. Одни будут носить цветы к памятнику в Лихула, другие – к Бронзовому солдату. Если мы не справимся со своей историей, история может расправиться с нами, осложнить настоящее и сломать будущее.

8. Международный кризис 1939 – 1941 гг.*

Александр Чубарьян

Александр Чубарьян – академик, директор Института всеобщей истории РАН.

Наши зарубежные коллеги очень часто недовольны и говорят нам: «а почему вы не можете все-таки добиться и найти в архивах документы, как обсуждалась история, связанная с советско-германским договором 39-го года и со всеми событиями, которые происходили после этого». Видимо, этих документов просто нет. Прогресс принятия решения имел свою специфику. После 25 августа и до начала сентября заседания Политбюро были почти каждый день. Очевидно, на одном из заседаний Политбюро после подписания пакта – где-то между 27 августа и 3-4 сентября 1939 года, проходивших как обычно в узком составе, обсуждались и меры, которые следует предпринять по реализации пакта Молотова-Риббентропа. Следует сказать, что в историографии существует достаточно обоснованная точка зрения о том, что в Советском Союзе шли к этому договору еще с марта 1939 года. Однако в такой форме и с такими приложениями договор был неожиданным «подарком» для советского руководства, полученным из Берлина. И поэтому нужно было выработать позицию, как действовать дальше, и это не могло быть предсказано ни в мае, ни в июне, ни даже в начале августа.

Вообще трудности с документами по этому вопросу существуют не только у нас. Как известно, французы уже давно закончили свои публикации дипломатических документов по данному периоду до 1 сентября 1939 г., и только сейчас вышли в свет документы периода с сентября 1939 до лета 1940 г. Есть публикации американского Государственного департамента, но это чисто официальные документы, а материалов о том, как это обсуждалось у президента, тоже нет.

Сейчас сложилась такая ситуация в историографии, когда у нас имеются весьма разные точки зрения. Я бы не сказал, что они идут по линии: Россия и остальной мир. Нет – это гораздо более сложная ситуация. Есть точки зрения, по которым наши позиции близки ко многим нашим коллегам в Западной Европе. Есть позиция, по которой мы расходимся. Но в целом можно говорить, что и позиции отечественных историков часто достаточно различны.

* А. О. Чубарьян. *Международный кризис 1939 – 1941 гг.: концептуальные подходы, проблемы интерпретации.* – *Международный кризис 1939 – 1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением фонда им. Конрада Аденауэра.* Москва, 2006. С. 11–22.

Постоянно издаются новые научные труды и публикации документов, проводятся десятки конференций. Причем складывается впечатление, что не спадает острота в восприятии этого периода истории, иногда расхождение точек зрения становится даже более очевидным. Видимо, причины этого лежат не столько в научной, сколько в общественно-политической области. В связи с 60-летием победы над фашизмом споры вокруг событий 1939 – 1941 гг. затронули и политическую сферу, стали предметом дискуссий и противостояния между различными общественными и партийными кругами и даже вышли на международный уровень.

Тем более важным и актуальным становится проведение конференций, подобных нашей, в том числе и для того, чтобы перевести остроту дискуссии в область чисто исторической науки, освободив политику от давления исторических стереотипов.

Одна точка зрения состоит в том, что пакт и секретные протоколы к нему, родившиеся в августе 1939 г., сыграли крайне отрицательную роль, не имевшую прецедента в истории. Следствием их явилось присоединение, включение (наши коллеги в странах Балтии предпочитают говорить об оккупации) прибалтийских стран в состав Советского Союза и других территорий в Восточной Европе и части Финляндии. Сторонники этой точки зрения отмечают противоправные действия участников договора, говорят об имперских настроениях Сталина, подтверждая тем самым, что в официальных документах и в выступлениях Сталина и Молотова этот процесс назывался «расширением зоны социализма».

Другая точка зрения состоит в том, что этот пакт был подписан в условиях, когда всем было ясно, что Германия готовит Вторую мировую войну и уже решила вопрос о нападении на Польшу. Считается, что Советский Союз, подписывая договор с Германией, имел в виду прежде всего соображения, связанные со своей безопасностью в условиях надвигающейся войны и реализацией на практике известного «марксистско-ленинского положения» об использовании «межимпериалистических противоречий» в интересах социализма. Главным результатом пакта стало то, что началась война между Англией, Францией, с одной стороны, и Германией – с другой. Советский Союз таким образом остался в стороне, официально объявив свой нейтралитет. В связи с этим делается вывод, что в сложившейся геополитической ситуации начало кризиса было положено не в августе 1939 года, а в сентябре 1938 года, когда Англия и Франция подписали в Мюнхене соглашение с Гитлером, отдав ему часть Чехословакии. Именно это и явилось одной из главных предпосылок договора 1939 года и его секретных приложений.

Следующая точка зрения, которая в историографии является некоей промежуточной, заключается в признании обоих факторов, которые затрагивают то, что стало главной темой нашего совместного проекта с американцами по «холодной войне» – взаимодействие и в Москве, и на Западе –

«идеологии и Realpolitik», и этот дуализм, это столкновение идеологии и реальных практических интересов многие считают центральной проблемой и в период 1939 – 1941 годов.

В мировой историографии существуют различные точки зрения и оценки событий 1939 – 1941 гг. Их анализ стал предметом специального интереса и на нашей нынешней встрече. В этой связи хотелось обратить внимание лишь на утверждение одного из докладчиков о том, что советско-германский пакт о ненападении «послужил своего рода запальным механизмом для развязывания Второй мировой войны». Но в том же докладе отмечается, что летом 1939 г. Германия «уже приняла решение урегулировать польский вопрос военными средствами». Из многочисленных документов известно, что в момент подписания пакта в Москве Гитлером уже не только было принято решение о нападении, но был намечен и день германской агрессии.

Представляется спорным утверждение того же докладчика, что договор от 23 августа «не имеет аналогов в истории Европы XIX и XX столетий». Отнюдь не оправдывая договор 1939 г., следует, конечно, сказать, что в истории и XIX, и XX веков было немало договоров, попиравших нормы международного права и открывавших путь к войнам и захватам.

На основании изучения архивов практически большинства основных участников тех события и многочисленной литературы можно было бы предложить некую конструкцию, которая, как нам кажется, подводит некоторый итог проделанной работы и позволяет определить перспективу дальнейших исследований. Подход к анализу событий того времени должен исходить из того, что главный вопрос сегодня – это не столько поиск новых документов, а проблемы интерпретации уже имеющихся в распоряжении исследователей событий и фактов, отраженных во множестве рассекреченных документов.

При таком подходе и такой задаче исследователей события 1939 – 1941 гг. следует поставить в тот же исторический контекст, в ту же систему координат, которая существует при изучении других многочисленных исторических периодов и событий. Это, конечно, не означает, что к событиям надо подходить с той же методологией и методикой, как при изучении, скажем, религиозных войн XVII века в Европе. Но в принципе общий методологический подход может быть схожим. Он должен предполагать использование неких общих принципов при изучении этого совершенно особого исторического периода и феномена.

С самого начала отметим, что сейчас наша историография исповедует многофакторный метод. Мы отказались от одностороннего видения истории, мы уже отошли от идеи объяснения исторического явления каким-то одним фактором – это видно и на подходах к нашей собственной истории. Мы, например, ушли от деления во время гражданской войны 1917 – 1920 гг. общества на своих и чужих, понимая, что и у тех, и у других были свои

доводы и, если угодно, своя правда. И вот этот многофакторный подход, мне кажется, должен стать основным и при подходе к периоду кануна и хода истории Второй мировой войны.

История показывает, что сделать это бывает довольно сложно, учитывая и то, что анализ событий того времени отягощается многочисленными политическими и идеологическими влияниями. Но у историков уже накоплен опыт: речь идет об упомянутом проекте с историками США в изучении истории «холодной войны». От идеи «кто виноват», от идеи взаимных обвинений мы перешли к синтетическому комплексному изучению, обращаясь и к идеологии, и к проблемам безопасности, останавливались и на вопросах права, этики и морали, осуждая всякие проявления нарушения прав государств, народов и человека, неоднозначно оценивая лидеров, общественных деятелей и дипломатов и т.д., и в своей совокупности все это, я думаю, уже позволило нам дать более объективную картину событий того времени.

Мне кажется, что этот метод стоит применить и при изучении действий Советского Союза и всех других актеров той страшной драмы: Германии и англо-французского блока, и малых стран Европы, которые оказались в эпицентре столкновения больших держав. Представляется, что подход к анализу исторических событий должен затрагивать не только вопросы политики, права, этики, морали, но и проблемы экономики и роль внутренних факторов. В комплекс проблем входит и соотношение партийной внутриполитической борьбы во всех странах – участницах событий, в том числе и предшествующего периода, ибо влияние исторического опыта очень важно. Если он существенен для Советского Союза, то он столь же важен и для Соединенных Штатов Америки, а также для Латвии и Польши. Исторический подход схожий, он разнится самым содержанием, но то, что он существует, – это совершенно очевидно.

Наконец, есть такая тема, которая сейчас также в центре внимания мировой историографии. Речь идет о так называемой истории повседневности, истории жизни простых людей в тот период – как они воспринимали происходящее, как они жили, каковы были их настроения, которые следует учитывать, и которые были очень разными.

Важно уйти от односторонности. Думается, историк должен в чем-то быть и прокурором и адвокатом – в том смысле, что он должен искать и «pro» и «contra». Он должен находить, искать в истории объяснения, что были такие-то события, но были и другие возможности и варианты.

Сейчас много говорят, что история не терпит сослагательного наклонения. Естественно, что события и факты были такими, как есть, но историку столь же важно представить, какие могли бы существовать альтернативные решения, и были ли возможности истории пойти по другому пути, я бы назвал это «сослагательным наклонением в интерпретации событий».

Все это также следовало бы применить и к периоду 1939 – 1941 годов.

Возвращаясь к событиям тех драматических лет и говоря о Советском Союзе, следует подчеркнуть, что в политике Советского Союза были разные периоды, менялись точки зрения, стратегические и тактические цели. Нет никаких сомнений, что в начале сентября 1939 г. в Москве обсуждался вопрос, как реализовать на практике протоколы к пакту Молотова-Риббентропа и как осуществить включение в орбиту СССР территорий, отошедших к «сфере интересов» Советского Союза.

Я думаю, мы не погрешим против истины, если отвлечемся от общих политических оценок и скажем, что в сентябре (по крайней мере, до конца сентября) – Москва вела свою игру достаточно «аккуратно». Был официально объявлен нейтралитет; в Польшу Красная армия вступила только после того (буквально день в день), как германские войска подошли к Варшаве.

Лондону и Парижу, а я видел все эти документы, максимально ясно дали понять, что мы идем в восточную часть Польши, чтобы создать барьер против Германии, и это, как известно, даже вызвало недовольство Риббентропа в Берлине. Ситуация существенно изменилась в конце сентября 1939 г., когда был подписан известный договор о дружбе и границе с Германией, была прекращена всякая критика национал-социализма и фашизма, зато острие критики было обращено на Англию и Францию и т.п.

В этой ситуации было явно нарушено «взаимодействие идеологии и прагматической политики». И то, и другое было подчинено одной цели – сотрудничеству с Германией без ограничений и, главное, без противовесов.

Идея мировой революции в то время трансформировалась в то, что Молотов называл «зоной расширения социализма». Сталин не часто употреблял этот термин. Думается, в этот момент, помимо идеи расширения «зоны социализма», его занимали и реальные соображения безопасности, поскольку война уже началась, а также желание вернуть СССР бывшие российские территории, что и определяло политику Кремля после подписания известных секретных протоколов.

Вообще судьба территорий в Восточной Европе интересовала Сталина на протяжении длительного времени. Вспомним, как на переговорах с Англией и Францией летом 1939 г. Москва больше всего настаивала на праве пропуска советских войск через Польшу и Румынию и гарантии в Прибалтике. А тут довольно неожиданно Гитлер вообще отдал значительную часть этой зоны в сферу влияния СССР.

Существует расхожая точка зрения о большом личном союзе – между Сталиным и Гитлером, – но сначала следует сказать, что, по нашим ощущениям и по документам, напряженность между Советским Союзом и Германией, между Москвой и Берлином существовала даже в самые пики эйфории их отношений, и эта напряженность нарастала буквально с конца 1939 г. Ошибка Сталина, его просчет состояли в том, что он делал вид, что не обращает на это внимания. Однако соображения о том, что в будущем возможен конфликт с Германией, не уходили из Кремля.

Но повторяем, если говорить о главном просчете Сталина, то он состоял в том, что советский лидер стал неким заложником ситуации, а точнее, заложником политики Германии. Можно представить себе, что в той же ситуации была возможность сохранять более тесные контакты с Англией и Францией, тем более что Гитлер формально не требовал их разрыва. В конце концов, можно было даже пренебречь его возможным неудовольствием. И тогда это было бы внушительным средством нажима на Берлин. Следовало бы также не переводить коммунистическое движение на «профашистские рельсы», т.е. не отказываться от антифашистской пропаганды, и использовать ее также как средство нажима на Гитлера. Можно было бы жестче реагировать на все нарушения, которые Германия делала в экономической и прочих областях, особенно с конца 1940-х гг. А произошло то, что Москва сковывала себе руки, не имея почти никаких средств давления на Гитлера и возможности что-то противопоставить ему.

В этом смысле весьма показателен визит В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. В нашей исторической литературе активно обсуждается вопрос, каково было в реальности отношение Москвы к предлагаемому Гитлером присоединению к Тройственному пакту. Но в этом плане весьма примечательно то, с чем вообще Молотов ехал в Берлин. Можно констатировать отсутствие серьезных и стратегических, и тактических инициатив в действиях сталинского руководства в тот момент.

Единственное, о чем Молотов говорил во все дни пребывания в Берлине, состояло в желании СССР завершить дело с Финляндией и получить военную базу в Болгарии. С августа 1939 г. Сталин во многом мыслил категориями раздела Европы и мира на сферы влияния и возможного получения военных баз.

В условиях резкого обострения международной обстановки, явного усиления напряженности в отношениях с Германией и продвижения Гитлера на Балканы у Сталина не оказалось каких-либо новых возможностей противодействия растущей агрессивности Германии.

Изменение ситуации произошло в конце 1940 года. У нас нет официальных документов, но благодаря исследованиям историка В. А. Невежина мы теперь знаем, что в самом конце 1940-го или начале 1941 г. в Москве было принято решение о «смене вех» в пропаганде в отношении Германии. Очевидно (и это подтверждается многими косвенными данными), что на рубеже 1940 – 1941 гг. было принято более общее решение начать подготовку к войне с Германией. И начали с пропаганды. В то же время, если рассмотреть заседания Политбюро ЦК ВКП(б) конца 1940 г. и первой половины 1941 г., то видно, что речь шла о новых видах вооружений и о смене командного состава. Я думаю, что и в политическом плане Москва уже не могла «спокойно» смотреть на развитие событий. Германия полностью вытесняла СССР с Балкан, резко отвергая все просьбы, претензии и недовольство Сталина.

И, наконец, говоря о Советском Союзе, хотелось бы сказать еще об одном. Как известно, Сталин получал много предупреждений о готовящемся нападении. Существует точка зрения, что с его стороны было их игнорирование, что в этом проявлялось его упрямство и т.п. Следует иметь в виду и личный момент: Сталин не хотел признаться даже самому себе в том, правильно ли он действовал в предыдущее время. Он не мог представить себе, как разыграются события, если вдруг произойдет конфликт с Германией, которого он так боялся. Но есть и другое объяснение. Это не было простое игнорирование поступающей информации или ее недооценка. Советский лидер просто уже ничего не мог изменить. Решений могло быть только два. Либо срочно наращивать вооружения, что он и делал, – но программа была рассчитана до 1942 г.; либо начать то, что Суворов описал в своих книгах как курс превентивной войны и подготовки нападения на Германию (Суворов даже называл дату – 6 июля 1941 г.). Однако ни один документ не подтверждает, что эта точка зрения всерьез рассматривалась в Кремле. Оставалось только одно, что, видимо, и было принято на совещании в конце 1940 – начале 1941 гг.: оттягивать конфликт, насколько это было возможно. И именно это решение преобладало.

Если обратиться к Германии, то у нее была ясно очерченная позиция. Гитлер считал, что он обманул Сталина и обманул всех. Он избежал войны на два фронта. Ключевым моментом и для Москвы, и для Берлина был молниеносный разгром Франции. В течение нескольких дней изменилось отношение Сталина и к Прибалтике, укрепившее решимость советского лидера начать действовать немедленно. Позиция Гитлера была совершенно очевидна. Он довольно умело втягивал СССР во всякие переговоры, одновременно вытесняя Советский Союз отовсюду, где было возможно. Самой жесткой линией было вытеснение СССР с Балкан. И еще один момент, который нам следует иметь в виду, заключался в попытке Гитлера направить внимание СССР на Центральную Азию и столкнуть его с Англией в этом районе. Существуют интересные документы английской разведки и схожие документы в Москве о том, что все участники тех событий знали о том, что происходит, они знали о беседах, где Гитлер убеждал советских представителей идти в Афганистан. Все знали, что Москва отреагировала отрицательно, и Лондону специально дали понять, что именно Гитлер предлагал советскому руководству, и что оно отказалось принять его предложения по акциям в Афганистане.

В подходе к Англии и Франции также следует реально видеть цели и методы их политики. Накануне визита Молотова в Берлин, как известно, Черчилль послал Сталину предложение о подписании возможного секретного соглашения между Великобританией и СССР. Но если прочитать внимательно проект этого соглашения и комментарии внутри английского истеблишмента, то все это производит странное впечатление. Англия, которая в общем выстояла, но все-таки оказалась перед угрозой вторжения, – ничего

не предлагала Сталину. Черчилль выдвигал идею тайного соглашения. Сталину он говорил: «Все равно у вас будет война с Германией». Черчилль давал всяческие обещания, что никакой утечки информации не будет, это будет только соглашение между странами. И что же предлагалось взамен? По словам Черчилля, после войны Англия благожелательно рассмотрела бы вопрос о признании де-факто включения прибалтийских стран в состав Советского Союза. Это говорилось Сталину в тот момент, когда эти республики уже были частью Советского Союза. И это было явным знаком того, что Англия реально ничего не обещает. И эти факты тоже нужно учитывать. Англия с ее опытной дипломатией главной целью видела войну против Гитлера, но не хотела пускать Советский Союз на Балканы. Определенную роль играл и турецкий фактор.

Мало изучена позиция Италии. Представляется, что это был существенный фактор, особенно в применении к Балканам.

Наконец, следует сказать о странах, которые оказались в тисках между великими державами. Я думаю, что не так уж много историков в России, пытающихся сегодня оправдывать действия Сталина по реализации пакта Молотова-Риббентропа, в том числе в отношении Прибалтики. Следует подчеркнуть, что было решение Съезда народных депутатов 1989 года с резкими оценками протокола и договора. И это решение существует, его никто не отменял. Если считать, что Россия – правопреемник всего того, что было при Сталине, то уж, во всяком случае, Россия также правопреемник и того, что произошло и было заявлено в 1989 году. Оценки эти есть.

Следует говорить и о необходимости учета внутренних факторов в развитии событий в странах Балтии. Кстати, ряд последних публикаций в странах Балтии показывает, что историки этих стран стали уделять больше внимания данному вопросу. В этих странах было серьезное недовольство социально-экономической ситуацией, на основании чего существовали левые настроения, и они использовались в Москве. В общей палитре событий, в общей схеме многофакторного подхода мы должны учесть и эти соображения.

Следует также иметь в виду, что для определенных кругов в Прибалтике существовала дилемма – выбор между Германией и СССР, и некоторые, особенно в лагере «левых» сил, отдавали предпочтение Советскому Союзу.

Но мы должны видеть и существующие в некоторых кругах российской общественности настроения, оправдывающие действия Сталина в тот период, в том числе и в отношении Прибалтики, преувеличивая роль выборов летом 1940 г., которые происходили в странах Балтии под контролем советских войск и политических советников. Народы балтийских стран испытали последствия тех проявлений сталинизма, которые были характерны для СССР в целом.

Необходимо также иметь в виду трагическую судьбу Польши. Весьма интересный сюжет – проблема отношений Советского Союза с эмигрантским

польским правительством в Лондоне. Этот вопрос хорошо изучен в Польше, но почти совсем не изучен в России. В целом следовало бы обратить большее внимание российских историков на деятельность различных эмигрантских правительств (и Польши, и стран Балтии).

Существуют весьма интересные сюжеты, связанные с личностными факторами. Уходит время, и мы можем более беспристрастно оценивать события. Это не значит, что нужно оправдывать поступки многих деятелей, но понять их логику возможно и необходимо.

Очень важно изучать роль, характер личностей, которые действовали в то время. Недавно вышла книга российского историка «Сталин и Черчилль». Черчилль – одна из самых крупных фигур XX века, и вся сложная история отношений Черчилля и Сталина используется и теми, кто хочет отметить, что Черчилль хорошо понимал Сталина, и одновременно теми, кто имеет другие позиции. Первые приводят цитаты Черчилля, где он говорит о Сталине в самых высокопарных выражениях, а вторые говорят, что это был такой антисоветчик, которого трудно себе представить. Поэтому очень интересно анализировать все, что касается личности Черчилля, его метода принятия решений и т.п., как и других деятелей того периода.

В поле нашего зрения должны быть также такие личности, как де Голль и руководители вишистского режима во Франции, деятели нацистской верхушки и т.д.

В настоящее время в российской историографии при изучении истории XIX – XX вв. особое внимание уделяется взаимоотношениям между «простыми» людьми, т. е. всему тому, чего была лишена наша история в прошлом.

Наконец, речь должна идти и об истории повседневности, изучении обыденной жизни людей в СССР и в других странах, их отношения к войне, их быта, нравов и системы поведения.

Европейская драма 1939 – 1941 гг. продолжает привлекать внимание историков, политиков и общественных деятелей, дипломатов и журналистов.

Историческая память составляет важнейший элемент общественного развития; эта память всегда несет в себе значительный комплекс избирательности, разных трактовок и интерпретаций реальных фактов и событий.

И в этой нормальной историографической ситуации очень важно максимально освободить оценки исторических событий от влияния политической конъюнктуры и современных политических интересов.

Следует стремиться к тому, чтобы события далекого и не столь отдаленного прошлого не противопоставляли людей друг другу, а содействовали утверждению отношений добрососедства, уважения и терпимости между людьми, странами и народами.

9. Историк: у советского проекта в Прибалтике будущего не было*

Елена Зубкова

Российское издательство РОССПЭН («Российская Политическая Энциклопедия») приступило к изданию серии исторических монографий под названием «История сталинизма». Одной из первых книг в этой серии стал труд доктора исторических наук, профессора РГГУ Елены Зубковой «Прибалтика и Кремль». В своей книге Елена Зубкова подробно рассматривает процесс вхождения трех балтийских стран в состав СССР и последующую их «советизацию». При этом автор утверждает, что книга отражает даже не столько сам процесс приведения новых республик к единому советскому знаменателю, сколько взгляд на эту проблему из Москвы, из Кремля. О не самых простых моментах в совместной истории наших двух стран Елена Зубкова рассказала на портале DELFI.

Елена Юрьевна, появление вашей книги может восприниматься как некий конъюнктурный или маркетинговый ход, ведь вопросы истории сейчас становятся в российско-эстонских отношениях вопросами актуальной политики. А как вообще у вас родилась идея такой книги?

Я, в общем-то, пала жертвой профессионального любопытства. Я очень много работаю в архивах, и вот однажды, лет десять назад, когда я работала в РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории, бывший Центральный партийный архив – *Ред.*), я увидела, что есть документы специальных Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, Литве и Эстонии. И мне стало просто интересно – я никогда не знала, что были такие специальные органы. И тогда же у меня возник вопрос: а почему это больше никому не интересно, кроме меня? В архив в то время приходило много людей, работали там исследователи и из всех трех прибалтийских стран, но их в первую очередь интересовала тема депортаций. И до сих пор, несмотря на все эти эмоционально-политические бури, практически никто в России всерьез историей Эстонии, Латвии и Литвы не занимается.

Что касается меня, то вначале это было просто любопытство, затем мне стало по-настоящему интересно, потом я решила заняться этим всерьез. Причем тогда я не представляла себе ни объема работы, ни масштаба задачи – я даже не могла предположить, что это отнимет у меня так много

* DELFI 5 февраля 2008

<http://www.delfi.ee/archive/article.php?id=18160921&categoryID=9738762&date=1202680800>

времени. И вот когда я уже была на середине пути, возникла вся эта скандальная история (с переносом памятника – *Ред.*). А для историка это очень плохо – когда политика начинает вторгаться в ту область, которой он занимается. Я знаю, что мою книжку будут рассматривать, в первую очередь, именно под этим углом, хотя мне бы этого не хотелось.

Вообще же, моя позиция определяется так: когда я выступала на конференции в Германии с докладом на тему о советизации Прибалтики, один из слушателей, пожилой немец, встал и спросил: «Очень интересный доклад, я все понял, не понял только одного – вы за кого?» Этот вопрос и определяет мою позицию: историк не имеет права становиться на ту или на другую сторону. Если это удастся, то можно считать, что профессиональная задача выполнена.

И как же происходил процесс вхождения стран Балтии в состав СССР с юридической точки зрения?

Во всех этих «боях за историю», которые ведутся на политическом уровне, ни одна из сторон – ни российская, ни эстонская – не взяли на себя труд просто сесть за стол и, для начала, хотя бы договориться о понятиях, о терминах. О том, что имеется в виду, когда говорится о легитимности вхождения, об оккупации, об аннексии и т.д. И ситуация тупиковая – исключительно из-за того, что каждая сторона считает для себя вопрос решенным.

Теперь давайте смотреть, что у нас есть. За последние десять лет опубликовано несколько томов документов, т.е. документальная база у нас есть. В Эстонии вышла, в первую очередь, «Белая книга», в России было множество достойных публикаций, например, сборник «Полпреды сообщают...» на основании документов МИДа. Там весь процесс 1940 года буквально на ладони. И когда читаешь эти документы, то, конечно, советская концепция о «добровольном вхождении» Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР не выдерживает абсолютно никакой критики. И конечно, весь процесс вхождения той же Эстонии в состав СССР – это был акт нелегитимный, несмотря на то, что были подписаны все соответствующие бумаги, это, безусловно, была аннексия. Существует определение аннексии в международном праве – это присоединение одного государства другим без согласия этого государства. Как было получено согласие Эстонии, какой силовой нажим использовался – это абсолютно понятно.

А насколько серьезной была эта военная угроза? Действительно ли СССР был готов начать военные действия против Эстонии в случае неподписания договора о базах? Или Эстония испугалась угрозы, которая могла остаться и нереализованной?

Эта точка зрения была и остается распространенной – как сейчас, так и раньше. Сводится она к тому, что СССР использовал свои вооруженные

силы как фактор запугивания, но при этом не собирался в действительности начинать боевые действия против Эстонии. Но российский историк Михаил Мельтюхов нашел в российских же архивах убедительные документы, которые доказывают, что военное давление сопровождало весь переговорный процесс. Военные приготовления на границе были совершенно реальными, у Генштаба к моменту подписания договора был план боевых действий на территории Эстонии – и это уже не блеф. Факт военного давления был абсолютно реальным.

Эстонию на момент вхождения в состав СССР вряд ли можно было назвать демократической страной. Фигура Константина Пятса также в последнее время в Эстонии воспринимается неоднозначно, тому доказательством вышедшая в прошлом году книга эстонского историка Магнуса Ильмъярва «Безмолвное подчинение». Какую роль в исследуемых вами процессах играл тот факт, что Эстония была государством достаточно авторитарным, хоть и не тоталитарным, как СССР?

Вопрос о том, в какой степени режим Пятса можно рассматривать в качестве фактора, способствовавшего советизации, очень большой, и он требует очень аккуратных оценок. Что касается авторитарных режимов, то их существование являлось в то время общеевропейской тенденцией, и режим Пятса не был тут исключением. С другой стороны очевидно, что такого рода режимы действительно создают и политические, и экономические, и социальные предпосылки для дальнейшего продвижения в этом «авторитарном» направлении, уже к более жесткой модели, какой и был советский режим.

Но первым мысль о том, что авторитарные режимы в странах Балтии создали предпосылки для дальнейшей советизации, высказал даже не Ильмъярв, а немецкий историк Эрвин Оберлендер, сформулировавший это еще в начале 90-х годов. При этом он имел в виду такие моменты, как отсутствие многопартийной системы, огосударствление экономики, жесткую цензуру (последнее для Эстонии особенно характерно, ведь не зря время правления Пятса называли «эрой молчания»). В том же ряду стоит и насаждение националистической идеологии, и эстонизация всего и вся, и очень жесткая политика, проводимая в отношении университетов. Так что определенные предпосылки были созданы.

Кроме того, Ильмъярв писал немножко о другом, ведь причиной скандала в 1999 году, когда стали появляться его первые публикации на эту тему, было то, что он доказывал, что Пятс был советский «агент влияния». Первое издание «Безмолвного подчинения» вышло как диссертация в Стокгольме, на английском языке. И, откровенно говоря, у меня были сомнения, что эта книга появится в Эстонии, но когда я узнала, что книга не только появилась в Эстонии, но автор получил премию – я думаю, что этому обстоятельству можно только порадоваться, это говорит о том, что эстонская национальная историческая наука преодолевает «болезнь роста»,

когда историки волей-неволей были втянуты во все эти политические дебаты и в политику как таковую. Оказывается, возможны разные точки зрения, и остается сожалеть, что у нас такого рода исследования истории советизации Прибалтики пока очень-очень редки.

Ну, один эстонский историк является активным участником политической жизни – это Март Лаар. Он, кстати, в своих работах уделяет немалое место теме репрессий. Российская сторона официально с ним в полемику не вступает, хотя молодой российский историк Александр Дюков выпустил недавно книгу «Миф о геноциде», в которой оспаривает как сами цифры, приводимые в трудах Лаара, так и вывод о геноциде эстонцев... Что касается масштабов репрессий, то тут надо еще считать и считать. У нас есть, в основном, статистика обобщающая. Причем статистики НКВД и НКГБ(МГБ) зачастую противоречат друг другу, хотя сам порядок цифр уже определен.

Что касается термина «геноцид», то он сейчас очень популярен, Украина также выдвигает России претензии по поводу геноцида-голодомора собственного населения. Но с такого рода определениями следует обращаться очень осторожно. Все-таки логика режима, логика действий по советизации Прибалтики была другая. Цель репрессий заключалась в том, чтобы сделать регион политически лояльным. Поэтому изымались те социальные группы, которые воспринимались как фактор, угрожающий устойчивости режима.

Точно такие же акции проводились в 20-е годы в самой России, тут даже ничего не надо было выдумывать – сравните списки тех, кто подлежал депортации в 1941 году из Эстонии и списки репрессированных в 20-е годы в России. Там те же самые «бывшие», чины полиции, священнослужители – все те же самые категории населения. Т.е., все эти репрессии проводились по политическому и социальному признаку.

Вот если вы докажете с документами в руках, что Сталин собирался истребить эстонцев как нацию, или, допустим, протестантских священников за их принадлежность к определенной конфессии – вот тогда это геноцид. Но таких документов нет, и вряд ли они когда-либо обнаружатся – просто по той причине, что Сталин не за этим пришел в Прибалтику. Он восстанавливал империю. Поэтому он не воспринимал Эстонию как некое инородное тело. Это очень важно. И аннексия прибалтийских государств была просто частью этой политики.

Вообще, восстановление империи – это безумно дорогой проект, причем в любом плане – в экономическом, в моральном, в техническом. Нелишне, чтобы об этом иногда вспоминали современные российские поклонники возрождения империи – ведь за сталинские имперские амбиции заплатить пришлось не только эстонцам, но и тем же самым русским, и вообще всем. Это был очень дорогостоящий и неэффективный проект, особенно если его рассматривать как одну из «великих строек» Сталина.

Возвращаясь к репрессиям – если за послевоенный период репрессировано около 68 000 человек при населении, не достигавшем миллиона, то для маленькой страны это, конечно, колоссальная травма. Тут нельзя говорить только о цифрах, надо смотреть на суть этого процесса. И эта травма зафиксировалась в исторической памяти и до сих пор дает о себе знать.

Между тем, в России Сталин признан наиболее успешным руководителем страны в XX веке. Вы с этим согласны?

Журналисты в России справедливо говорят, что когда читаешь «Книгу для учителя истории» под редакцией Александра Филиппова, то возникает ощущение о Сталине как об эффективном менеджере. Да и многие российские историки считают, что присоединение Прибалтики было продиктовано государственными интересами, интересами безопасности – в Европе уже шла война. И с этими аргументами можно соглашаться, но ведь при этом даже не всплывает вопрос о позиции другой стороны, о позиции Эстонии и эстонцев. Это и есть пример современного мышления, отягощенного имперским сознанием. Конечно, Советский Союз решал свою задачу, но то, за чей счет он ее решал – это остается за скобками или воспринимается как само собой разумеющееся.

Так была ли необходима аннексия стран Балтии для решения задачи обеспечения безопасности? Была ли возможность ограничиться просто Договором о базах?

Сам по себе ультиматум 1940 года, который и привел к поглощению прибалтийских стран, был во многом продиктован ситуацией на европейском театре военных действий, стремительно меняющейся в пользу Германии. Все документы свидетельствуют о том, что решения принимались тогда очень быстро, чуть ли не в порядке рефлекса. Договор о базах 1939 года больше не устраивал Сталина. И вот почему. Уже в самом начале с его выполнением возникли большие проблемы – причем по вине обеих сторон. Эстонские власти допустили части Красной армии на территорию своей страны, но потом начался многомесячный процесс согласования условий аренды, проживания, продовольственного обеспечения и т.д. Вся эта история буквально соткана из конфликтов. И Договор во многом оказался невыполненным. Поскольку ситуация на европейском театре военных действий торопила Сталина, он решил, видимо, не договариваться, а просто разорвать этот узел.

И кто же виноват в этом невыполнении положений Договора о базах?

На самом деле, затягивание выполнения Договора было заложено уже в тексте Договора, поскольку составлен он был в самых общих выражениях. Как, допустим, толковать выражение «аренда баз по сходной цене»?

Ведь Договор возник во многом спонтанно. Карл Селтер приехал в Москву подписывать торговый договор, но пока проходило согласование, советские войска вошли в Польшу. И возникает идея – а зачем нам торговый договор, когда можно подписать договор о военных базах? И Договор о базах разрабатывается очень быстро, с точки зрения проработки это очень «сырой» документ. Здесь дипломаты не доработали, да и круг людей, которые с советской стороны были причастны к заключению Договора, был крайне узок – это, в основном, Сталин и Молотов. Тот же постпред СССР в Эстонии Никитин вообще не знал о происходящем.

А какова была степень поддержки новой власти в Эстонии – что об этом говорят те документы, с которыми вы работали?

В Эстонии были свои левые традиции, даже была своя коммунистическая партия, правда, ее костяк – почти 200 человек – просидел в Ревельской тюрьме 14 лет, откуда в 1938 году их всех выпустили по амнистии. Это была очень необычная компартия – по сути единственная, находившаяся в силу обстоятельств вне сферы влияния Коминтерна, т.е. Москвы. Они сидели в тюрьме, выпускали там свою газету, вели какие-то диспуты – вот так и сформировалась новая политическая элита.

Эстонская политическая элита первого советского призыва – феномен во всех отношениях примечательный, жаль, что в Эстонии ее представители, по большому счету, мало кому интересны. А ведь те же Хендрик Аллик, Арнольд Веймер, Ханс Круус – это все очень яркие личности. Они же пошли служить советской власти не за деньги, у этих людей была очень четкая идейная мотивировка. Эти люди встали во главе эстонской компартии после войны и во многом стали жертвами чистки 1950 года, т.н. эстонского дела. Но их было мало, по оценке экспертов, вряд ли число коммунистов превышало в Эстонии 1000 человек.

Но тот факт, что они не имели контактов с Коминтерном, а значит с Москвой, привел к тому, что в Эстонии не было людей, которым Москва могла бы безусловно доверять, их там просто не знали. И они заняли свои посты только потому, что других не было. Если посмотреть записи Жданова, которого командировали в Эстонию, чтобы составить новое правительство, то там все время крутятся одни и те же фамилии: Круус, Андре-зен, Семпер, еще несколько человек – и все. И даже этих не хватало, тот же Круус был министром иностранных дел и одновременно президентом Академии Наук Эстонии.

При этом нельзя забывать о том, что вообще все это левое движение было достаточно сильно национально ориентированным. В современной Эстонии им всем приклеили один общий ярлык коллаборационистов – а для меня это большой вопрос. Ведь это были люди, принадлежавшие к тому течению, заявившему о себе в Восточной Европе после войны, которое получило название «национал-коммунизм». И я думаю, что эстонские

коммунисты т.н. сталинской генерации в наибольшей степени подпадают под это определение.

Кроме того, это были люди иной политической культуры, которые к тому же внимательно читали советские законы и действовали абсолютно в русле этих законов. И тот же министр финансов СССР Зверев доходил до белого каления, когда в ответ на его директивы ему приходили ответы из Латвии или Эстонии, что данный вопрос находится в компетенции республиканского правительства. Т. е. вдруг появилась какая-то национальная элита, которая стала читать советские законы и действовать в правовом поле. В Советском Союзе не было такого понятия как «правовое поле» – действовали личные контакты, личные договоренности, негласное право.

А эстонские коммунисты первого призыва мыслили именно в русле пролетарского интернационализма, для них Эстония и Москва были практически равноправными партнерами. Мало того, они были правы: они лучше знали местные условия.

И как, на ваш взгляд, получалось у них отстаивать местные интересы?

Когда-то получалось, а когда-то и нет. Вообще, прибалтийские руководители имели большую свободу маневра по сравнению с их коллегами из «старых» республик СССР. Прибалтика всегда воспринималась Кремлем как особая часть Советского Союза. И когда читаешь какой-нибудь документ, отправленный первым руководством КПЭ в Москву, то понимаешь, что у тех же украинцев такой же документ будет рождаться в головах только в 60-е годы.

Возьмем ту же коллективизацию – первая эстонская коммунистическая верхушка, несмотря на разногласия внутри нее, была против колхозов. Они препятствовали насаждению колхозов, понимая, что такая форма хозяйствования для Эстонии неэффективна. С другой стороны, они действовали так: хотите колхозы? Хорошо, сделаем несколько показательных колхозов на базе бывших больших помещичьих хозяйств. И люди из Москвы сердились, приезжая в Эстонию: вроде придраться не к чему, но чувствуется, что все равно делают по-своему.

Но, конечно, вся эта свобода маневра была до определенного предела. Так, когда эстонское руководство выступило с предложением, чтобы эстонские кулаки высылались на поселение в пределах республики, тем самым решая проблему нехватки рабочей силы, Москва это запретила, поскольку было принято решение кулаков высылать в отдаленные районы. Для 1948 года это было уже чересчур.

«Лесных братьев» в Эстонии было меньше, чем в Латвии и тем более в Литве. Означает ли это, что эстонцы были более лояльно настроены по отношению к советской власти?

Эстонцы раньше, чем латыши и литовцы, ушли в сферу гражданского неповиновения. Традиция интеллектуальной «самости» была в Эстонии очень сильна. Молодежная оппозиционность – ее воспитал еще Пятс – это была реакция на «эру молчания». И эта университетская молодежь, хоть и не была коммунистически настроенной, представляла собой вечную фронду любому режиму. И эта фронда от Пятса тут же перешла в наследство советскому режиму. И настроения эстонского студенчества – это тема, проходящая красной нитью через все бумаги: партийные, комсомольские, документы КГБ. Это был постоянный возмутитель спокойствия. Эстонцы раньше, чем в других прибалтийских республиках, перешли к ненасильственной форме сопротивления и создали здесь свою традицию. И те, кто в конце 80-х стали выступать как национальные лидеры – это все бывшая университетская молодежь 50–60-х годов.

Вы упомянули о пролетарском интернационализме, но, читая вашу книгу, создается впечатление, что вот это коммунистическое эстонское руководство было чуть ли не русофобским: оно постоянно протестует против присылки русских специалистов, против завоза трудовых мигрантов, постоянно требует увеличения количества эстонцев в рядах милиции и МГБ, в общем, старается русских, по возможности, никуда не пускать. Как будто речь идет не об Эстонской ССР, живущей в братской семье советских народов...

Не надо забывать, что это все были национально ориентированные лидеры, люди национальной культуры, которые боялись наплыва «чужаков». Кроме того, это очень болезненно воспринималось населением, которое и так-то не слишком любило советскую власть. И руководители пытались сделать советскую власть более привлекательной, такую «культурную» советскую власть.

А потом, уже в 70-е, Прибалтика стала «витриной» Советского Союза...

Совершенно очевидно, что политика выкручивания рук никогда не являлась приоритетной задачей Кремля. Из Кремля не надо делать какого-то монстра. Если какую-то проблему можно было решить «малой кровью», то ее так и решали. Потом не надо забывать о таком факторе, как «глаз Запада», который смотрел, как это все развивается. Поэтому хотелось выглядеть привлекательно. И создать для эстонского населения такой привлекательный облик советской власти – это тоже была одна из целей.

Для Москвы Эстония была особой территорией, и политика там была особая, и советизацию – по крайней мере, до 1947 года – там тоже старались проводить в мягких вариантах, не по классическому советскому образцу. Поворот начинается в 1947 году. Для этого было много причин, и закручивание гаек шло по всей Восточной Европе.

Но, тем не менее, когда мы говорим о «витрине» советской жизни – это очень интересный проект, который начал реализовываться сначала в Эстонии, а потом и в других прибалтийских республиках. По сути, это была реакция Москвы на провал первого проекта: сделать из Эстонии полноценную часть СССР. Именно полноценной, «правильной» части СССР из Эстонии сделать не получалось.

И тогда возникла новая идея – сделать из Эстонии «другой СССР», «витрину» советской жизни – и для внутреннего употребления, и для Запада. Пусть туристы приезжают, смотрят на этот «новый СССР». А дальше их пускать и не обязательно...

И все началось с Хрущева?

Хрущев, вдогонку за Берия, после смерти Сталина стремился как-то обозначить себя в решении большого дела, того же «национального вопроса», например. Решения по Эстонии 1953 года готовились его аппаратом и под его личным контролем. В этих документах прослеживается мысль о том, что политика в отношении Эстонии была неправильной и ее надо менять. Так что именно осознание того факта, что первоначальный план советизации, по сути, провалился, и стало отправной точкой для создания новой конструкции «Эстонии как другого СССР».

Вы заканчиваете свою книгу словами о том, что «у советского проекта в Прибалтике будущего не было». Почему?

Проект длился 50 лет. Можно оценить результаты. Чего удалось добиться? Было общее экономическое пространство, возникли новые связи – социальные, семейные. Но имперская компонента этого проекта, предполагавшая подчинение периферии центру, очень плохо ложилась на традицию и на политическую ситуацию в Эстонии. Эстонцы просто на определенное время смирились с этим фактом своего подчиненного положения, но оно никогда не было адаптировано и принято. Как только в конце 80-х изменилась политическая ситуация, вся эта конструкция стала трещать по швам. Поэтому у советского проекта – в том варианте, в каком его задумал Сталин – в Прибалтике будущего не было.

Официальная позиция российского МИДа заключается в том, что с точки зрения международного права, которое действовало на тот момент, вхождение стран Балтии в состав СССР абсолютно легитимно. Что касается позиции МИДа, то она-то как раз понятна. Это реакция на эстонскую триаду «признать оккупацию – принести извинения – заплатить». И для того, чтобы эту позицию изменить, нет иного выхода, кроме как садиться и разговаривать. У немцев есть хорошее понятие: «преодоление прошлого». У нас же – и в России, и в Эстонии – действуют по принципу вытеснения прошлого. Мы не преодолеваем прошлое, не перерабатываем его, мы стараемся вытеснить неудобные, спорные страницы истории. Продвинуться к пониманию на таком пути нельзя.

Поэтому странно выглядит такая позиция МИДа на фоне осуждения пакта Молотова-Риббентропа. С одной стороны, этот пакт оценивается как нелегитимный акт, а с другой – ставшая возможной вследствие заключения этого пакта аннексия Прибалтики оценивается как акт легитимный. Тут есть явное противоречие.

Эту ситуацию и историкам, и политикам надо просто проговорить, обсудить, найти в конце концов общий язык. После этого возможно уже какое-то движение вперед. Без этого список взаимных претензий будет только расти – та же эстонская идея с выплатой компенсаций совершенно неконструктивна.

На политиков надежды мало, на историков все-таки больше...

Историки делают свою работу. И политикам, чтобы лучше делать свою работу, иногда нужно прислушиваться к аргументам историков, а не наоборот, когда историки пытаются подобрать какие-то факты под уже вынесенный политиками вердикт. Вот это уже никуда не годится.

10. Рапорты Международной комиссии Эстонии по расследованию преступлений против человечности*

Этап I – Оккупация Эстонии Советским Союзом в 1940 – 1941 гг.

Введение

В своем письме от 14 августа 1998 года Его Превосходительство Президент Эстонии Леннарт Мери писал членам комиссии:

«Я надеюсь, что комиссия поможет моей стране уверенно двигаться в будущее, после того как будут определены люди и группы, ответственные за многочисленные трагедии, обрушившиеся на нее полвека назад».

Комиссия была учреждена, чтобы разобраться в истории массовых нарушений прав человека в Эстонии в течение и после Второй мировой войны.

Комиссия разделила исследование на три части: первая советская оккупация (1940 – 1941), немецкая оккупация (1941 – 1944, отчет опубликован в 2001 году) и вторая советская оккупация (начиная с 1944 года).

Комиссия благодарит Тоомаса Хийо и членов исследовательской группы за ценные отчеты, на которых основаны выводы комиссии.

Термины и определения

Для того чтобы точно определить, о ком именно идет речь, комиссия согласилась применять термин «эстонский» только в отношении гражданства. В тех случаях, когда мы считаем необходимым выделить конкретные национальные или религиозные группы эстонских граждан, мы используем соответствующий термин. Термином «этнические эстонцы» мы описываем национальное большинство населения.

На первом заседании комиссия решила использовать определения «преступлений против человечности», данные в статье 7 Римского статута Международного уголовного суда, принятого в 1998 году и приведенного в приложении к этому отчету. Хотя эти определения и появились через много лет после изучаемых нами событий, мы уверены, что они служат

* *Рапорты Международной комиссии Эстонии по расследованию преступлений против человечности. Оккупация Эстонии Советским Союзом в 1940 – 1941 гг. Оккупация Эстонии Германией в 1941 – 1944 гг. Тарту, 2005; http://www.historycommission.ee/temp/pdf/conclusions_ru.pdf*

стандартом, по которому эти события можно оценивать. Кроме того, эта комиссия – не суд; все юридические действия, предпринятые на основании сделанных комиссией открытий, совершаются под надзором соответствующих государственных учреждений Эстонской Республики. Рассматривая события, о которых говорится в упомянутом отчете, комиссия также пришла к выводу, что некоторые из них подпадают под определение «военных преступлений», приведенное в статье 8 Римского статута.

Историческая справка

24 февраля 1918 года Комитет спасения Эстонии выпустил «Обращение ко всем народам Эстонии» и объявил Эстонию независимой республикой. До этого территории, населенные эстонцами, входили в состав Эстляндской и Лифляндской губерний Российской империи. Так называемый Особый прибалтийский порядок, который действовал в этих губерниях, гарантировал широкую автономию: применялся собственный гражданский кодекс, власть принадлежала городам и местной аристократии, большинство населения принадлежало к Евангелической лютеранской церкви.

В феврале 1918 года 8-я германская императорская армия оккупировала Эстонию, после чего власть находилась в руках главного командования 8-й армии с февраля по ноябрь. После Компьенского перемирия главный комиссар германского правительства в Эстонии и Латвии Август Винниг и представители Временного правительства Эстонии подписали 19 ноября 1918 года в Риге договор, по которому Германия передавала Временному правительству верховную власть в Эстонии. В это время Советская Россия сосредоточила на границе с Эстонией большое количество войск и 28 ноября 1918 года начала наступление на Нарву. 29 ноября Временное правительство объявило общую мобилизацию. Началась война за независимость Эстонии. Эстонской армии была оказана поддержка со стороны Британского флота, на помощь также пришли добровольцы из Финляндии, Дании и Швеции. Части Красной армии были выведены из Эстонии в январе и феврале 1919 года. 2 февраля 1920 года был подписан Тартуский мирный договор между Эстонской Республикой и Советской Россией, по которому Россия признала независимость Эстонии. Финляндия признала независимость Эстонии 7 июля 1920 года. Великобритания, Франция и Италия – 26 января 1921 года; Соединенные Штаты Америки – 28 июля 1922 года.

22 сентября 1921 года Эстония стала членом Лиги Наций.

В соответствии с конституцией, принятой в 1920 году, Эстония была демократической парламентской республикой. Однопалатный парламент из 100 членов избирался на три года. Главы государства не было. Глава правительства – Riigivanem (премьер-министр) – исполнял в случае необходимости церемониальные обязанности главы государства. По данным переписи

населения 1920 года, 87,6% населения Эстонии составляли эстонцы. По переписи 1934 года доля эстонцев среди населения была 88,1%. Среди национальных меньшинств самыми большими были русские, немцы, шведы, латыши, евреи и поляки. В 1925 году парламент принял закон о культурной автономии национальных меньшинств. До 1941 года русские, немцы, евреи и шведы могли получать среднее образование на своем родном языке.

Коммунистическая партия была запрещена. С 1920 года эстонские коммунисты действовали в подполье и считались эстонской секцией Коминтерна. 1 декабря 1924 года, под руководством присланных из СССР агитаторов, они попытались поднять восстание, которое было подавлено в тот же день. После этого поддержка коммунистов снизилась почти до нуля. Руководство эстонскими коммунистами осуществлялось из Советского Союза.

В начале 1930-х годов возрастает популярность праворадикального народного движения Vabadussõjalaste Liit (Союз участников Освободительной войны). Члены этого движения, названные вапсами, критиковали парламентскую систему, используя популистские лозунги и требуя принять новую конституцию, предоставляющую более широкие полномочия президенту страны. На референдуме 1933 года проект новой конституции, который вапсы предложили в порядке народной инициативы, получил 2/3 голосов. Новая конституция вступила в силу с 24 января 1934 года. Чтобы не допустить ожидаемой победы кандидата вапсов на приближавшихся президентских выборах, 12 марта 1934 года премьер-министр Константин Пятс объявил в стране чрезвычайное положение и предложил генерал-лейтенанту Йохану Лайдонеру, который командовал эстонской армией во время Освободительной войны, занять пост главнокомандующего вооруженными силами. Организации вапсов были закрыты, а их лидеры арестованы. Члены Союза и сочувствующие ему граждане были изгнаны с государственной службы, из армии и органов местного самоуправления. Поскольку эстонский парламент (Riigikogu) по конституции был постоянно действующим органом, 2 октября 1934 года правительство его распустило, оставив при этом в «дремлющем» состоянии – новые выборы назначены не были. В марте 1935 года была прекращена деятельность всех политических партий. Новое народное движение Isamaaliit (Союз Отечества) стало единственной официально разрешенной политической организацией.

В 1936 году было созвано Rahvuskogu (Национальное собрание) для разработки новой конституции, которая начала действовать с 1 января 1938 года. По новой конституции парламент страны стал двухпалатным: нижняя палата – Riigivolikogu (Собрание народных представителей) состояла из 80 членов, избранных народом, а верхняя палата – Riiginõukogu (Государственный Совет) состояла из 40 представителей муниципалитетов, представителей двух крупнейших церквей, двух университетов, профессиональных союзов, так называемых палат, и 10 членов, назначен-

ных президентом. У президента, как главы государства, были широкие полномочия – он возглавлял исполнительную власть в стране. Председателем правительства был премьер-министр. Константина Пятса избрали президентом в апреле 1938 года. Политические партии по-прежнему были вне закона. В 1938 году в Riiginõukogu было избрано 55 представителей проправительственного союза Isamaaliit и 25 представителей оппозиции. В стране сохранялось чрезвычайное положение.

С 1934 по 1940 год в Эстонии действовал авторитарный режим. В мае 1938 года президент Пятс объявил амнистию, по которой из тюрем были освобождены 183 политических заключенных. Большинство из них (104) составляли коммунисты и сочувствующие, приговоренные в 1923 – 1938 годах к длительным срокам тюремного заключения за подрывную деятельность, а также 79 членов движения вапсов. Летом 1940 года в тюрьмах оставались, помимо уголовных преступников, 36 человек, обвиненных в шпионаже в пользу Советского Союза, и еще 7 человек – за другие политические преступления.

Оккупация Эстонской Республики и ее вхождение в состав Советского Союза

23 августа 1939 года народный комиссар иностранных дел Советского Союза Вячеслав Молотов и министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп подписали пакт о ненападении между Советским Союзом и Германией. В дополнительном секретном протоколе к этому пакту устанавливалось разделение сфер влияния в Восточной Европе. Эстония была включена в сферу влияния СССР.

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, и началась Вторая мировая война. 17 сентября 1939 года Красная армия напала на Восточную Польшу. 28 сентября 1939 года СССР заставил Эстонию заключить договор о взаимопомощи, по которому на эстонской территории, начиная с октября 1939 года, были размещены советские сухопутные, морские и авиационные военные базы и войска общей численностью 25 000 человек. В то же время на действительной военной службе в эстонской армии находились около 15 000 человек.

Канцлер Германии Адольф Гитлер в своей речи 6 октября 1939 года призвал всех немцев, живущих в Эстонии, Латвии, Литве, Италии и Советском Союзе, переехать в Германию. Порядок возвращения немцев был установлен путем переговоров с СССР.

С октября 1939 по май 1940 года Эстонию покинули примерно 14 000 немцев (так называемых переселенцев, по-немецки Umsiedler). После оккупации Эстонии Советским Союзом, в январе-апреле 1941 года еще около 7 500 человек (так называемых пост-переселенцев, Nachumsiedler) уехали из Эстонии в Германию на основании договоренности между СССР и Германией.

16 июня 1940 года Молотов предъявил эстонскому послу в Москве Августу Рею ультиматум, в котором обвинял Эстонию в нарушении договора о взаимопомощи и требовал размещения на территории Эстонии дополнительного воинского контингента и формирования нового правительства. Правительство Эстонии решило принять ультиматум: страна не могла полагаться на поддержку из-за рубежа, и правительство сочло вооруженное сопротивление безнадежным. Дополнительные 6 стрелковых дивизий, танковая бригада, морские и воздушные части Красной армии прибыли в Эстонию 17 июня. Вместе с ранее размещенными здесь войсками к 21 июня на территории Эстонии оказалось более 100 000 советских военнослужащих. В июне 1940 года в Таллинн было переведено командование Балтийского флота, а в Тарту – командование 8-й армией.

18 июня 1940 года правительство премьер-министра Юри Улуотса ушло в отставку. 19 июня Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и руководитель ленинградской партийной организации, член Политбюро ЦК ВКП(б) Андрей Жданов приехал в Таллинн и продиктовал президенту Пятсу состав нового правительства, которое было назначено 21 июня 1940 года.

С 21 июня по 25 августа 1940 года были ликвидированы государственные органы, полиция, армия, финансовая и экономическая системы Эстонской Республики, началась реорганизация образовательных учреждений по советскому образцу, общественные организации были распущены. Аналогичные мероприятия прошли в Латвии и Литве.

Во всех трех прибалтийских странах были одновременно, 14 и 15 июля 1940 года, организованы «выборы» новых парламентов по указаниям представителей СССР. Заседания этих «парламентов» также прошли одновременно, 21 июля. На этих заседаниях «парламенты» объявили свои страны советскими социалистическими республиками и ходатайствовали о приеме в СССР. Кроме того, «парламенты» объявили землю государственной собственностью, прекратив, таким образом, право на частное владение землей, и национализировали банки и промышленные предприятия.

Генеральный секретарь Центрального Комитета ВКП(б) Иосиф Сталин, Политбюро ЦК ВКП(б) и Центральный Комитет ВКП(б) управляли процессами, происходившими в Эстонии, Латвии и Литве. Сейчас уже частично опубликованы их решения по реорганизации прибалтийских республик. Координацией этой работы в Эстонии занимался А. Жданов, который со 2 июля до конца июля 1940 года жил в дипломатическом представительстве СССР в Таллинне. Местным координатором включения Эстонии в состав СССР был Владимир Бочкарев, служивший торговым представителем и советником посольства СССР в Таллинне с конца 1930-х годов. В июне 1940 года его назначили послом СССР в Эстонии, и он оставался представителем Центрального Комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР с сентября 1940 по август 1941 года.

Правительство премьер-министра Йоханнеса Вареса, назначенное 21 июня 1940 года, получало указания от Жданова, Бочкарева и других сотрудников советского посольства, а также от направленных в Эстонию представителей различных отраслей народного хозяйства (финансов, экономики, внешней торговли, Народного Комиссариата внутренних дел, железной дороги).

В начале августа 1940 года Верховный Совет СССР официально зарегистрировал прием Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза. Началась замена прежних государственных структур советскими. «Парламенты» Эстонии, Латвии и Литвы 25 августа 1940 года провозгласили себя «временными Верховными Советами» республик и приняли новые конституции, написанные по образцу конституций союзных республик СССР. Политбюро Центрального Комитета ВКП(б) заранее утвердило текст деклараций (одинаковых во всех трех странах), провозглашенных «парламентами» 25 августа. Назначенные 21 июня 1940 года «правительства» ушли в отставку, и их место заняли Советы народных комиссаров, состоящие почти исключительно из членов компартии. Политбюро Центрального Комитета ВКП(б) заранее утверждало их состав.

Окончательная советизация Эстонии происходила с августа 1940 до лета 1941 года. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) и по приказу Народного комиссара СССР по обороне Семёна Тимошенко в августе 1940 года эстонская армия (также как армии Латвии и Литвы) была преобразована в территориальный стрелковый корпус Красной армии и поставлена под контроль представителей ее политического руководства.

В конце осени 1940 года в Эстонии (как в Латвии и Литве) была введена советская денежная система, уголовный, гражданский и процессуальный кодексы СССР. Советизация местных органов самоуправления произошла в январе 1941 года. Президиум (постоянный орган Верховного Совета) временного Верховного Совета Эстонской ССР (далее ЭССР) своим решением назначил персональный состав Исполнительных комитетов Советов рабочих депутатов в уездных, городских и сельских советах, не проводя формальных выборов в эти советы.

ВКП(б) управляла всеми процессами на государственном и местном уровнях. Коммунистическая партия Эстонии (КПЭ) официально вступила в ВКП(б) в октябре 1940 года и провела свой съезд в феврале 1941 года. Конгресс назначил на большинство руководящих постов в партии людей, приехавших из Советского Союза.

Комиссия пришла к выводу, что 17 июня 1940 года СССР оккупировал Эстонскую Республику (а также Латвию и Литву), используя военную угрозу. Целью СССР было окончательное объединение территорий прибалтийских республик с территорией Советского Союза. Было разыграно «добровольное» вхождение прибалтийских республик в СССР, и началась принудительная советизация этих стран.

Оккупация Эстонии, как Латвии, и Литвы, была воплощением долгосрочных экспансионистских планов СССР. Тактической исходной точкой для оккупации Эстонии, Латвии и Литвы стал пакт о ненападении, подписанный СССР и Германией в августе 1939 года. Действия СССР не оправдывает и необходимость обороны границ СССР во время Второй мировой войны – иногда этим пытаются обосновать оккупацию Эстонии в 1940 году.

Деятельностью эстонского правительства Вареса, назначенного 21 июня 1940 года, и «парламента», избранного 14-15 июля 1940 года, на основании директив Политбюро ЦК ВКП(б) руководили советские представители в Таллинне. Поэтому принятые указанными органами решения не являются действиями, предпринятыми в интересах Эстонской Республики, а преследуют интересы СССР, направленные на аннексию Эстонии.

Комиссия пришла к выводу, что ответственность за аннексию Эстонской Республики и ее включение в состав СССР лежит, в основном, на Сталине и руководстве ВКП(б), в частности, на Политбюро, которое принимало или утверждало все наиболее важные решения, связанные с оккупацией Эстонской Республики. Ответственность также лежит на Центральном Комитете ВКП(б) и на Совете народных комиссаров (правительстве) СССР, поскольку декреты и указы этих двух органов служили той основой, на которой проводилась советизация Эстонской Республики, начиная с августа 1940 года. Особо следует подчеркнуть роль Жданова и Бочкарева, советника посольства, а впоследствии посла СССР в Таллинне, которые на месте координировали аннексию Эстонии.

Комиссия считает, что ответственность за аннексию Эстонии лежит и на тех гражданах Эстонской Республики, которые вместе с советскими чиновниками готовили и проводили захват власти и аннексию Эстонии. В частности, к этой группе относятся:

- 1) члены правительства Вареса, назначенного 21 июня 1940 года, которые уже в силу занимаемых ими должностей несут ответственность за проводимые действия;
- 2) члены Riigivolikogu (Собрания народных представителей), избранные 14 и 15 июля 1940 года, которые приняли официальное решение о ликвидации Эстонской Республики;
- 3) члены Совета народных комиссаров СССР, назначенные 25 августа 1940 года, которые руководили проведением в жизнь решений по советизации Эстонии в 1940 – 1941 годах;
- 4) Бюро и члены Центрального Комитета Коммунистической партии Эстонии, которые руководили выполнением в Эстонии директив Политбюро Центрального Комитета ВКП(б) и Центрального Комитета ВКП(б).

Преступления, совершенные в Эстонии в 1940 – 1941 гг.

1. Судебное преследование граждан и жителей Эстонской Республики

В июне 1940 года вместе с Красной армией или сразу за ней в Эстонию прибыла оперативная группа Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД), организовавшая проведение арестов на территории Эстонской Республики. Первые аресты прошли уже в июне 1940 года. Сразу после ареста оперативная группа НКВД отправляла наиболее важных арестованных в Ленинград или Москву, где их официально арестовывали снова.

С июня по август 1940 года оккупационные власти СССР пытались создать впечатление, что на территории Эстонии продолжают действовать законы Эстонской Республики. Эстонская политическая полиция служила прикрытием для оперативной группы НКВД. Согласно приказу министра внутренних дел в правительстве Вареса, с конца июня 1940 года коммунисты, бывшие до этого в подполье, были назначены комиссарами (начальниками местных отделений) и сотрудниками эстонской политической полиции. Приказы этих коммунистических комиссаров из политической полиции, формально изданные в соответствии с законом Эстонской Республики о введении в стране чрезвычайного положения, стали основанием для арестов. Большинство из арестованных, которых сразу не вывезли в Россию, были помещены в Центральную тюрьму Таллинна, где их допрашивали через переводчиков следователи, приехавшие в Эстонию с оперативной группой НКВД. После ареста дела расследовались на основании уголовного и уголовно-процессуального кодексов СССР, хотя действие этих кодексов было официально распространено на территорию Эстонии только с декабря 1940 года.

В июне-августе 1940 года были арестованы все высшие руководители эстонской политической полиции, некоторые военные, некоторые судьи, бывшие министры внутренних дел Эстонии, руководители центрального руководства Эстонского Союза самообороны (Кайтселийта) и некоторые из его руководителей на местах, которых обвинили в «подавлении рабочего движения, контрреволюционной деятельности, шпионаже против Советского Союза» и других подобных действиях. Началось активное преследование политиков, полицейских, военных и судей, имена которых связывали с арестами и осуждением эстонских коммунистов, происходивших еще в 1918 году. Но были аресты и по доносу. Оперативная группа НКВД обращала особое внимание на руководителей и членов российских белогвардейских организаций, действовавших в Эстонии, и задерживала их в первую очередь.

Последний главнокомандующий Вооруженными силами Эстонии генерал Лайдонер был выслан 17 июля 1940 года вместе с женой на спецпоселение в Пензу. Президент Пятс был выслан 30 июля 1940 года на поселение

в Уфу вместе с сыном, невесткой и двумя внуками. Летом 1941 года, когда началась война между СССР и Германией, их обоих арестовали. Генерал Лайдонер умер во Владимирской тюрьме в 1953 году, а президент Пятс скончался в 1956 году в специальной психиатрической больнице в Калининской области.

Известно, что с июня по август 1940 года было арестовано более 300 человек. Общее число арестов, скорее всего, гораздо больше, так как не все личные дела арестованных находятся в Эстонии или вообще сохранились, и обобщенные данные исследователям недоступны.

После формального объединения Эстонии и СССР аресты проходили с августа 1940 до осени 1941 года по той же процедуре, что действовала в то время в СССР. 29 августа 1940 года, согласно письменному приказу №001067 Народного комиссара внутренних дел СССР, был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) ЭССР. В феврале и марте 1941 года из НКВД СССР выделились существующее до сих пор Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) и некоторые другие отделы, из которых впоследствии был создан Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ). Такая же реорганизация прошла и в Эстонии в марте-апреле 1941 года.

Решение об аресте в большинстве случаев принимали оперативные работники ГУГБ или НКГБ на местах, а их начальники утверждали принятое решение. Утверждением решений занимались Народный комиссар внутренних дел Борис Кумм, назначенный в феврале 1941 года Народным комиссаром государственной безопасности, или его заместитель Алексей Шкурин. Аресты производились с разрешения прокуратуры ЭССР (прокурор Каарел Паас или его заместитель по особым делам Сергей Никифоров и прокуроры его отдела по специальным делам) или с разрешения военной прокуратуры войск НКВД Прибалтийского округа (военный прокурор Палкин). Те же органы утверждали обвинительное заключение. Уездные прокуроры также утверждали обвинительное заключение и передавали его в суд.

Прокуроры особого отдела прокуратуры ЭССР участвовали в работе трибуналов в качестве обвинителей. Арестованных обвиняли, в основном, по различным пунктам 58 статьи уголовного кодекса РСФСР. Довольно часто обвинение было основано не на конкретных действиях, а на общей профессиональной или общественной деятельности обвиняемого и на его участии в общественных организациях.

Большая часть решений была вынесена военными трибуналами разного уровня. В Эстонии действовали военные трибуналы Прибалтийского округа войск НКВД, а также трибуналы Прибалтийского особого военного округа, 8-й армии Вооруженных сил СССР, Балтийского флота, железнодорожного военного трибунала и другие. Арестованных, которых сразу после ареста увозили в Ленинград или Москву, судили военные трибуналы

в этих городах. По некоторым арестованным решения принимали Особые совещания НКВД (оперативные органы НКВД по определению наказания и вынесению приговоров). Особые совещания не проводили судебных заседаний и не видели ответчиков. Решения принимались заочно, на основании представленных документов. Приговоренных к срокам в лагерях отправляли в лагерь ГУЛАГа, а приговоренных к смерти казнили в Эстонии.

В СССР существовала также система гражданских судов. Но лишь в нескольких случаях людей, арестованных в 1940 – 1941 годах по политическим мотивам, судил Верховный Суд ЭССР. После начала войны с Германией большинство арестованных, суд над которыми еще не состоялся, были отправлены в Советский Союз, где их дела рассматривали местные трибуналы, Особое совещание НКВД и уголовные коллегии при областных судах.

2. Аресты граждан и жителей Эстонской Республики

В 1940 году НКВД арестовал почти 1000 граждан и жителей Эстонской Республики, а в 1941 году НКВД и НКГБ арестовали около 6 000 человек. Большинство из них были осуждены и отправлены в ГУЛАГ, где многие умерли. Кроме того, многие были казнены в Эстонии на основании смертного приговора или в СССР, если смертный приговор был вынесен после начала войны и/или арестованный был вывезен из Эстонии. По имеющимся данным, из числа арестованных в 1940 году, по крайней мере 250 человек были казнены, а по меньшей мере 500 – умерли в заключении; из арестованных в 1941 году более 1600 человек были казнены и почти 4000 умерли в заключении.

Политика СССР была направлена, в основном, против элиты эстонского общества: арестовывали политиков местного и национального уровня, видных деятелей экономики и финансов, военных, активных членов Кайтселийта, зажиточных хуторян, технических специалистов и других.

Вот лишь несколько примеров: за период 1918 – 1940 годов пост Riigivanem (премьер-министр или глава государства, в 1938 – 1940 – президент) занимали 11 человек. Из них выжил только Август Рей, которому удалось бежать в Швецию летом 1940 года. Отто Страндман застрелился, прежде чем НКВД смог его арестовать. Остальные 9 были арестованы в 1940 – 1941 годах. Трое из них были казнены (расстреляны), а остальные умерли в лагере. Помимо этих одиннадцати человек еще 105 были в тот или иной момент членами эстонского правительства с 1918 по 1940 годы. 73 из них жили в Эстонии, и когда началась советская оккупация 48 были арестованы, а двое совершили самоубийство. Из этих 48 человек выжили трое: один сбежал, когда его перевозили в лагерь в начале войны, и вернулся в Эстонию, двое провели в лагерях весь срок. Из оставшихся

15 человек были казнены (расстреляны) и 30 умерли в лагерях. Один бывший министр стал членом *Omakaitse* (Союза самообороны) и погиб во время немецкой оккупации. Большая часть оставшихся в Эстонии бежала за границу в конце периода немецкой оккупации. Из оставшихся в Эстонии 12-ти человек 9 были арестованы после войны. Избежали ареста лишь 3 бывших министра, оставшихся в 1940 году в Эстонии.

3. Депортация граждан и жителей Эстонской Республики

В соответствии с совместным постановлением Центрального Комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР от 14 мая 1941 года, депортации из Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Белоруссии, Молдавии и Западной Украины подлежали следующие лица:

- 1) активные члены так называемых контрреволюционных организаций и члены их семей;
- 2) бывшие жандармы, охранники, руководящий состав полиции, тюрем и рядовые полицейские и тюремщики (при наличии в отношении их компрометирующих материалов об антисоветской деятельности или связях с иностранными разведками);
- 3) бывшие крупные помещики, торговцы, фабриканты и крупные чиновники бывших буржуазных правительств вместе с членами их семей;
- 4) бывшие офицеры, в отношении которых имелись компрометирующие материалы, в том числе и те, которые служили в территориальных корпусах Красной армии;
- 5) члены семей участников контрреволюционных организаций, приговоренных к высшей мере наказания, а также скрывшихся и перешедших на нелегальное положение;
- 6) лица, прибывшие по репатриации из Германии, а также уезжавшие в Германию (при наличии в отношении их компрометирующих материалов);
- 7) беженцы из бывшей Польши, отказавшиеся принять советское гражданство;
- 8) уголовный элемент, продолжавший заниматься преступной деятельностью;
- 9) проститутки, зарегистрированные в полиции, занимающиеся прежней деятельностью.

14 июня 1941 года более 10 000 человек (по некоторым данным 10 861) были депортированы из Эстонии целыми семьями. Среди них было свыше

5 000 женщин и более 2500 детей младше 16 лет. Примерно 3000 мужчин и 150 женщин были отделены от других и помещены в лагерь, где большинство из них были казнены или умерли. Остальные женщины и дети были отправлены на спецпоселение в Сибирь. Было депортировано также более 400 эстонских евреев.

В конце июня и начале июля 1941 года еще около 1000 мужчин, женщин и детей было арестовано на эстонских островах для последующей депортации на территорию СССР. Большинство из них уцелели и смогли вернуться домой в связи с быстрым продвижением немецких войск.

14 июня 1941 года примерно 230 эстонских офицеров, служивших в 22-м эстонском территориальном корпусе Красной армии, были арестованы в летнем лагере эстонской армии в юго-восточной Эстонии. Большинство из них были отправлены в Норильский лагерь, где многие умерли или были казнены.

Проведение депортации 14 июня координировал на местах оперативный штаб Народного комиссариата государственной безопасности ЭССР в следующем составе: начальник штаба Борис Кумм, Народный комиссар государственной безопасности ЭССР; члены штаба: Андрес Мурро, Народный комиссар внутренних дел ЭССР, Алексей Шкурин, заместитель народного комиссара государственной безопасности ЭССР, Вениамин Гулст, заместитель Народного комиссара государственной безопасности ЭССР, Рудольф Ямес, начальник 2-го отдела Народного комиссариата государственной безопасности.

4. Принудительное перемещение эстонских мужчин в Советский Союз в июле и августе 1941 года

Эстония была единственной территорией, оккупированной СССР в 1939 – 1940 годах, которую к началу июля 1941 года не захватили немецкие войска.

Эстонских мужчин, родившихся в 1919 – 1922 годах, собрали 2-4 июля 1941 года и отправили в Россию под предлогом мобилизации в Красную армию. Та же участь 22-27 июля постигла резервистов эстонской армии, родившихся в 1907 – 1918 годах. Резервистов с Сааремаа, родившихся в 1907 – 1922 годах, собрали для отправки в Россию 1-3 августа. Офицеров эстонского резерва и военных чиновников собрали 8-16 августа. Резервистов 1896 – 1906 годов и оставшихся призывников 1919 – 1922 годов рождения собрали 20 августа. Годных к строевой службе мужчин 1896 – 1906 годов рождения собрали 21 августа, а 462 железнодорожников, которые до этого были освобождены от призыва, призвали 24 августа.

Разумеется, мужчин отправляли в Россию только с тех территорий, которые еще были под контролем Красной армии. Общее количество

мужчин, призванных в июле и августе 1941 года, оценивается в 50 000, из которых 32-33 тысячи были отправлены в СССР. Около 3000 человек погибло в пути.

5. Принудительная эвакуация граждан и жителей Эстонии в Советский Союз летом 1941 года

Примерно 25 000 человек, в основном, граждане Эстонской Республики, были эвакуированы в СССР летом 1941 года. Промышленные предприятия, общественные организации и государственные учреждения, сельскохозяйственные предприятия, транспортные предприятия и т.п. эвакуировались в СССР вместе с оборудованием, имуществом и персоналом. Многие из эвакуированных ехали в СССР добровольно (члены партии, так называемые активисты и члены их семей). Также от немцев в СССР бежало примерно 2000 эстонских евреев. Тысячи людей эвакуировались насильно, под страхом ареста или расстрела.

6. Убийство граждан и жителей Эстонии в течение лета и осени 1941 года сотрудниками НКВД и НКГБ, истребительными батальонами НКВД, отступающими частями Красной армии и Балтийского флота

Более 2000 гражданских лиц было убито в Эстонии с июня по октябрь 1941 года. В это число входят почти 100 так называемых лесных братьев (эстонские партизаны-патриоты), которые оказывали вооруженное сопротивление отступающим частям НКВД, НКГБ и Красной армии, и потому можно считать, что они пали на поле битвы.

Вот лишь несколько примеров: 11 узников вильяндиской тюрьмы были казнены во дворе тюрьмы 8 июля 1941 года. В ночь на 9 июля 1941 года 198 заключенных, которых невозможно было перевезти в СССР из-за быстрого наступления немецких войск, были казнены в Тарту. 9 июля 1941 года были казнены 6 человек в Лихула и 11 в Хаапсалу. Более 100 человек были казнены на Сааремаа в сентябре 1941 года, большинство из них в Курессааре, по приговору военного трибунала Штаба береговой охраны Балтийского района. Однако большинство из казненных были убиты отступающими истребительными батальонами НКВД и частями Красной армии.

Вывод

Комиссия пришла к выводу, что перечисленные выше преступления должны считаться преступлениями против человечности по определению статьи 7 Римского статута Международного уголовного суда как «широкомасштабное и систематическое нападение на любых гражданских лиц, если такое

нападение совершается сознательно». Часть преступлений, совершенных на территории Эстонии, начиная с 22 июня 1941 года, должны считаться военными преступлениями в соответствии с определением статьи 8 Римского статута Международного уголовного суда.

Принципы ответственности

Комиссия считает, что ответственность за преступления, совершенные в отношении указанных выше событий, определяется двумя способами.

Во-первых, мы считаем некоторых людей ответственными в силу занимаемых ими должностей в том, что они отдавали приказы, приведшие к преступлениям против человечности.

Во-вторых, ответственность определяется только на основании действий конкретного человека.

Подробная оценка ответственности

Комиссия изучила функции и деятельность советских организаций, которые работали в Эстонии или принимали затрагивающие Эстонию решения в 1940 – 1941 годах, а также подчиненных им местных организаций, которые выполняли принятые решения. Это позволило определить людей и учреждения, несущие ответственность за преступления против человечности и военные преступления, совершенные в Эстонии в 1940 – 1941 годах.

Общее руководство процессами осуществляли центральные органы СССР: Генеральный секретарь Центрального Комитета ВКП(б) Иосиф Сталин, Центральный Комитет ВКП(б) и в особенности его Политбюро, а также Совет народных комиссаров СССР. Следовательно, эти организации также несут общую ответственность за преступления против человечности, совершенные в Эстонии. В этом отношении нужно особо выделить Главное управление государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел СССР (ГУГБ НКВД) и Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ), сформированный на его основе в феврале 1941 года.

Правительство Вареса, которое действовало в Эстонии с июня по август 1940 года, разделяет общую ответственность за происходившее в Эстонии. Хотя его решения и принимались под давлением представителей СССР, но эти решения были источником преступлений против человечности. С августа 1940 до конца лета 1941 года общую ответственность разделяют также Центральный Комитет КПЭ и его Бюро во главе с Карлом Сяре и Совет народных комиссаров ЭССР, который возглавлял Йоханнес Лауристин.

Ответственность за конкретные действия, совершенные с июня по август 1940 года, лежит, в основном, на членах оперативной группы НКВД в Эстонии. Вместе с ними несут ответственность и местные работники, поскольку деятельность оперативной группы НКВД стала возможной

только из-за их сотрудничества. Если говорить о конкретных людях, то это: министр внутренних дел Максим Унт, координировавший захват полицейских учреждений Эстонской Республики и их последующую деятельность; начальник внутренней обороны Харальд Хаберман, руководивший повседневной деятельностью в области внутренней безопасности и приказавший арестовать, по крайней мере, 9 человек, впоследствии казненных или умерших в тюрьме; Андрей Мурро, назначенный директором полицейского управления в июле 1940 года, и заместитель директора Кумм; комиссары и сотрудники политической полиции (в особенности, комиссар Таллинна Александр Рейнсон), назначенные с июня по август 1940 года, приказы и действия которых привели к аресту нескольких сотен человек, переданных оперативной группе НКВД. Впоследствии многие из них были казнены или погибли в лагерях СССР.

Ответственность за действия с августа 1940 до конца лета 1941 года несут следующие люди и организации:

- 1) Управление государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел ЭССР, преобразованное с начала февраля 1941 года в Народный комиссариат государственной безопасности ЭССР, в компетенцию которого входили аресты по политическим мотивам. Кумм был Народным комиссаром внутренних дел, а в феврале 1941 года он был назначен Народным комиссаром государственной безопасности. Заместитель Народного комиссара внутренних дел Мурро был назначен Народным комиссаром внутренних дел в феврале 1941 года.
- 2) Следует выделить следующих руководителей Народного комиссариата внутренних дел и позднее Народного комиссариата государственной безопасности: Шкурин – заместитель Народного комиссара внутренних дел, позднее заместитель Народного комиссара государственной безопасности, кандидат в члены Центрального Комитета КПЭ; Сергей Кингисепп – начальник 3-го особого отдела Народного комиссариата внутренних дел, позднее заместитель Народного комиссара государственной безопасности, кандидат в члены Центрального Комитета КПЭ; Идель Якобсон – заместитель начальника следственной части Народного комиссариата внутренних дел, позднее Народного комиссариата государственной безопасности, которые вместе с Куммом утверждали большинство ордеров на арест и обвинительных заключений. Ответственность также несут начальники местных отделов и отделений Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности Рейнсон (Харьютский уезд), Альфред Преесманн (Тарту, разделяет ответственность за казнь 198 арестован-

ных в июле 1941 года), Василий Рийс (Сааремаа, разделяет ответственность за казнь арестованных на Сааремаа в сентябре 1941 года), Каарел Паас (Нарва, позднее прокурор ЭССР) и другие.

- 3) Ответственность также лежит на всех остальных сотрудниках Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности, которые составляли списки для арестов, арестовывали людей, допрашивали их и писали обвинительные заключения. За депортации, проведенные 14 июня 1941 года, а также последующие депортации с островов, несет ответственность Центральный Комитет ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР, НКВД и НКГБ, Народный комиссариат внутренних дел и Народный комиссариат государственной безопасности ЭССР, части и подразделения конвойных войск НКВД, размещенные в Эстонии, которые арестовывали, собирали и сопровождали депортируемых людей.
- 4) Прокурор ЭССР Каарел Паас, заместитель прокурора ЭССР по особо важным делам Никифоров и прокуроры особого отдела, которые санкционировали арест и судебное преследование граждан и жителей Эстонской Республики по политическим мотивам.
- 5) Особые отделы частей и подразделений Красной армии и Балтийского флота, размещенные в Эстонии, которые также преследовали, арестовывали и допрашивали граждан и жителей Эстонской Республики по политическим мотивам и предавали их суду военного трибунала.
- 6) Члены военных трибуналов – военного трибунала войск НКВД Прибалтийского округа, военного трибунала Особого Прибалтийского военного округа, военного трибунала Балтийского флота, военного трибунала 8-й армии, железнодорожного военного трибунала, военного трибунала Береговой охраны Балтийского района, других военных трибуналов. Все они отвечают за необоснованные приговоры, которые они выносили. Эти трибуналы приговаривали граждан и жителей Эстонской Республики к смерти или заключению в лагерях, где большинство из осужденных быстро умирали из-за непосильного труда и тяжелых условий жизни. Ответственными являются также члены Особого совещания НКВД, которые заочно, на основании документов, приговаривали граждан и жителей Эстонской Республики к заключению или смерти. Свою часть ответственности несут и члены Верховного Суда ЭССР, выносившие арестованным гражданам Эстонской Республики политические приговоры, на основании которых те попадали в лагеря на территории СССР.

Перечисленные ниже люди и организации несут ответственность за убийства и другие действия, которые частично могут считаться военными преступлениями, совершенными после начала войны между Советским Союзом и Германией 22 июня 1941 года:

- 1) Члены оперативной группы НКВД в Эстонии: командующий войсками НКВД в Балтийском округе генерал-майор Константин Ракутин, заместитель Народного комиссара государственной безопасности ЭССР Шкурин и заместитель Народного комиссара внутренних дел ЭССР полковник Лобанович. Все они, помимо прочего, отдавали приказы о формировании истребительных батальонов на территории Эстонии. В координации действий истребительных батальонов участвовали также Центральный Комитет КПЭ и Совет народных комиссаров ЭССР.
- 2) Члены оперативной группы истребительных батальонов: начальник оперативной группы подполковник Окоев (с 21 июля 1941 года – капитан Михаил Пастернак) и комиссар группы, секретарь Центрального Комитета КПЭ Федор Окк. Командиры, комиссары и члены истребительных батальонов, виновные в убийствах гражданских лиц, несут ответственность за свои действия. Всего в истребительных батальонах, образованных в Эстонии, состояли примерно 6 000 человек. При этом особое внимание следует уделить действиям в Эстонии истребительных батальонов, отступавших в Эстонию из Латвии.
- 3) Командиры и комиссары этих частей Красной армии и Балтийского флота, личный состав этих частей, виновный в убийстве гражданских лиц, те советские военнослужащие, которые убивали гражданских лиц в Эстонии.
- 4) Военный совет Балтийского флота, комиссары частей Красной армии, размещенной в Эстонии, которые отдавали приказы о призыве граждан и жителей Эстонской Республики в Красную армию с последующей депортацией из Эстонии.

Заключение

Совершенные в Эстонии в 1940 – 1941 годах преступления против человечности стали результатом политики руководства СССР, целью которой было быстрое включение Эстонии в состав СССР и уничтожение социальных групп и людей, которых считали несовместимыми с идеологией СССР. Позиция комиссии заключается в том, что никакая идеология не может оправдать аресты, пытки и казни, жертвами которых стали тысячи невинных людей. Деятельность граждан Эстонской Республики на службе своей стране и своему народу в полном соответствии с законами, действующими в Эстонии до советской оккупации, ни при каких обстоятельствах не может быть основанием для их обвинения по законам Советского Союза.

Этап II – Оккупация Эстонии Германией в 1941 – 1944 гг.

Введение

Его Превосходительство Президент Эстонии Леннарт Мери писал членам комиссии в своем письме от 14 августа 1998 года:

«Я надеюсь, что комиссия поможет моей стране уверенно двигаться в будущее, после того как будут определены люди и группы, ответственные за многочисленные трагедии, обрушившиеся на нее полвека назад».

Комиссия была учреждена, чтобы разобраться в истории массовых нарушений прав человека в Эстонии в течение и после Второй мировой войны.

После того как в августе 1939 года между СССР и Германией был подписан пакт Молотова-Риббентропа, в июне 1940 года СССР оккупировал Эстонскую Республику. В 1940 – 1941 годах Советский Союз начал процесс включения Эстонии в свои структуры. С этой целью в Эстонии были арестованы многие ведущие политики, чиновники, бизнесмены, военные, зажиточные фермеры и представители интеллигенции. Государственная структура Эстонии была разрушена, неправительственные организации закрыты, а на частную собственность были наложены ограничения. Десятки тысяч граждан и жителей Эстонии стали жертвами преступлений против человечности и военных преступлений. В июне 1941 года Германия напала на Советский Союз и оккупировала территорию Эстонии до 1944 года, продолжая разрушать структуру эстонского государства и причиняя страдания населению. В 1944 году Советский Союз снова оккупировал Эстонию и правил здесь до тех пор, пока Эстония не восстановила независимость.

Комиссия разделила свое расследование на три части: первая советская оккупация (1940 – 1941), немецкая оккупация (1941 – 1944) и вторая советская оккупация (начиная с 1944 года).

Главная задача этого отчета – рассказать жителям Эстонии о немецкой оккупации. Фактические материалы получены в ходе расследования, проведенного комиссией, от эстонских историков, из материалов архивов Эстонии, Германии а также (в меньшей степени) России, Израиля, Соединенных Штатов и Швеции. Комиссия считает, что исследования проведены на высоком уровне, объективны и основаны на заслуживающих доверия первичных и вторичных источниках.

Комиссия признает огромный вклад в работу историков, проводивших исследования, и секретаря Комиссии Тоомаса Хийо.

Комиссия хочет с самого начала подчеркнуть, что общая ответственность за большинство, если не все преступления, о которых говорится ниже, лежит на немецких военных и гражданских оккупационных властях. Это было установлено на Нюрнбергском процессе, а также в других источниках, и действия Германии описаны в нескольких исследовательских

отчетах. Тем не менее, еще одна задача этого отчета – выявить тех эстонцев, которые отдавали приказы или принимали участие в этих событиях, которые в силу занимаемых ими должностей или из-за своих действий несут ответственность за преступления против человечности, за геноцид и военные преступления.

Термины и определения

Для того чтобы точно определить, о ком именно идет речь, комиссия согласилась применять термин «эстонский» только в отношении гражданства. В тех случаях, когда мы считаем необходимым выделить конкретные национальные или религиозные группы эстонских граждан, мы используем соответствующий термин (например, «эстонские евреи»). Термином «этнические эстонцы» мы описываем национальное большинство населения.

Комиссия признает, что под вопросом остается гражданство нескольких членов эстонского самоуправления, в том числе Хяльмара Мяз и Альфреда Вендта. По мнению комиссии, функции, которые выполняли эти люди, ясно показывают, что они считали себя гражданами Эстонии. Вероятность того, что они могли также формально иметь гражданство Германии, не влияет на выводы настоящего отчета.

На первом заседании комиссия решила использовать определения «преступлений против человечности», данные в статье 7 Римского статута, принятого для Международного уголовного суда в 1998 году и приведенного в приложении к этому отчету. Хотя эти определения и появились через много лет после изучаемых нами событий, мы уверены, что они служат стандартом, по которому можно оценивать эти события. Кроме того, наша комиссия – это не суд; все юридические действия, предпринятые на основании сделанных комиссией открытий, совершаются под наблюдением соответствующих государственных организаций Эстонской Республики.

Рассматривая события, о которых говорится в данном отчете, комиссия также пришла к выводу, что некоторые из них подпадают под определение геноцида, приведенное в статье 6 Римского статута. Ведь убийство эстонских евреев и эстонских цыган было «деянием, совершаемым с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, расовую или религиозную группу как таковую». Кроме того, убийство советских военнопленных в этот период подпадает под определение «военных преступлений», приведенное в статье 8 статута.

Уголовные преступления

Комиссия считает, что перечисленные ниже события, имевшие место в ходе немецкой оккупации, служат, по крайней мере, при отсутствии

опровержения, свидетельством того, что геноцид, преступления против человечности и военные преступления совершались эстонцами или при активном участии эстонцев на территории Эстонии и за ее пределами.

1. Эстония и Холокост

1.1. Убийство эстонских евреев

Облавы и убийства начались сразу после появления в Эстонии первых немецких войск, сразу за которыми следовали специальные подразделения Einsatzkommando (Sonderkommando) 1А под командованием Мартина Сандбергера, входящие в особую группу Einsatzgruppe А, подчиненную Вальтеру Шталекеру. Аресты и казни продолжались с продвижением немцев по территории Эстонии. Примерно 75% эстонских евреев, зная, что их ожидает, бежали в Советский Союз. Почти все оставшиеся (от 950 до 1000 мужчин, женщин и детей) были убиты до конца 1941 года. Среди них были единственный раввин Эстонии, профессор иудаистики из Тартуского университета, евреи, покинувшие еврейскую общину, психически больные, несколько ветеранов Освободительной войны в Эстонии. По имеющимся сведениям, войну в Эстонии пережили не больше двенадцати евреев.

1.2. Убийство иностранных евреев на территории Эстонии

Немцы привозили в Эстонию неизвестное число евреев из других стран, в том числе Литвы, Чехословакии, Германии и Польши. В Ягала в 1942 году был создан трудовой лагерь, комендантом которого был эстонец Александр Лаак. В течение 1942 года несколько транспортов прибыли из Терезина. До 3000 евреев, не отобранных для работ, были вывезены в Калеви-Лийва и расстреляны. Лагерь Ягала был ликвидирован весной 1943 года, а большинство узников – расстреляны.

В сентябре 1943 года в Вайвара был создан лагерный комплекс под командованием немецких офицеров Ханса Омейера (Hans Aumeier), Отто Бренне (Otto Brenneis) и Франца фон Бодмана (Franz von Bodman). Комплекс состоял примерно из двадцати полевых лагерей, некоторые из которых существовали недолго. Во время наступления русских войск осенью 1944 года какое-то количество пленных было эвакуировано по морю в концентрационный лагерь Штуттгоф под Данцигом. В Клоога были расстреляны примерно 2000 заключенных, тела которых сложили в штабеля и сожгли. Убийства происходили также в центральной тюрьме Таллинна, в лагере в Тарту и в других местах.

1.3. Участие эстонских подразделений немецких сил и полицейских батальонов в актах геноцида и преступлениях против человечности (включая убийства евреев и депортацию евреев и других гражданских лиц) в городах и пересыльных лагерях за пределами Эстонии, а также в трудовых и концентрационных лагерях на территории Эстонии. Роль эстонских частей в этих действиях.

Исследователи, сотрудничающие с комиссией, изучили материалы послевоенных судебных процессов, которые проходили в СССР, чтобы выяснить, где размещались и действовали конкретные эстонские военные подразделения и полицейские батальоны в разные периоды времени. Некоторые из этих материалов можно сравнить с данными, приведенными в книге «Eesti Vabadusvõitlejad» («Эстонские борцы за свободу»). Кроме того, мы получали информацию от частных лиц и из мемуаров. На основании проведенных исследований комиссия делает вывод, что Эстонский легион и несколько эстонских полицейских батальонов активно участвовали в облавах и расстрелах евреев, по крайней мере, в одном белорусском городе (Новогрудок), выполняли охранные функции, по крайней мере, в четырех польских городах (Лодзь, Пшемысл, Ржешов, Тарнополь), охраняли несколько лагерей в Эстонии и других местах, участвовали в отправке в Германию неизвестного числа гражданских лиц из Польши и Белоруссии.

2. Убийство цыган в Эстонии

Согласно переписи 1934 года, в Эстонии жили 776 цыган. Члены комиссии составили список из 243 цыган, убитых в конце октября 1942 года. Известно также, что в Эстонии были убиты и иностранные цыгане, возможно, из Чехословакии. По нашим оценкам, всего в Эстонии было убито от 400 до 1000 цыган, мужчин, женщин и детей. Часть эстонских цыган пережили войну.

3. Убийство не менее 7 000 человек, включая примерно 6 000 этнических эстонцев

Члены комиссии провели статистический анализ послевоенных (с 1944 года по данный момент) архивных материалов советских времен и тщательно изучили имеющиеся базы данных. По оценкам исследователей, в этот период, помимо евреев и цыган, было убито около 6 000 этнических эстонцев. Кроме того, было убито примерно 1000 человек с неустановленным гражданством, большинство из них – русские по национальности. В некоторых случаях проводилось судебное заседание в той или иной форме, в других не было никакой, даже видимой, законности. Большинство из убитых были эстонцами по национальности и обвинялись в принадлежности

к истребительным батальонам или симпатиях к коммунистам. Есть подтверждения того, что убивали и членов семьи осужденного. Убийства, в основном, совершались до весны 1942 года.

4. Убийства советских военнопленных

Условия содержания советских военнопленных были очень тяжелыми, что обуславливалось и скоростью продвижения немецких войск, и отказом Германии применять к советским военнопленным положения международных конвенций. В первую военную зиму смертность среди военнопленных была очень высокой. Многие из них были оторваны от своих подразделений задолго до плена, поступали в лагерь в плохом физическом состоянии, и жизнь их была в опасности. Позднее, когда некоторых пленных (в основном, украинцев, которых считали политически надежными) перевели на сельскохозяйственные работы, их положение улучшилось. Но те, кто работал в трудовых лагерях, жили в ужасных условиях. Внимательное изучение немногочисленных свидетельств позволяет предположить, что из 30 с лишним тысяч советских военнопленных, находившихся на территории Эстонии, умерли в заключении примерно 15 тысяч. Сейчас уже невозможно установить, сколько военнопленных умерли от плохих условий содержания и плохого обращения, а сколько были сознательно убиты.

5. Использование принудительного и рабского труда

Члены комиссии обнаружили свидетельства того, что в разных местах Эстонии, в частности, в лагерном комплексе Вайвара, использовался принудительный и рабский труд. Рабским считается труд заключенных (как правило, евреев и некоторых советских военнопленных), которые работали с непосильной, смертельной нагрузкой. Принудительным считается труд, даже в очень плохих условиях, нагрузка при котором не была смертельной.

Принципы ответственности

Комиссия считает, что ответственность за преступления, совершенные в отношении указанных выше событий, определяется двумя способами.

Во-первых, мы считаем некоторых людей ответственными в силу занимаемых ими должностей в том, что они отдавали приказы, приведшие к преступлениям против человечности. Это были высшие руководители эстонского самоуправления, которые занимали посты директоров и подчинялись непосредственно Хяльмару Мяэ.

Во-вторых, ответственность определяется только на основании действий конкретного человека. Мы не проводили различия между теми, кто

добровольно служил оккупационным силам, и теми, кого силой заставили работать. Главным для нас были действия конкретного человека.

Подробная оценка ответственности

Комиссия изучила роль эстонского самоуправления (известного как Директорат). Задача исследования состояла в том, чтобы определить, по чьему приказу и при каких обстоятельствах был образован Директорат, была ли у него достаточная свобода действий, какими были его функции в отношении оккупационных сил и эстонского народа, в какой степени сотрудники Директората несут ответственность за уголовные преступления, совершенные в период его деятельности.

Комиссия пришла к выводу, что Директорат был учрежден с разрешения немецких властей с целью создать удобную структуру для управления на территории Эстонии, что позволило немцами тратить на это меньше собственных ресурсов. Должность директора была добровольной. Нет никаких данных, что кто-либо из руководителей Директората подвергся принуждению в любой форме.

Хотя Директорат и не обладал полной свободой действий, он пользовался значительной независимостью в установленных Германией рамках, политических, расовых и экономических. Например, директора осуществляли свои полномочия в соответствии с законами и нормативными актами Эстонской Республики, но только в той степени, в которой эти законы и акты не были отменены или дополнены немецким военным командованием.

Независимость Директората, в частности, позволяла содержать полицейские силы, которые вместе с немцами участвовали в поимке и убийствах эстонских евреев и цыган, в поиске и убийстве эстонцев, считавшихся врагами оккупантов. Впоследствии эти полицейские силы были включены в состав полиции безопасности. Они также осуществляли незаконное привлечение эстонцев к принудительным работам или к военной службе под командованием немцев.

Поэтому, по мнению комиссии, перечисленные ниже лица, служившие в разное время директорами или занимавшие другие высокие должности, разделяют, в силу занимаемых ими должностей, с немецкими властями ответственность за все преступления, совершенные в Эстонии и за ее пределами военными подразделениями и полицейскими батальонами, организованными с согласия этих лиц, в течение немецкой оккупации:

Хяльмар Мяэ
Оскар Ангелус
Альфред Вендт
Отто Леесмент

Ханс Саар
Оскар Ёпик
Арнольд Радик
Йоханнес Соодла

Комиссия также рассмотрела создание и роль полиции, которая сначала подчинялась Директору внутренних дел (Оскар Ангелус), а затем – непосредственно главе Директората Хяльмару Мяэ, пока в 1944 году руководство полицией не перешло к немцам.

Несмотря на то, что эстонские полицейские структуры были формально подчинены немецкой полиции безопасности и полиции, есть свидетельства, подтверждающие, что эстонцы пользовались значительной независимостью действий по аресту и допросу подозреваемых, вынесению и исполнению приговоров.

Комиссия изучила структуру полиции и ее полномочия, изменявшиеся в ходе нескольких реорганизаций, в том числе, в мае 1942 года, при которой эстонская полиция была перестроена по типу немецкой полиции безопасности. Комиссия считает, что полиция активно участвовала в арестах и убийствах эстонских евреев. Полиция также активно участвовала в действиях против эстонцев, считавшихся врагами немцев. В частности, но не только, такие функции выполняла группа Б, эстонская полиция безопасности, которую возглавлял Айн-Эрвин Мере, а позднее – Юлиус Эннок.

Комиссия считает, что, несмотря на преступления некоторых полицейских, нельзя возлагать ответственность на всех служивших в разных подразделениях полиции во время немецкой оккупации только в силу занимаемых ими должностей. Те люди, служившие в полиции или в других местах, которые действительно совершали преступления, должны нести за них индивидуальную ответственность.

Однако комиссия считает, что из этого общего правила следует сделать исключение для сотрудников политической полиции (отдел Б-IV) во главе с Юлиусом Энноком. Учитывая специфику этого подразделения, комиссия считает необходимым возложить вину за подобные преступления на всех сотрудников департамента Б-IV в силу занимаемых ими должностей.

Комиссия особенно подчеркивает роль Айна-Эрвина Мере, Юлиуса Эннока, Эрвина Вика и Эвальда Миксона, подписавших многочисленные смертные приговоры, Карла Линнаса и Александра Коолмейстера, соответственно коменданта и старшего офицера лагерей в Тарту и Таллинне, Александра Лаака, коменданта в Ягала и позднее в Таллинне. Комиссия также выделяет членов «троек» – трибуналов, состоявших из трех человек, которые выносили приговоры советским военнопленным, лицам, подозреваемым в симпатиях к коммунистам, и «антиобщественным элементам».

Комиссия внимательно рассмотрела роль и ответственность людей, работавших на Директорат в других, кроме полиции, организациях, и на низших должностях, от мелких чиновников до начальников департаментов. Хотя их деятельность и способствовала успеху немецких военных действий, мы пришли к выводу, что в отсутствие доказательств по конкретным действиям, совершенным этими людьми и способствовавшим

совершению преступлений, мы не можем считать их виновными в уголовных преступлениях только в силу занимаемых ими должностей.

Многие из чиновников нижнего и среднего уровней занимали те же или аналогичные должности при предшествовавших режимах. Комиссия считает, что эти люди принадлежали к той многочисленной категории эстонцев, которые могли знать о преступлениях, но не принимали в них участия и не протестовали против них.

Комиссия рассмотрела роль «лесных братьев» и их последователей (организация «Омакайтсе») на ранних этапах немецкой оккупации. Отчеты исследователей показывают, что члены «Омакайтсе», в основном, убивали предполагаемых коммунистов в первые два месяца после вторжения немецкой армии. Подразделения «Омакайтсе» также участвовали в облавах на евреев (и, возможно, в их расстрелах).

По нашим оценкам, в «Омакайтсе» состояли 30-40 тысяч членов. Сравнение численности «Омакайтсе» на местах и количества обвинений в убийствах, совершенных на соответствующих территориях, позволяет предположить, что непосредственно в преступлениях участвовали относительно немногие члены этой организации (от 1000 до 1200 человек).

Членов «Омакайтсе» призывали в вооруженные силы и в полицейские батальоны вместе с другими добровольцами и (позднее) рекрутами. Комиссия изучила те немногочисленные материалы, которые имеются о деятельности этих подразделений на территории Эстонии и в других местах.

Комиссия рассмотрела действия эстонских военных и полицейских частей, стремясь определить, какие конкретно подразделения принимали участие в следующих событиях:

- 1) сопровождение депортированных из Вильнюса евреев в Эстонию;
- 2) охрана лагерного комплекса Вайвара, лагерей в Тарту, Ягала, Таллинне, лагерей для советских военнопленных – во всех этих лагерях убивали заключенных;
- 3) охрана пересыльного лагеря для евреев в Избице (Польша), где было убито много евреев;
- 4) патрулирование, чтобы евреи не могли убежать при облавах в нескольких польских городах, в том числе Лодзь, Пшемьсл, Ржешов, Тарнополь;
- 5) облава и массовый расстрел евреев, по крайней мере, в одном белорусском городе (Новогрудок).

Изучение эстонских воинских частей осложняется частыми изменениями в их названиях, личном составе и заданиях, которые нередко плохо документируются. Однако, тщательно сверяя материалы расследований, проведенных советскими органами, и материалы из эстонских архивов, удалось установить, что эстонские подразделения принимали активное участие, по

крайней мере, в одной облаве с массовыми убийствами в Белоруссии, и об этом есть подробные документы. 7 августа 1942 года при участии 36-го полицейского батальона почти все евреи, уцелевшие к тому моменту в городе Новогрудок, были собраны и расстреляны.

В публикациях говорится, что этот батальон в указанное время вел бои с партизанами. Комиссия считает, что, хотя, конечно, были многократные столкновения полицейских частей с партизанами, но словами «борьба с партизанами» и «охрана военнопленных в лагерях» нередко прикрывалось участие в акциях против гражданских лиц, в том числе, евреев.

Есть свидетельства очевидцев о присутствии эстонских подразделений среди охранников в городах Лодзь, Пшемьсл, Ржешов, Тарнополь, хотя документальных подтверждений этого мало. Из гетто трех последних городов в июле-сентябре 1942 года проводились массовые депортации в лагерь смерти Белжец. Однако ни указанные сроки, ни имеющиеся свидетельства не позволяют однозначно говорить об участии эстонских подразделений в этих событиях.

Исследователи также обнаружили свидетельства о преступлениях против человечности и актах геноцида, в которых участвовали 286, 287 и 288 полицейские батальоны в разное время своего существования. Сюда относятся убийства заключенных в лагерях на территории Эстонии, участия в так называемых «рейдах» по деревням Польши, Белоруссии и Литвы. 287 батальон был на дежурстве в лагере Клоога в сентябре 1944 года, когда там были убиты последние заключенные, оставшиеся в живых. Пока не понятно, кто конкретно совершал убийства – немецкие охранники из СС, члены резервного полка эстонской СС или полицейские из 287 батальона. Тем не менее, очевидно, что 287 батальон активно участвовал в сборе заключенных, охране и сопровождении их к месту гибели. Затем это подразделение увезли в Германию, а большинство его личного состава перевели в 20 эстонскую дивизию СС.

Учитывая, как часто полицейские подразделения меняли свой состав, комиссия считает, что сама по себе служба в указанных частях или в какой-то конкретной части не может быть доказательством участия в преступлениях. Однако те люди, которые служили в этих частях во время совершения преступлений против человечности, должны нести ответственность за свои собственные действия.

Общие условия

Комиссия считает, что не должна завершать данный отчет, не сделав некоторых комментариев общего характера к той ситуации, в которой Эстония оказалась во время немецкой оккупации.

Нет никакого сомнения в том, что годовая советская оккупация, непосредственно предшествовавшая нападению Германии на Советский Союз,

нанесла огромный ущерб организациям Эстонии и ее гражданам. В частности, массовая депортация в июне 1941 года (не менее 1% всего населения, в том числе 10% еврейской общины) создала в стране атмосферу паники, в которой вторжение немцев сначала многим казалось знаком свободой.

В неразберихе первых двух месяцев, пока немецкие войска не оккупировали всю Эстонию, большинство населения не заметило, как на эстонской территории нацисты проводили политику геноцида против эстонских евреев, проявившуюся в резне эстонских евреев в Пярну и других местах. Ко времени начала массовых арестов евреев и цыган (конец августа 1941 года) более трех четвертей евреев уже бежали из Эстонии. Есть парадоксальные свидетельства, что некоторые из оставшихся в Эстонии евреев отказались искать убежища в Советском Союзе.

Зондеркоманда 1А вместе с «Омакайтсе» и эстонской полицией так тщательно истребляла эстонских евреев, что не было образовано гетто. До прибытия в эстонские лагеря евреев из-за границы на территории Эстонии оставались только те несколько евреев, которых спрятали эстонские друзья или родственники.

Использование эстонских военных подразделений (в том числе и Эстонского легиона) и полицейских батальонов для разных заданий в Белоруссии и Польше означает, в лучшем случае, равнодушие их личного состава к бедам евреев, а в худшем – активное соучастие в геноциде. Эстонские подразделения охраняли несколько польских городов, откуда евреев периодически вывозили в лагеря смерти, чтобы евреи не смогли бежать из города. Принимая во внимание все, что происходило в других местах, в этих городах могли быть попытки евреев прорваться в леса. У нас нет документального подтверждения действий, совершенных эстонскими подразделениями, но их присутствие в этих городах и вокруг них бесспорно.

Также бесспорны свидетельства Яна Карски – бойца польского Сопротивления – о событиях в пересыльном лагере Избица. Евреев грузили в вагоны, полы в которых были покрыты негашеной известью, и держали составы на запасных путях, пока все люди не умирали. Карски попал в лагерь (сначала он думал, что это – Белжец), подкупив эстонского охранника. Это эстонское подразделение, номер которого узнать не удалось, несло охранную службу вместе с солдатами других национальностей.

Свидетельства участия 36-го полицейского батальона в ликвидации гетто в городе Новогрудок намного ярче и убедительнее. Учитывая неоднократное использование уже знакомых выражений («борьба с партизанами») для описания этих преступлений, комиссия считает, что, по крайней мере, часть действий эстонских полицейских батальонов составляли преступления против человечности или геноцид.

Есть сомнения в том, как действовали «лесные братья», а позднее «Омакайтсе» в первые недели после немецкого вторжения, поскольку по этой теме сохранилось очень мало документов. Набор в «истребительные бата-

льоны» для проведения тактики «выжженной земли» при отступлении Красной армии привел к началу Летней войны в Эстонии – столкновениям между вооруженными бандами эстонцев, придерживающихся разных политических взглядов.

Наши исследования показывают, что большинство в истребительных батальонах составляли эстонцы по национальности, также как их враги из «лесных братьев» и «Омакайтсе». Есть все основания полагать, что в неразберихе первого этапа немецкой оккупации преступления совершали обе стороны, намеренно убивая ни в чем не повинных мирных жителей. В эту категорию попадают многие сотни «подозреваемых», попавших в облавы «Омакайтсе», или убитые советскими истребительными батальонами.

Самым трудным было положение тех, кто хотел вернуться в свободное и демократическое эстонское государство, а потому сопротивлялся и немецкой, и советской власти. У них практически не было способов самовыражения. О существовании таких людей можно сделать вывод, проанализировав недостаток добровольцев для полицейских и военных частей на ранних этапах немецкой оккупации.

Опросы общественного мнения, которые проводила полиция безопасности Эстонии, показывают, что такое пассивное сопротивление усиливалось, по мере того как становилось ясно, что при немцах независимость Эстонии не будет восстановлена, и что конфискованные при Советской власти земли и имущество возвращать не будут.

Следует отметить, что более 3500 эстонцев переправились через Финский залив: некоторые стремились избежать мобилизации, другие хотели сражаться против Советского Союза, но не под командованием немцев. Мы считаем, что многие из этих людей совершили единственный, как они считали, возможный поступок, позволивший им сыграть активную роль в борьбе за восстановление независимости Эстонской Республики. Мы считаем, что 1800 мужчин, вернувшихся в Эстонию в августе 1944 года по призыву последнего премьер-министра довоенной Эстонии Юри Улуотса, продолжали в это верить.

В сущности, главная проблема во время немецкой оккупации (и после нее) заключалась в том, что сопротивление немцам неизбежно считалось бы поддержкой коммунизма и Советского Союза, а сопротивление советским войскам – поддержкой нацизма. Несмотря на то, что дипломаты Эстонской Республики продолжали работать в нескольких странах, не существовало эстонского правительства в изгнании, от имени которого можно было сопротивляться. «Ничейная земля» была очень маленькой.

До конца лета 1944 года те немногие политики, которые выступали за демократию и независимость и продолжали действовать, считали, что после окончания войны Эстония сможет на мирной конференции заявить о своей независимости. С высоты прошедших лет видно, что это была

несбыточная надежда. Предпринятая в сентябре 1944 года попытка восстановить независимое государство и предотвратить возвращение советской власти разбилась о сопротивление немецких властей, отказ СССР от переговоров и слабость воинских частей, бывших в распоряжении нового правительства.

Люди, покидавшие Эстонию перед наступлением русских, не хотели снова оказаться в условиях советской оккупации. Среди них были и те, кто опасался предстать перед советским судом за сотрудничество с немцами. Некоторые из них были членами Директората, полиции безопасности или в составе военных или полицейских частей охраняли лагеря и города, в которых совершались преступления против человечности и акты геноцида.

Почти никто из этих людей не отвечал в суде за содеянное. Начало холодной войны стало чем-то вроде амнистии для тех, кто мог заявить, что они боролись против советской власти, пусть даже в союзе с немцами или под их командованием. И почти никто, за редким исключением, не задавал им вопросов о том, чем они занимались во время войны. Поэтому многие беженцы свободно эмигрировали в Англию, Австралию, Канаду, США и другие страны.

В рамках своего исследования мы рассмотрели судьбы многих эстонцев, оставшихся в Эстонии или попавших в руки советских властей в качестве пленных и отданных под суд. Лишь некоторые были оправданы. Остальных судили за совершенные преступления на основании заслуживающих доверия доказательств. Но те обвинения, которые основывались только на сотрудничестве эстонцев, как граждан СССР, с немцами, были несправедливыми. Эстония формально не вступала в СССР с соблюдением необходимых процедур, и эстонцы имели все основания считать себя гражданами Эстонской Республики.

Мы признаем, что репрессивная политика Советского Союза в оба периода оккупации, неспособность Эстонии восстановить свою независимость в течение и после немецкой оккупации, потери жизней и имущества, ставшие результатом войны, утрата десятков тысяч эстонцев, которые бежали от возвращающейся советской власти, делают эстонцев пострадавшей нацией. После войны было естественным, что эстонцы в изгнании и эстонцы в Эстонии приписывали всю вину «оставшемуся угнетателю» – Советскому Союзу. Это объясняет, почему было так трудно рассматривать период немецкой оккупацией.

Комиссия считает, что быть жертвой – не значит не совершать преступлений. Люди, уважающие закон, должны признавать совершенные преступления, если они были совершены, осуждать эти преступления и людей, их совершивших.

Будет несправедливо обвинять всю нацию в преступлениях некоторых ее членов, но также несправедливо позволять преступникам находить убежище под маской мученичества.

11. Документы и материалы по новейшей истории Эстонии. Выбор источников

Тоомас Карьяхярм

Общие

Eesti ajaloo lugemik. Koost H. Kruus. I. Valitud lugemispalad Eesti ajaloo alalt 1561. aastani; II. Valitud lugemispalad Eesti ajaloo alalt 1561.–1721. a.; III. Valitud lugemispalad Eesti ajaloo alalt XVIII ja XIX sajandil. Tartu, 1924, 1926, 1929.

Документы внешней политики СССР. Министерство иностранных дел. I–XXI. 1957–1977.

Eesti NSV ajaloo lugemik I. Valitud dokumente ja materjale Eesti ajaloost kõige vanemast ajast kuni 19. sajandi keskpaigani. Koost J. Kahk, A. Vassar. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut. Tallinn, 1960; II. Valitud dokumente ja materjale Eesti ajaloost XIX sajandi keskpaigast kuni 1917. aasta märtsini. Toim E. Laul, A. Traat. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut. Tallinn, 1964.

Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). Отв. ред. И. М. Волков. Московский государственный университет, исторический факультет, кафедра истории СССР советского периода. Москва, 1966.

Eesti NSV ajaloo lugemik VII–VIII klassile. Koost S. Vahtre, H. Piirimäe. Tallinn, 1987.

Eesti NSV ajaloo lugemik IX–XI klassile. Koost H. Arumäe, A. Liim, H. Palamets. Tallinn, 1987.

Sabbo, H. Võimatu vaikida, I–VII. Tallinn, 1996–2004.

На пути к пониманию прошлого. Поиски. Версии. Идеи. Книга для учителя истории. European Standing Conference of History Teachers' Associations. Zvaigzne ABC, 2000 (projekt "New Ways to the Past" Euroclio/Matra).

Baltimaade ajaloo lugemik. Avita, 2001.

Хрестоматия по истории Балтийских стран. Авита, 2002.

Eesti ajalugu. Valik ajalooallikaid. Lisamaterjal gümnaasiumikursuse juurde. Koost S. Valdmaa. Koolibri, 2002.

Eesti omariikluse arengust. Dokumentide kogumik. Koost H. Mõttus, L. Möldre, M. Räis, S. Valdmaa. Komment A. Pajur. Tallinn, 2002 (Integratsiooni Sihtasutuse projekt “Mitmekultuuriline Eesti”).

Об эстонской государственности. Сборник документов. Сост. Х. Мытус, Л. Мёлдре, М. Райс, С. Валдмаа. Комментар. А. Паюра. Таллинн, 2003 (Проект Целевого учреждения интеграции «Многокультурная Эстония»).

История – это не только прошлое. Прошлое – это ещё не история. Книга для учителя истории. Эстонское общество учителей истории. Таллинн, 2004. http://www.eas.edu.ee/kasiraamat/rus/sisu_rus_screen.pdf

Народы стран Балтии в условиях сталинизма. 1940-е – 1950-е гг. Ред. Н. Бугай. Штуттгарт, 2005.

М. Граф. Эстония и Россия 1917–1991: анатомия расставания. Таллинн, 2007.

1700–1917

1905. aasta Eestis. kirjeldused, mälestused, dokumendid. Leningrad, 1926.

Punased aastad. Mälestisi ja dokumente 1905. aasta liikumisest Eestis. I. Toim N. Kruus. Tartu, 1932 (1905. aasta Seltsi Toimetised. II:1).

Революция 1905–1907 гг. в Эстонии. Сборник документов и материалов. Ред. Г. И. Мосберг. Институт истории Академии наук Эстонской ССР, Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР. Таллин, 1955.

Крестьянские волнения в Эстонии в 1858 г. Документы и материалы. Сост. О. Варес, В. Файнштейн, Х. Пийримая. Под ред. Ю. Кахка. Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР, Институт истории Академии наук Эстонской ССР. Таллин, 1958.

Eesti rahva ajaloost Põhjasõja aastail 1700–1721. Valimik dokumente. Koost V. Fainštein, O. Ibius, R. Kenkmaa, H. Palli, A. Traat, E. Õpik. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, Eesti NSV Riiklik Ajaloo Keskarhiiv. Tallinn, 1960.

Talurahvaliikumine Eestis aastail 1845–1848. Dokumentide kogumik. I–II. Koost V. Naaber, A. Traat. Tallinn: Eesti Vabariigi Arhiiviamet, Eesti Ajalooarhiiv, 1991.

От Лифляндии – к Латвии. Прибалтика русскими глазами. Сост. Ю. Абызов. Латвийское общество русской культуры. Москва, 1993.

Venestamine Eestis 1880–1917. Dokumente ja materjale. Koost, tõlk ja komment T. Karjahärm. Tallinn, 1997.

Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. I–III. Ред. И. Белобровцева. Таллинн, 1997.

Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века. Сборник документов и материалов. Сост. Т. Карьяхярм. Национальный архив Эстонии, Институт истории (Таллинн). Тарту, 2000.

Ohvitserina Vene armees. Polkovnik Jaak Rosenbaumi kirjad vennale (1892–1904, 1906, 1909). Allikapublikatsioon. Koost T. Tannberg. Tartu, 2002 (Uurimusi ja allikmaterjale Eesti sõjaajaloost, 4).

1917–1920

Asutava Kogu protokollid. 1.–5. istungjärk. Tallinn, 1919–1920.

Maanõukogu protokollid 1917–1919. Tallinn, 1935.

Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis. Dokumentide ja materjalide kogumik. Koost V. Boikov, V. Gussarova, H. Hartmann, E. Jaanvärk, M. Muzõkantova, M. Petrov, K. Possudijevskaja, O. Rüütel, A. Saarniit, A. Takkin, M. Talfeldt. Vastutav toim J. Saat. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, EKP Keskkomitee Partei Ajaloo Instituut, Eesti NSV Arhiivide Osakond, Eesti NSV Oktoobrirevolutsiooni ja Sotsialistliku Ülesehitustöö Riiklik Keskarhiiv. Tallinn, 1957.

Eesti Tööraha Kommuun. Dokumentide ja materjalide kogumik. EKP Keskkomitee Partei Ajaloo Instituut. Tallinn, 1958.

Хрестоматия по истории СССР 1917–1925. Сост. Д. В. Ознобишин, Д. А. Ковальченко. Ред. Д. А. Чугаев. Москва, 1963.

Sotsialistlikud revolutsioonid Eestis 1917, 1940. Eesti NSV astumine NSV Liidu koosseisu. Dokumente ja materjale. Koost H. Arumäe, O. Kuuli, A. Liebman, E. Mattisen, K. Siilivask. Eesti NSV Teaduste Akadeemia, Eesti NSV Välisministeerium. Tallinn, 1986.

Kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis 1918–1920. Dokumente ja materjale, I–II. Toim K. Siilivask. EKP Keskkomitee Partei Ajaloo Instituut, Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, Eesti NSV Oktoobrirevolutsiooni ja Sotsialistliku Ülesehitustöö Riiklik Keskarhiiv. Tallinn, 1984, 1986.

Социалистические революции в Эстонии и ее вхождение в состав СССР. 1917–1940. Документы и материалы. Таллин, 1987.

Iseseisvusmanifest. Dokumentide kogumik. Koost E. Mattisen. Ilo, 1993.

Jaan Tõnisson Eesti välispoliitikas 1917–1920. Dokumente ja materjale. Koost H. Arumäe, T. Arumäe. Jaan Tõnissoni Instituut. Tallinn, 1993.

Eesti Vabariigi sisepoliitika 1918–1920. Dokumentide kogumik. Koost J. Ant, E. Kessel, A. Pajur. Eesti Rahvusarhiiv, Tartu Ülikool, 1999 (Ad Fontes 5).

1. Eesti polgu komitee protokollid 1917–1918. Allikapublikatsioon. Koost A. Pajur, T. Tannberg. Tartu, 2001 (Uurimusi ja allikmaterjale Eesti sõjaajaloost, 3).

1921–1938

Eesti lepingud välisriikidega. I–XIV. Eesti Vabariigi Välisministeerium. Tallinn, 1923–1938.

Krepp, E. Security and Non-Agression. Baltic States and the U.S.S.R. Treaties of Non-Agression. Estonian Information Centre. Stockholm, 1973.

Vähemusrahvuste kultuurielu Eesti Vabariigis 1918–1940. Dokumente ja materjale. Koost A. Matsulevitš. Eesti Riigiarhiiv. Tallinn, 1993.

Poliitilise mõtte ajaloost aastatel 1930–1940. Dokumente ja materjale. Koost J. Valge, A. Pajur. Jaan Tõnissoni Instituut. Tallinn, 1995.

Eesti ja Soome suhted 1920–1925. Dokumentide kogumik. Koost H. Arumäe. Eesti Riigiarhiiv. Tallinn, 1997 (Ad Fontes, 1).

Eesti ja Läti suhted 1920–1925. Dokumentide kogumik. Koost H. Arumäe, T. Arumäe. Rahvusarhiiv. Tallinn, 1999 (Ad Fontes, 7).

Eesti suhted Leedu ja Poolaga. Balti konverentsid 1920–1925. Dokumentide kogumik. Koost H. Arumäe. Rahvusarhiiv. Tallinn, 2001 (Ad Fontes, 9).

Eesti Vabariigi sisepoliitika 1921–1929. Dokumentide kogumik. Koost J. Ant, E. Kessel, A. Pajur. Eesti Rahvusarhiiv, Tartu Ülikool. Tallinn–Tartu, 2002 (Ad Fontes, 12).

1939–1940

Riigivolikogu II koosseis. I istungjärk. 1.–13. koosolek. Stenograafilised aruanded. Riigivolikogu väljaanne, 1940, lk. [I–II].

1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale. Koost V. Gussarova, H. Hartmann, E. Jaanvärk, A. Matsulevitš, A. Saarniit, H. Saarniit. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, EKP Keskkomitee Partei Ajaloo Instituut, Eesti NSV Oktoobrirevolutsiooni ja Sotsialistliku Ülesehitustöö Riiklik Keskariiv. Tallinn, 1960.

СССР – Германия 1939. I. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс, 1989.

СССР – Германия 1939–1941. II. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Вильнюс, 1989.

1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Сост. А. Кёөрна, Ю. Лепп, Х. Линдпере, Л. Мери, Э. Труувяли. Таллинн, 1989.

Molotovi-Ribbentropi paktist baaside lepinguni. Dokumente ja materjale. Koost K. Arjakas, H. Arumäe, T. Arumäe, R. Helme. Tallinn, 1989.

1940. aasta Eestis. Dokumente ja materjale. Koost A. Kõörna, J. Lepp, H. Lindpere, L. Meri, E. Truuväli. Tallinn, 1990.

Saatuseaastad 1939–1940. Sündmused Balti riikides ja Soomes Nõukogude dokumentide ja materjalide põhjal. Koost K. Jaanson. Tallinn, 1990.

От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Сост. К. Арьякас, Х. Арумязь, Т. Арумязь, К. Хелме. Таллинн, 1990.

1939 год. Уроки истории. Академия наук СССР, Институт всеобщей истории. Ред. О. А. Ржешевский. Москва, 1990.

Полпреды сообщают ... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией август 1939 г. – август 1940 г. Министерство иностранных дел СССР. Москва, 1990.

Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. I–II. Министерство иностранных дел СССР. Москва, 1990.

Baasidelepingust anneksioonini. Dokumente ja materjale. Koost J. Ant, K. Arjakas, H. Arumäe, T. Arumäe, P. Vares. Riigi Keskarhiiv, Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut. Tallinn, 1991.

1940. aasta: eel- ja järellugu = Год 1940-й: до и после = The year 1940: before and after. Koost K. Sotsilovski. Tallinn, 1991.

На чаше весов: Эстония и СССР, 1940 г. и его последствия. Сост. П. Варес, О. Журьяри. Евроуниверситет. Таллинн, 1999 (Eurouniversity Series. International Relations, vol. 2/2).

Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. Москва, 1999.

Itaalia diplomaadid teatavad. Itaalia välispoliitilised dokumendid sündmustest Eestis 1939–1940. Koost P. Vares. Euroülikool. Tallinn, 2001.

1941–1945

Teheran – Jalta – Potsdam. Dokumentide kogumik. Tallinn, 1975.

Documents from Estonia on the Violation of Human Rights. Estonian Information Centre. Stockholm, 1977 (Problems of the Baltic, IV).

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. II. Тегеранская конференция

руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943). Сборник документов. Москва, 1984.

Population Losses in Estonia June 1940 – August 1941, I. Compiled and edited V. Salo. Scarborough, 1989 (Studia Estonica Fennica Baltica, IV).

14. juuni 1941. Mälestusi ja dokumente. Koost M. Laar. Eesti Muinsuskaitse Selts. Tallinn, 1990.

President ja sõjavägede ülemjuhataja NKVD ees. Dokumente ja materjale. Komment M. Ilmjärv. Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut. Tallinn, 1993 (Tõid ajaloo alalt, 1).

Tallinn tules. Dokumente ja materjale Tallinna pommitamisest 9./10. märtsil 1944. Koost J. Kovimäe, L. Kõiv. Tallinn, 1997 (Tallinna Linnaarhiivi Toimetised, 2).

Seniavaldamata dokumente juuniküditamisest. – Kultuur ja Elu 1998, nr 3. [Erinumber.]

“Vaba Eesti”: Vaba Eesti Võitlusrinde häälekandja. – Akadeemia 2000, nr 9, lk 1887–1897; nr 10, lk 2200–2208; nr 11, lk 2411–2420; nr 12, lk 2647–2652; 2001, nr 1, lk 150–158.

Eesti Julgeolekupolitsei aruanded 1941–1944: Eesti üldine olukord ja rahva meeleolu Saksa okupatsiooni perioodil politseidokumentide peeglis. Koost T. Noormets. Riigiarhiiv. Tallinn, 2002 (Ad Fontes, 11).

Metsavennad Suvesõjas 1941. Eesti relvastatud vastupanuliikumine Omakaitse dokumentides. Koost T. Noormets. Riigiarhiiv. Tallinn, 2003 (Ad Fontes, 13).

Töotan ustavaks jääda... Eesti Vabariigi valitsus 1940–1992. Koost ja toim M. Orav, E. Nõu. Eesti Kirjanduse Selts, 2004.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Москва, 2004.

Сталинские депортации. 1928–1953. Москва, 2005.

Эстония. Кровавый след нацизма: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. Москва, 2006 (Серия «Евровосток»).

ЛУБЯНКА. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Москва, 2006.

1945–1987

Kaelas, A. Human Rights and Genocide in the Baltic States. Estonian Information Centre. Stockholm, 1950.

ÜK(b)P Keskkomitee otsused “Ajakirjadest “Zvezda” ja “Leningrad””, “Draamateatrite repertuaarist ja abinõudest selle parandamiseks”, “Kinofilmist “Suur elu”” ja “V. Muradeli ooperist “Suur sõprus”.” Tallinn, 1953.

Kui tulevad kolhoosid. Dokumente Eesti maarahva suhtumisest kolhoosikorda aastail 1948–49. – Akadeemia 1991, nr 2, lk 382–397.

Dokumente metsavendlusest ja vastupanuliikumisest Eestis. Koost V. Boikov, A. Ruusmann. – Akadeemia 1991, nr 10, lk 2188–2207; nr 11, lk 2404–2425; nr 12, lk 2642–2659; 1992, nr 1, lk 163–170; nr 2, lk 397–408; nr 3, lk 608–618; nr 4, lk 835–845; nr 5, lk 1076–1089; nr 6, lk 1310–1321; nr 7, lk 1514–1520; nr 8, lk 1732–1744; nr 11, lk 2402–2412; 1993, nr 3, lk 613–619.

Laasi, E. Vastupanuliikumine Eestis 1944–1949. Dokumentide kogu. Tallinn, 1992.

Aruanne ENSV Ministrite Nõukogu juures asuva Riikliku Julgeoleku Komitee 2. vastuluureosakonna tööst ajavahemikul 1. IV 1954 – 1. IV 1955. Toim J. Ojamaa, J. Hion. Eesti Riigiarhiivi Filiaal (Parteiarhiiv). Tallinn, 1997 (Ad Fontes, 2).

Aruanne Riikliku Julgeoleku Komitee 2. vastuluureosakonna tööst 1955. aastal. Toim J. Ojamaa, J. Hion. Eesti Riigiarhiivi Filiaal (Parteiarhiiv). Tallinn, 1998 (Ad Fontes, 4).

EK(b)P VIII pleenumi stenogramm. – Akadeemia 1998, nr 12, lk 2655–2686; 1999, nr 1, lk 191–222; nr 2, lk 415–445; nr 3, lk 639–670; nr 4, lk 863–894; nr 5, lk 1087–1118; nr 6, lk 1311–1342; nr 7, lk 1535–1566; nr 8, lk 2221–2256.

Esitis ENSV Ministrite Nõukogu juures asuva Riikliku Julgeolekukomitee 4. osakonna töö tulemuste kohta ajavahemikul 1. IV 1954 – 1. IV 1955. Aruanne Eesti NSV Ministrite Nõukogu juures asuva RJK 4. osakonna agentuur- ja operatiivtöö kohta 1955. aastal. Toim J. Ojamaa, J. Hion. Rahvusarhiiv. Tallinn, 1999 (Ad Fontes, 6).

Aruanne Eesti NSV MN juures asuva RJK 2. osakonna agentuur- ja operatiivtöö kohta 1956. aastal. Aruanne Eesti NSV MN juures asuva RJK 4. osakonna agentuur- ja operatiivtöö kohta 1956. aastal. Toim J. Ojamaa, J. Hion. Rahvusarhiiv. Tallinn, 2000 (Ad Fontes, 8).

Vaba Eesti tähistel. Valimik tsensuurivaba eesti mõttelugu aastaist 1948–65. Projektijuht P. Tõnus, koost ja toim H. Grabbi, I. Iliste, V. Linnuste. Tallinn, 2000.

Реабилитация: Как это было? Март 1953 – февраль 1956. Документы. Т. 1. Москва, 2000.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953. Москва, 2002.

Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. Москва, 2002.

Aruanne Eesti NSV MN juures asuva RJK 2. osakonna agentuur- ja operatiivtöö kohta 1957. aastal. Aruanne Eesti NSV MN juures asuva RJK 4. osakonna agentuur- ja operatiivtöö kohta 1957. aastal. Toim J. Ojamaa, J. Hion. Rahvusarhiiv. Tallinn, 2002 (Ad Fontes, 10).

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Москва, 2003.

ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. Москва, 2004.

Aruanne Eesti NSV Ministrite Nõukogu juures asuva Riikliku Julgeoleku Komitee 2. osakonna agentuur- ja operatiivtöö tulemuste kohta 1958. aastal. Aruanne Eesti NSV Ministrite Nõukogu juures asuva Riikliku Julgeoleku Komitee 4. osakonna agentuur- ja operatiivtöö tulemuste kohta 1958. aastal. Toim J. Ojamaa, J. Hion. Rahvusarhiiv. Tallinn, 2005 (Ad Fontes, 14).

Hävitajad: nõukogude hävituspataljonid Eestis 1944–1954. Dokumentide kogumik. Koost T. Noormets, V. Ohmann. Tallinn, 2006 (Ad Fontes, 15).

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления 1954–1958. Москва, 2006.

Hirvepark 1987. 20 aastat kodanikualgatuses, mis muutis Eesti lähiajalugu. Toim T. Tannberg. Tallinn, 2007.

1988–1991

Rahvakongress. Eestimaa Rahvarinde kongress 1.–2. X 1988. Materjalide kogumik. Koost J. Nõmm, A. Ottenson. Tallinn, 1988.

Eesti Kongressi I ja II istungjärgu materjalid. Tallinn, 1990.

Laar, M., Ott, U., Endre, S. Teine Eesti. Eesti iseseisvuse taassünd 1986–1991. Tallinn, 1996; 2000.

Taasvabanenud Eesti põhiseaduse eellugu. Toim H. Schneider. Eesti Akadeemiline Õigusteaduse Selts. Tartu, 1997.

В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Григория Шахназарова (1985–1991). Сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. Москва, 2006.

Союз можно было сохранить. Белая книга. Сост. А. С. Черняев и другие. Изд. 2-е. Москва, 2007.

Материалы комиссий и трибуналов

Third Interim Report of the Select Committee on Communist Agression, 83d Congress, 2nd Session. Washington DC, 1954.

World War II and Soviet Occupation in Estonia: A Damages Report. Koost J. Kahk. Tallinn, 1991.

Judgement of the International Public Tribunal in Vilnius (2000). Vilnius, 2000.

Vilniuse rahvusvahelise avaliku tribunali kohtuotsus (2000) koos fotode ja lisadega. Koost L. Õispuu. Tallinn, 2003.

Valge raamat. Eesti rahva kaotustest okupatsioonide läbi 1940–1991. Okupatsioonide Repressiivpoliitika Uurimise Riiklik Komisjon, 2005. Kättesaadav <http://www.just.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id=12723/ValgeRaamat.pdf>.

Белая книга. О потерях, принесенных народу Эстонии оккупациями 1940–1991. Государственная комиссия по расследованию репрессивной политики оккупационных сил, 2005.

The White Book. Estonian State Commission on the Examination of the Policies of Repression, 2005. Kättesaadav <http://www.just.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id=12709/TheWhiteBook.pdf>.

Inimsusevastaste Kuritegude Uurimise Eesti Rahvusvahelise Komisjoni raportid. Nõukogude okupatsioon 1940–1941. Saksa okupatsioon 1941–1944. Haridus- ja Teadusministeerium, Inimsusevastaste Kuritegude Uurimise Eesti Sihtasutus. Tartu, 2005. Kättesaadav http://www.historycommission.ee/temp/pdf/conclusions_ee.pdf.

Репорты Международной комиссии Эстонии по расследованию преступлений против человечности: Оккупация Эстонии Советским Союзом 1940–1941. Оккупация Эстонии Германией 1941–1944. Министерство образования и науки, Эстонский фонд расследований преступлений против человечности. Тарту, 2005. Kättesaadav http://www.historycommission.ee/temp/pdf/conclusions_ru.pdf.

Conclusions of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Phase I. The Soviet Occupation of Estonia, 1940–1941; Phase II. The German Occupation of Estonia, 1941–1944. Kättesaadav http://www.historycommission.ee/temp/pdf/conclusions_en.pdf.

Estonia 1940–1945. Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Comp. T. Hiio, M. Maripuu, P. Kaasik, A. Kuusik, A. Niglas, I. Paavle, R. Roosi, K. Piirimäe, L. Rand, M. Ilmjärv, T. Noormets, V. Ohmann, M. Raudvassar, T. Möldre, L. Mälksoo, R. Västriik. Eds. T. Hiio, M. Maripuu, I. Paavle. Tallinn, 2006.

Новые издания на русском языке

Черняев А. 1991 год. Дневник помощника президента СССР. Москва, 1997.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. Москва, 1997.

Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКБ(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-х гг.). Проблемы, документы, опыт комментария. I. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. СПб., 2000.

Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. Москва, 2001.

Грачев А. Горбачев. Москва, 2001.

Россия и Балтия. 1–4. Российская академия наук, Институт всеобщей истории. Отв. ред. А. О. Чубарьян. Москва, 2000–2006.

Крючков В. А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. Москва, 2001.

Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. Москва, 2003; 2008.

Яковлев А. Н. Сумерки. Москва, 2003.

Симонян Р. Х. Россия и страны Балтии. Российская академия наук, Институт социологии. Москва, 2003.

Талботт С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. Москва, 2003.

Земсков В. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. Москва, 2003.

Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. Москва, 2004.

Балтийский регион в международных отношениях в новое и новейшее время. Материалы международной научной конференции. Калининград, 10–11 октября 2003 г. Калининградский государственный университет, Балтийский межрегиональный институт общественных наук, Европейский фонд «Диалог» (Польша), Институт им. Гердера (Марбург, Германия). Калининград, 2004.

Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. Москва, 2004.

Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. Москва, 2005.

История Латвии. XX век. Рига, 2005.

Мялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Издательство Тартуского университета, 2005.

Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения на СССР. Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва 3-4 февраля 2005 г. Москва, 2006.

Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд. Москва, 2006.

Tupa: Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Сост. Т. Таннберг, О. Раун. Тарту-Таллинн, 2006.

Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. Московский интеллектуально-деловой клуб. Москва, 2007.

Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий 1985–2005. Москва, 2007 (серия «Новейшая история. Особый взгляд»).

Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны 1945–1985. Москва, 2007 (серия «Новейшая история. Особый взгляд»).

Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль 1940–1953. Москва, 2008 (История сталинизма).

